

GOthic & WEIRD FANTASY,
FANTASTIC HORROR & SF.

WIZARD LABS
MYSTIC LABS

1, январь 1990

ЖУРНАЛ НФ И ФАНТАСТИКИ УЖАС

ДИЕТИЧЕСКИЙ
ПРОДУКТ

МЭД Х ПРЕСС
МЭД Х ПРЕСС

* С ПОНИЖЕННЫМ СОДЕРЖАНИЕМ
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ МОИСТРОВ
И УВЕЛИЧЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИ-
ЕЙ НФ

МЭД "Х" ПРЕСС (читается МЭД-ЭКС-ПРЕСС)
- САТЕЛЛИТАРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ФЭНЗИНУ
МЛ, ИЗДАВАЕМОЕ ПРИ СКОПЛЕНИИ ИЗБЫ-
ТОЧНОГО КОЛИЧЕСТВА ХОРОШИХ РУКОПИ-
СЕЙ В ЖАНРЕ НФ ИЛИ ПЕРЕПОЛНЕНИИ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА МЛ. ПРЕДВАРИТЕЛЬ-
НЫЕ ЗАКАЗЫ НА М"Х"П ПРИНИМАЕТ РЕДАК-
ЦИЯ МЛ.

МЭД ЛЭБ
орган Николаевского филиала
ЛИА "ОВЕРСАН"

Издатель/редактор: Владимир В. ШКЛУХИН
Соредактор: Андрей Р. ЛАГОШНЯК

1, январь 1990

От редакции. Конец ежелиной недели!	5
Строки из писем	25
Проза:	43
НАДВИГАЕТСЯ ШТОРМ.	Хок (США)
НЕПОГОДА.	Виталий Тюнников (СССР)
КВЕНАТОР РЕКС.	Майк Херли (США)
ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА.	Мэрион П. Брамли (США)
ПАУК.	Ханс Х. Эверс (Германия)
Разведка боем	120
Критика	133
ABC...ML:	148
Малая пресса.	Дженет Фокс 169
Биржа	205
Художники этого номера	221

МЭД ЛЭБ — ежеквартальный
международный журнал НФ и фантастики
ужасов, основан в январе 1970, издается
Николаевским филиалом Любительского
Информационного Агентства "Оверсан". МЛ
имеет нерегулярное приложение-сателлит
МЭД "Экс"ПРЕСС. Приобретается право на
однократную публикацию, после которой
копирайт возвращается к автору. Письма
становятся собственностью редакции. Все
права на переводы после публикации при-
надлежат переводчикам. © Остальные
материалы, составление, комментарии,
Владимир В. МЕЛУХИН, 1970.

Все авторские права защищены. Никакая
часть данного издания не может быть
воспроизведена, записана в поисковой
системе или скопирована в любой форме
или любыми средствами, такими как меха-
нические, фотокопирующие, записывающие
или другие без предварительного пись-
менного разрешения от редактора.

Все запросы, письма и материалы про-
сим отправлять по адресу:
СССР, 327003 г. НИКОЛАЕВ, ГОС-3, а/я 22,
ЛИА "Оверсан"-НФ, редакция МЭД ЛЭБ.

Your letters and submissions please
send to:

MAD LAB / OVERSUN-NB / GOS-3, P.O.Box
22 / 327003 Nikolaev / U.S.S.R

В издании МЛ # 1 принимали участие:
Владимир В. МЕЛУХИН — редактор
Андрей Р. ЛАГОШНЯК — соредактор
Евгений В. КУКОБА — литредактор

— Я проучу вас за
то, что вы сделали на
Земле с мистером По.
Отныне берегитесь!
Дом Амеров начинает
свою деятельность!

— Вам известен
Закон. Как положено:
никаких книг, никаких
домов, ничего, что
было бы сопряжено с
привидениями, вампи-
рами, феями и другими
творениями фантазии.

Рей Дуглас Брэдбери
"Амер-II"

О Т Р Е Д А К Ц И И

К О Н Е Ц Е М Е Л И Н О Я Н Е Д Е Л Е !

У тьмн высокая цель. Какая?
Сатана явился в Москву для
страшного суда.

Анатолий Королев, "Москва и
Ермалаин"

"Страх - древнейшее и сильнейшее чувство, известное человечеству, а страх перед неведомым - древнейшая и сильнейшая его форма. Вряд ли кто-либо из психологов решится отрицать очевидные факты, и уже одно это должно утвердить на все времена высокое происхождение и чистоту крови повествования о сверхъестественных ужасах как жанра литературы. Его осыплют стрелами как из лагеря материалистической софистики, цепляющейся за повседневные эпоэии и банальные события, так и с бастионов наивного и скучного идеализма, который осуждает творчество из эстетических побуждений и требует от дидактической литературы поднять читателя на должный уровень бездунного оптимизма. И несмотря на это, жанр ужасов в литературе не только выжил, но и развился, достигнув высот совершенства..." - писал "один из этих", Г.Ф. Лавкрафт в конце 20-х годов. В подтверждение истинности этих слов можно приводить десятки примеров.

Если до недавних пор те, от кого

Зависела судьба культуры этой страны, относились к фантастике вообще, в лучшем случае, с плохо скрываемым пренебрежением, то на weird fiction, supernatural horror, terror fantasy, короче, на всю ненаучную фантастику дежурные проповедники соцреализма набрасывались, уже окончательно теряя лицо и обрызгивая окружающих хлопьями словесной пены.

Этот жанровый расизм, ведро приправленный идеологическим мессинством, проявился особенно ярко в статье Е.И. Парнова "Два лика Януса". В ней есть все, что угодно, за исключением трех вещей: желания найти Истину, стремления к добросовестному анализу, серьезного знания предмета поношения. Цитата:

"Можно назвать еще многих авторов, творчество которых заслуживает самого пристального внимания. Но какими бы громадными тиражами ни выходили их произведения, они буквально тонут среди океана фантастики иного рода: вторичной, ловко эксплуатирующей чужие открытия, а то и вовсе лежащей за пределами художественной литературы.

Это бульварщина, наполненная призраками, чудовищами, катастрофами, убийствами, порнографией. Мутный поток "нечистой", по точному определению прогрессивных писателей, фантастики призван оглушить читателя, посеять страх и неверие в свои силы, в возможность предвидения и управления будущим".

Прерыв на мгновение поток обличительного красноречия. Не чудится

ли вам, дорогие читатели, что-то смутно знакомое в этих погромных по тону и языку фразах? Впрочем, вот она, путеводная ниточка: "прогрессивные писатели". Не так уж их и много — тех, кому такой автор решился бы выписать столь безотказную индульгенцию, не называя при этом по имени. Недолгие поиски в архиве дадут нам в руки давнюю, длительное время милосердно забытую, но извлеченную "Молодой гвардией" из архива статью И.А. Ефремова. Эти тексты стоит сравнить!

"Многое можно было бы сказать об индивидуальности творческой манеры отдельных авторов, о разнице в видении мира и оценках тех или иных событий. Но сегодня создается несколько парадоксальная ситуация. Дело в том, что и Брэджери, провидящий в технократическом бездуховном прогрессе новые страшные беды, и его антипод Азинов, убежденный в безграничном могуществе науки и безоблачном небе мира без войн, несмотря на почти диаметрально противоположность исходных рубежей, как ни странно, одинаково нетипичны для Западной фантастики. То же в известной мере можно сказать и о других интересных, талантливых писателях, таких как Сайпак, Умидев, Гаррисон, Урсула Ле Гуин, Хекли, Сакэ Конацу.

Фантастика "чистая" и "нечистая"

... Научная фантастика за рубежом многообразна. Американисты различают "чистую" научную фантастику, основанную на тех или иных серьезных научных положениях, и более "свободный" вид этого жанра, где в причудливом вымысле авторы сплетают оборотней и кибернетические машины, вампиров и космические корабли, привидения и высшие достижения химии. Печально так называемой научной фантастики, которая обходится даже без этой скропной научно-технической основы. Падуманный бред преимущественно религиозно-мистического оттенка лишь для занимательности оснащается переносом действия на другие планеты или в отдаленное будущее. Иногда местом извечной

Можно назвать еще многих авторов, творчество которых заслуживает самого пристального внимания. Но какими бы гонимыми тиранами ни выходили их произведения, они буквально тонут среди океана "фантастики" иного рода: вторичной, ловко эксплуатирующей чужие открытия, а то и вовсе лежащей за пределами художественной литературы.

Это бульварщина, наполненная призраками, чудовищами, катастрофами, убийствами, порнографией. Мутный поток "нечистой", по точному определению прогрессивных писателей, фантастики, призван оглушить читателя, посеять страх и неверие в свои силы, в возможность предвидения и управления будущим.

Существуют три основные градации подобной продукции: литература (и соответственно кинематограф) ужасов и чудовищ, наполненная страшилками, невероятными радиоактивными насекомыми, которые либо обрушиваются на Землю из космоса, либо подстрегают исследователей на далеких планетах; литература сумасшедших ученых, на разные лады воспевающая маньяков, совершивших страшное научное открытие, грозящее уничтожением мира и полным истреблением людей, и, наконец, литература катастроф. Последняя струя наиболее повсюдна. В ней

борьба добра и зла становится какой-нибудь лаборатория: с маньяками-учеными.

Сами читатели издеваются над подобной литературой, называя ее "БЕМ"-литературой (Bug and Monster), подчеркивая постоянное присутствие чудовищ или гигантских насекомых, вторгавшихся на Землю из космоса или встречающих астронавтов на планетах иных звезд. Другое издательское название для таких произведений - "ЭйЗс" (Mad Scientist) - безумный ученый, то есть гениальный одиночка, открывавший ужаснейшие способы истребления людей или потрясения всей планеты - очень частый аксессуар англо-американской научной фантастики. Наконец, третьи провидцы также четко выделяют основу еще одного вида произведений: "У.Л." ("Uplaval Literature"), то есть литература катастроф, непременно случавшихся с нашей бедной Землей или с иными планетами, если действие перенесено в другие звездные системы. Ядерная война, сметающая цивилизации и перерождающая человечество в толпу вампиров, кристаллов или, в лучшем случае, в дикарей. (...) Пожалуй, еще чаще научная фантастика становится детективом, где гангстеры и сидики прикрыты лишь фиговыми листочками науки, а череда убийств

живописуются взрывы сверхновых звезд и супербомб, несущих смерть цивилизации. Здесь слагается пространство, аннигилирует вещество, колается время, миры сталкиваются с кометами из антиматерии. Часто подобные комари являются не чем иным, как возрождением на атомном и космическом уровне средневекового мистицизма.

В таких произведениях - с той или иной степенью художественной убедительности - проводится зашифрованная идея о том, что будущее нельзя конструировать по воле человеческой, оно неизбежно, как рок, и почти всегда несет людям трагическую кончину. Эта идея имеет определенную генетическую связь с милитаризацией капиталистических стран. Смысл ее не мудрен: если наука сегодняшнего дня отдает свои лучшие силы на создание новейших видов вооружения - нейтронных бомб и крылатых ракет, то вряд ли будущее внесет изменения в сложившуюся ситуацию. Дух обреченности порождает водопад романов, повестей, рассказов, в которых Земля гибнет, объята атомным пламенем войны.

С особой яркостью это проявилось в кинематографе. Ленте типа "Они пришли из Космоса" Дона Сигеля, "Существо из другого мира" Говарда Хаукса или

и преследований украшается пейзажами космических перелетов или других планет. Эта разновидность наиболее распространена. В своих крайних выражениях она смыкается с чисто детективной литературой, иногда с приключенческо-географической, преимущественно детской ..., а также с психолого-эротической, в которой последователи Фрейда чувствуют себя свободно под зонтом "научной" фантастики.

Даже самые блестящие представители американской научной фантастики, такие как Айзек Азимов, известный, очень образованный ученый-биохимик, отдали дань научно-фантастическому детективу. Азимов написал с десяток романов, в которых действует сделанные "под человека" роботы - космические сидики... Следует упомянуть еще об одном любопытном явлении, чтобы показать, насколько разнообразна маскировка под научно-фантастическую литературу. Талантливый писатель Рэй Брэдбери отнесен к первому десятку американских научных фантастов. Однако все произведения этого писателя пронизаны ненавистью к науке и страхом перед ней, которые он даже не очень скрывает. Произведения Брэдбери, пожалуй, первый случай в истории лите-

"Формула" Гордона Дугласа для "нечистой" фантастики мощнейший кхпультс.

Побивая рекорды массовых сборов, по экранам Америки и Западной Европы недавно вихрем пронесся фильм "Звездные войны", виртуозно отснятый Джорджем Лукасом на студии "XX век - фокс".

(...)

Не успели остыть страсти, как Стивен Спилберг, прославившийся науменней картиной "Челюсти", повествующей о гигантской акуле-людоеде, поставил на студии "Кохамбия" остро сюжетный фильм "Тесные контакты третьего вида", эпатажирующий публику нездоровым полуинстинктивным интересом к видуноккам, вроде летающих тарелок.

Фильм "Тесные контакты третьего вида", взвинтив потолок постановочной стоимости - восемнадцать миллионов, дал прибыль в несколько сот миллионов долларов.

Люди идут на "Звездные войны" чуть ли не по десять раз! Студенты сбегают с лекций, чтобы посмотреть по телевидению очередной - общее число давно перевалило за сотни - выпуск "Звездного рейса".

На этой серии, которую рекламирует и журнал "Америка", стоит остановиться особо.

ратуры, когда полные ненависти к науке произведения сочтены выдающимися образцами "научной" фантастики. Это как нельзя лучше показывает, насколько велика путаница в представлении о жанре, его пределах и назначении.

(...)

...Медленно и неуклонно отходят в небытие все побочные, мусорные побеги научной фантастики, уступая место "чистой" научной фантастике, завоевывающей все более широкую аудиторию. (...)

Однако, по строгому отношению к качеству литературы у нас, мы избежали всякого мусора - мистики, депонов, оборотней, космических гангстеров и страшных убийств - всего, что основательно засорило зарубежную фантастику и заставляет относиться к ней с большой осторожностью. Наша научная фантастика вся "чистая", по американской терминологии. Она строится на более или менее прочной научной основе. По моему глубокому убеждению, только такая научная фантастика и может считаться подлинной, инейшей право на существование в этом жанре. Все другое, будь то даже полезные, идейные и хорошие по литературным качествам произведения типа панфлетной "фанта-

(ИФ: Сб. научной фантастики. Вып.26. -М.: Знание, 1982, с. 286 - 288).

тики", к этому жанру не относится".

(В мире фантастики: Сб. статей и очерков о фантастике / Сост. А.Кузнецов. -М.: Мол. гвардия, 1989, с. 4 - 6, 8).

О зарубежной фантастике Е.И. Парнов готов говорить подробно и долго. Еще бы, он обращается к тем, кто лишен возможности познакомиться с нею лично. Продолжим цитирование и оценим меру объективности нашего проводника по иным меркам:

Капитан Керк, персонаж хорошо знакомый теле- и кинозрителям, - исполненный решимости герой, идеалист, заботящийся только о своей команде и об успехе полета "Энтерпрайза". Он пользуется полной поддержкой экипажа, чей смешанный этнический состав является как бы прообразом общества будущего (курсив мой. - Е.П.), где от национализма и нетерпимости не останется и следа. Врач корабля "Боунс" Манкой - типичный американский сельский доктор с довольно неуживчивым характером. Борт-инженер "Энтерпрайза" - шотландец, связист Ухура - африканка, а молодой навигатор - русский". * Но сказать, что навигатор "Энтерпрайза" русский и его цветные открытки раскупают в тысячах газетных киосков, значит, ничего не

* Здесь автор цитирует обозревателя Хауарда Синкотта, забыв сослаться на источник.

сказать. Потому что просто "русский" отнюдь не значит советский, и, боже упаси, коммунист. И это отнюдь не случайная недомолвка. В будущем, а точнее - в XXIII веке, в котором действует экипаж "Энтерпрайза", коммунизма быть не может. Это сугубо "американское будущее", американский вариант XXIII века, являющийся до мелочей социальной копией современной Америки.

<...>

О том, что предприятие приносит дивиденды, красноречиво свидетельствуют очереди у кинотеатров Парижа, Лондона, Оттавы, Мельбурна, хотя люди, оставившие в кассе свои деньги, возможно, и не подозревают, что стали объектом далеко рассчитанной пропаганды. О своего рода "глобальности" затеи свидетельствует хотя бы такой факт. Под влиянием коммерческого успеха "Звездных войн" западногерманская телевизионная компания ARD открыла 7 января 1978 года ретроспективу научно-фантастических фильмов. Первым в длинной серии из сорока лент была показана классическая "Борьба миров" Уэллса. Жители ФРГ смогли увидеть на своих экранах космических чудовищ, всевозможных пришельцев, пугантов, роботов и андроидов.

Вместе с летательными аппаратами из других миров в их дома вошло и то представление о будущем, которое усвоили раз и навсегда творцы всемогущей индустрии Голливуда. Машина кинофантазии в создании иллюзий не знает соперников, и тот "облик грядущего", который месяц за месяцем мелькал на экране, вполне может

превратиться в доминантный стереотип.

(Там же, с. 209 - 210)

Хаос и разрушение; которые вылил на головы зрителей американский квазифантастический кинематограф, вполне способны породить апокалипсическую тягу к концу света. Тем более что, по словам кинокритиков, в такого сорта лентах запечатлена "поражительная красота опустошения".

(Там же, с. 212)

Умело нажимая на клавиши страха, разумеется в гомеопатических, декочудих нервы дозах, индустрия развлечений, помимо прибыли, преследует и чисто охранительные цели. С чуткостью сейсмографа регистрируя страхи атомного века, она трансформирует их в красочные квазифантастические иллюзии, которые, однако, как бы накладываются на современность, косметически ретушируют ее неприкрытые язвы. "Нечистая" фантастика всерьез не заинтересована реальными аспектами грядущего. ... Отражая это разлитое в обществе страха, она смягчает его, прививая обывателю поражительное равнодушие и мысли о всеобъемлющем разрушении, радиоактивном заражении или космическом катаклизме. Парочитая наивность многих сцен призвана воздействовать на самую массовую аудиторию, снять контроль разума, обойти без взлома критическое начало.

(Там же, с. 216)

...От ... коренных вопросов бытия, которые вольно или невольно ставит всякое подлинное произведение искусства, в том числе научно-фантастическое, и

старается отвлечь "нечистая" фантастика.

(Все там же, с. 218)

Интеллектуальное пиратство было одной из характернейших черт "идеологической борьбы" под знаменами Суслова, развернувшейся повсюду, в фантастиковедении в том числе. У каждого свои представления о морали (что и отметили некоторые из ответивших на анкету МЭД ЛЭБ, см. рубрику "Разведка боев"). Как Ефремов, так и Парнов целому типу дали однозначно негативную оценку. Однако побудительные мотивы и методологический подход двух гуру советской фантастики совершенно различны: если в первом случае мы имеем дело с личной ОЦЕНКОЙ, то во втором перед нами не что иное, как ПРИГОВОР. Ефремов отвечает журналу "Природа". Парнов - доброволец, рвущийся искоренять ересь. Ефремов пытается отделить ИФ, как он сам ее понимает, от всей остальной фантастики - это единственная причина затронуть неканонические ее направления. Не зря и слово "нечистая", вынесенное в название одного из разделов, взято в кавычки и нигде в тексте не употребляется. Поставленное рядом со своим антонимом, это слово говорит, что речь дальше пойдет о чистоте жанра. Хорошо знакомый с кровожадным "Молотом ведьн" - средневековым наставлением по борьбе с силами преисподней, - ученый и писатель прекрасно знает другой, богословско-инквизиторский смысл этого слова. Заклячая слово "нечистая" в кавычки, Иван Антонович отмежевывается от такого прочтения. Не стоит читать иллюзии

носительно той оценки, которую воспитанный (как бы там ни было) сталинской эпохой писатель дал бы, скажем, нашему журналу или тем авторам, которыми осторгается его редактор. Однако при этом при том статья оставляет впечатление, что с автором можно спорить, то он не вещает, а высказывает свое мнение.

Совсем иную картину рисует нам Еремей Иудович. Местами вторя Ефремову близко к тексту, этот человек, как некогда кузнец Бакула, видит свою задачу лишь в одном: вообразить нечистого так, чтобы налеты заходились в истерику. Совершается ловкий и почти незаметный подлог: хитрое словцо "нечистая", оставшись без своего антонима, употреблено со ссылкой на прогрессивных ученых". Эта ссылка преобразует его в цитату, смысл которой в кружении жупелов типа "страх и неверие" меняется на прямо противоположный. В то время как статья Ефремова лишь отразила личную неприязнь автора к ненаучной фантастике (неприязнь столь сильную, что осталось даже Азимову с Бредбери), то сама цель статьи Парнова - опорочить всю фантастику, которую было принято считать прогрессивной. "Нечистой". А в борьбе о служанкой Сатаны ничто так не способствует победе, как усердие Генриха Инститориса и убежденность Якоба Пренгера.

И вот, вооружившись краденым словечком оголтело охаживая им по головам тех, о ком когда-то краем уха где-то услышал, прогрессивный Еремей Иудович не забывает мимоходом реабилитировать Бредбери и

МЭД ЛЭБ #1 * ОТ РЕДАКЦИИ *

Азимова, искупивших свою вину выступлениями за мир, за дружбу. Этих, в отличие от возводимых им на костер, Еремей Иудович по крайней мере читал. А вот попытка сравнить с реальной действительностью примеры, приведенные в статье "Два лика Януса", сразу откроет нехитрую истину: глашатай прогресса ни предаваемых анафеме книг не открывал, ни проклинаемых фильмов не смотрел. Оно и понятно: ни один инквизитор или демонолог никогда в жизни в глаза не видел ни главного своего врага, ни его союзников. Потому что единственный смысл инквизиторства - и в жизни, и в фантастике - карьера и деньги. И тайная власть над людскими душами.

Желающих помахать р-р-революционным "молотом ведьм" ждановско-сусловская культурная политика наплодила тьму. Вот еще один охотник отделять козлищ от агнцев - болгарский писатель Богомил Райнов. Вместо очередного детектива он вдруг разразился "идеологической" книжкой "Массовая культура" - вполне в духе породившего ее времени. Целую главу, причем с непомерными претензиями на научно-аналитический подход, популярный беллетрист посвятил фантастике ужасов и сверхъестественного в литературе и кино. В будущем мы, вероятно, опубликуем в МЛ подробный разбор этой по-своему восхитительной книжки, пока же приведем лишь мнение знаменитого болгарина о нас с вами, во всяком случае, о тех из вас, кто намеренно выбрал МЭД ЛЭБ, зная о его специфике:

"Не считая, что все потребители

подобной литературы и кинопродукции - это непременно люди, нуждающиеся в помощи психиатра, мы все же хотим отметить, что, как правило, это публика самого низкого пошиба. Хорошо известна та категория зрителей, у которой натурализм с фруктами вызывает не эстетические эмоции, а выделение слюны, публика, которая оценивает пейзаж исключительно с точки зрения туриста и для которой вообще задачи искусства - имитировать как можно точнее натуру. Любители острых ощущений обычно принадлежат к публике именно такого уровня. Однако зритель, о котором мы только что упоминали, примитивен как потребитель, но вполне нормален как человек. Любитель же острых ощущений примитивен и в том и в другом отношении. Он тоже ищет имитации, но не привлекательного, а отвратительного, он хочет иллюзии не реальности, а кошмара". 1

Впрочем, есть и у нас свои "толкователи сновидений". Филолог, а ныне кандидат филологических наук Владимир Молчанов однажды наткнулся в библиотеке на справочник из серии "Who's Who", посвященный фантастике, полистал еще несколько роскошных изданий того же рода, и ничтоже сумняшеся сочинил статью о литературе, с которой по этим справочникам и познакомился. Читать эту литературу ему незначен, ибо, вооруженный марксистско-сусловской теорией и социалистической практикой, он и так знает, что:

"Словом, каждый четвертый американец, если верить социологам, - мистик. А

мистик - это "неврастеник", "псих в начальной стадии", "не способный идентифицировать себя с реальным миром и потому бегущий в мир собственного изобретения".

Для такого индивида фантастическая литература - целебный бальзам. <...>

Но зачем искать человеку забвения в адской фантастике? Что заставляет его добиваться обидения с демонами и вампирами? Ответ на этот вопрос дали в свое время основоположники научного коммунизма: издавна (и по сей день) высшие классы насаждали (и насаждают) в эксплуататорском обществе "множество средневековых традиций, суеверие, спиритизм, - словом, всю эту чепуху, которая непосредственно не мешала коммерческим делам, а сейчас весьма пригодна для оглушения масс". 2 Заметную роль в системе такого массового оглуления буржуазная идеология отводит фантастической литературе и искусству. Им доверяется особая функция: оглуляющего развлечение или развлекательного оглушения - смысл один и тот же". 3

Это писано в 1979. Насколько автор честен перед самим собой и своими читателями, можно судить по другой его же статье, написанной четыре года спустя. Давно забыв о том, что фантастика есть выдумка эксплуататоров трудового народа и опиум для него, В. Молчанов в порыве откровенности признается:

"Впрочем, о ведах необычных и сверхъестественных всегда интересно читать. Такова особенность читательского

восприятия. Эту особенность, "тягу к сверхъестественному", тонко подметил еще Вальтер Скотт в своем известном очерке "О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эрнста Теодора Амадея Гофмана". 4

Вот каковы наши познания об области литературы, лежащей чуть в стороне от чистой ИФ, вот откуда они берутся и что за люди нас ими потчуют. Вполне в духе "1984" (можно, впрочем, и без кавычек - старые фэны поймут мою горькую иронию) благодаря таким вот радателям прогресса многие десятки писателей стали для нас НЕЛИЦАМИ: они жили, писали книги, кто-то продолжает активно работать, но для нас эти люди не существуют и не существовали никогда. Миры, созданные ими, оказались для нас навсегда закрыты, что позволяло упомянутым выше лицам и их сообщникам помельче стричь купоны и жить на проценты с нашего невинного невежества.

- Кто такой Брем Стоукер?

- ?..

- Что вы читали из Лавкрафта?

- ?..

- Вам нравятся рассказы Стефана Грабиньского?

- ?..

- Нужна нам фантастика ужасов?

- Происки Эксплуататоров!
Они вам расскажут!..

По теперь - довольно. Емелина неделя, затянувшаяся на половину столетия, когда любой профессиональный отвергатель мог, не заботясь о фактах, вещать все, что диктует идеологическая конъюнктура, про-

шла. Рухнул железный занавес, отделявший нас от остального мира, и Еремей Парноф больше не будет, как в анекдоте, рассказывать нам, какой вкус имеет американское ванильное мороженое. То, о чем до сих пор для нас сочинялись байки, мы начинаем читать и смотреть, презрев волхования незыблемых духовных цензоров.

Мало того: появился МЭД ЛЭБ. Его главная задача - всемерно способствовать возвращению в интеллектуальный обиход украденной у нас фантастики, а еще - заботиться о том, чтобы как "перестроившиеся", так и бежавшие "на заслуженный отдых" идеологические вепуны не заскучали в непривычной мирной обстановке.

Есть у Рея Брэдбери в цикле марсианских хроник рассказ "Амер II". Это история нести бежавших с Земли и загнанных в угол на Марсе фэнов тем, кто смел фантастику с лица их родной планеты. И, поскольку сами литературные палачи, как мы знаем, сжигаемых ими книг не читают, никто из них и не пытался спастись, хотя убивали их в точности по сюжетам "старых, запрещенных книг".

И вот мы снова построили Дом Амеров - "Амер III"? Это наш журнал, о чем открыто заявлено в эпитафии. Отныне берегитесь, граждане ветераны идеологических баталий! *Мене, мене, текел, упарсин.* 5 Что, если придется ответить за каждое вами написанное слово? Впрочем, возможно, нам будет просто лень или некогда с вами возиться, и тогда мы просто нахнем на вас рукой: недостойны. Ваше владычество было недолгим. Те, чье

творчество вы чернили, живут после смерти. Попробуйте вы так. Но для будущих историков нашей фантастики мы перечислим ваши имена и постараемся определить вашу роль в ее судьбе. Страна должна знать своих героев.

А тем временем МЭД ЛЭБ будет извлекать из Леты все то, что вы укрывали у народа, швырнули в эту реку забвения. Карта Страны Фантазий почти сплошное белое пятно - пускай! Эй, что там встает прямо по курсу, укутанное черным (а как же, именно черным!) туманом? Это целый неизведанный континент фантастической литературы и искусства, наша ultima Thule, то, что в Соединенных Штатах зовется dark fantasy - "темная фантазия". На берег выйдут встретить нас проклятые "эти" - Эдвард Дансейни, Монталья Р. Джеймс, Уильям Х. Ходжсон, Брем Стоуцер, Шеридан Де Фану, Говард Ф. Лавирафт, Ханс Х. Эверс... Мы также посетим совсем новые островки, готовые слиться с сушей - новые территории, прибавляемые к ней молодыми авторами темной фантазии.

Что это за литература? Нужно сразу сказать, что наряду со всеми теми восхитительными качествами, которые приписал ей Парноф, она, как и всякая литература, бывает разная. При всей желаниии редакция не сможет обеспечить вас исключительно бездумным чтивом, от которого по ночам снятся кошмары. Существует очень неинного рассказов (а тем более - романов), способных вызвать настоящий страх. Несколько сильнее воздействуют в силу своей визуальной природы комиксы и особенно кинематограф, но и в этом

случае эффект оказывается недолгим, а в память западают скорее эстетические, чем эмоциональные впечатления. Редакция не намерена держать вас, дорогие читатели, на диете "guts and gore" 6, а будет стараться в меру сил и возможностей обеспечивать, как говорят в Америке, titillatory - своего рода здоровый эмоциональный пассаж. Но, само собой, при всем при этом мы не позволим себе лишиться вас обещанных (и наверняка с нетерпением ожидаемых) сильных впечатлений. Чтобы Е.И. Парнов не скучал.

На рынок МЛ выходит не в одиночестве. Оказалось, что из-за неопытности редакции и отсутствия у нее собственного процессора отобранные материалы в конце концов перестают влезать в номер. Кроме того, часть их по содержанию не всегда укладывается в концепцию того или иного выпуска. Выход мы нашли простой: кроме МЛ, ЛИА "Оверсан"-ИФ будет выпускать также нерегулярное приложение к основному изданию, МЭД "Экс"ПРЕСС (MAD "X"PRESS), по содержанию более близкое к традиционной ИФ.

Редакционная коллегия надеется, что вы, дорогие читатели, в своих письмах подробно расскажете нам, как вам понравился (или почему не понравился) первый номер МЛ и что, по-вашему, следует учесть и предпринять, чтобы изменить его к лучшему. Мы рассчитываем на активную обратную связь. Высказывайте свои соображения, предлагайте темы и материалы.

Особенно просим не забывать о наших

авторах, которые, несомненно, хотели бы знать мнение читателей о своем творчестве. Напишите, какие рассказы вам понравились, и кого из них вы бы хотели вновь пригласить на страницы МЛ. Ответы мы обобщим и передадим авторам ваши оценки их работ. Лучшие письма, конечно же, будут опубликованы.

Ну, а теперь - добро пожаловать в Безумную Лабораторию.

До встречи!

-
- 1 Райнов, Богонил. Массовая культура. - М.: Прогресс, 1979, с. 338 - 339.
  - 2 К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 36, стр. 490 [Ссылка автора - Ред.]
  - 3 Молчанов В. Комплексная мистификация. В: Вопросы литературы, 1979, #8, с. 113 - 114.
  - 4 Молчанов В. Демонстрация монстров. В: Иностранная литература, 1983, #8, с. 241.
  - 5 По библейскому преданию, эти зловещие слова как знак близящейся катастрофы невидимая рука начертала огненными буквами на стене во время пира царя Валтасара. В переводе с арамейского они означали: "Мене - исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел - ты взвешен на весах и найден очень легким; перес - разделено царство твое и

дано иудьянам и персам". (Дан. 5:25 - 28)

6

Принятое в рекламном обиходе обозначение одного из поджанров фильмов ужасов, в буквальном переводе - "кровь и кишки". К нему относятся многие фильмы о зомби и каннибалах, ленты типа "Техасское побоище пеханической пилой" и т.д.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Колонка писем... Часто это самая интересная часть фэнзина. Нам нравится получать письма, нравится отвечать на них, ведь этот журнал мы делаем не столько для себя, сколько для вас, дорогие читатели, а потому стремимся узнать, какой отклик находит у вас публикуемый нами материал. Написать рассказ под силу далеко не каждому (я, например, не умею, как это ни горько признавать), да и статья не каждому по зубам, зато письмо написать может любой читатель. Мы так мало знаем друг друга, давайте же знакомиться! (Р.)

В редакцию МЭД ЛЭБ.

Неужели свершилось?! И в нашей стране наконец-то появится журнал (пусть и любительский), редактор которого во всеуслышание заявляет о своей давней и верной любви к того рода фантастике, которую Е. Парнов именует "нечистой": "бульварщина, наполненная призраками, чудовищами, катастрофами, убийствами, порнографией!" И "всякого, кому дороги Безумие и Мрак" приглашает "в уютный Мир Смерти"!

Отдадим должное смелости редактора Владимира В. Мелужина, ведь даже и в наши плюралистические времена определенный риск в такого рода заявлениях все же имеется.

Планы международного фэнзина МЭД ЛЭБ

на следующий год, особенно их часть, относящаяся к Лавкрафту и Грабиньскому — словно бальзам на раны! Наконец-то я смогу "прочитать несколько образцовых переводов лучших вещей Лавкрафта" (и Грабиньского!), "ряд статей ... написанных отечественными и зарубежными авторами". Ведь, интересуясь творчеством обоих писателей уже много лет, знаю я о них все-таки очень мало, чему причиной как почти полное отсутствие источников, так и недостаточное знание языков... А ведь и Лавкрафт в США, и Грабиньский в Польше — признанные классики, у нас же они подавляющему большинству любителей фантастики неизвестны. Так какое тут может быть сравнение положения фантастики ужасов "у нас" и "у них"?!

Хочется надеяться, что МЭД ЛЭБ хотя бы немного выправит создавшееся положение.

Валерий ОКУЛОВ,
редактор/издатель
фэнзина "Окула",
г. Иваново.

Приятно читать такое, что ни говори. Родственная дума... Ну, и за добрые слова спасибо. Правда, смелости особой в издании журнала темной фэнзины я, честно признаться, не нахожу. Ладно бы еще в 1984, а теперь-то кто и чего только не издает! Нет, это уже не борьба, а повседневная работа — придется убирать дрова, что наломали Парнов и Ко.

С удовольствием купил бы номер твоего

фэнзина, возможно ли это? Как идут дела? Много ли поступлений из США?

Также меня очень интересует твое мнение о переменах, происходящих в Советском Союзе, ГДР, Польше и других странах Восточной Европы. Искренне надеюсь, что в будущем США и СССР будут верными союзниками!

Жду твоего ответа. Успехов МЭД ЛЭБу!

Твой друг,

Стив Энтчек (СМА)

Прежде, чем отослать тебе несколько номеров нашего журнала, я проконсультировалась у сабмиттеров, не будут ли они возражать, если ты опубликуешь их работы. Все, с кем я разговаривала, полны энтузиазма и с нетерпением ждут новостей из СССР. Это — Эд Фостер, Айда Кемпб, Джордж Монгмери, Элеонор Мэйлин, Дэнни Хоггат, Эдвард Дрей, Дэлиа Сони, Т. Майклз, Крис Денъен, Мэй Сью Лесли и, конечно же, Дик и я. Я не смогла поговорить с остальными, (хотя расслала им копии твоего письма), но думаю, они сочтут за честь попасть на страницы МЭД ЛЭБа.

Успехов,

Роб

(Розалинд Мэйлин, СМА)

Tovarisch Shelukhin,

Вчера я увидел в ЛОКУСе Ваше письмо. Насколько я понял, Вам необходим материал, который обеспечит МЭД ЛЭБу успех и класс международного издания. Со своей стороны, я могу предоставить два своих рассказа, а также несколько

стихов, которые уже печатались в Штатах и, возможно, могли бы Вам пригодиться.

Если Вы используете этот материал, вышлите мне, пожалуйста, номер Вашего журнала; я буду Вам за это чрезвычайно признателен.

Кратко о себе: я преподаватель биологии в колледже, литературный обозреватель ежемесячного НФ журнала АНАЛОГ. Кроме того, я член SFWA. Опубликовано более 40 моих рассказов, многочисленные научно-популярные статьи и около десятка других, не художественных книг (в том числе, учебники по биологии). Моя НФ-повесть "Sparrowhawk" публиковалась "с продолжением" в осенних номерах АНАЛОГА в 1987 году и выйдет отдельной книгой в издательстве "Эйс Букс" в 1990.

Да сопутствует Вам удача в Ваших начинаниях.

Искренне Вам,

Томас А. Истон (СМА)

Dear Mr. Shelukhin,

Рады известиям от советских фэнов. Мы даже не подозревали, что в Советском Союзе кто-нибудь слышал о нас. Я бы хотел, чтобы наш журнал был доступен в СССР, но, к сожалению, этому пока препятствуют валютные проблемы.

Вам,

Даррелл Швайцер

(соредактор журнала WEIRD TALES)

Честно говоря, даже не ожидал, что ответят. Связаться с ВНАРД ТЭЛЛЗ я печтал давно, с тех пор, как впервые узнал об этом богатом американском

дядюшке МЭД ЛЭБа. И вот -смыслось. Кстати, мистер Швайцер любезно прислал мне статью, где кратко изложена история его журнала; весьма любопытная. Один из будущих номеров будет посвящен темной фантазии в периодике, где эта статья обязательно будет опубликована. Пока же попытаюсь наладить с ВТ деловое сотрудничество...

Dear Vladimir,

Как хорошо, что ты написал о своем журнале в САЙЕНС ФИКШН РЭНДОМЛИ. Это очень смелая затея, так что от всей души желаю тебе удачи. Издание фэнзина - ужасно трудное дело, редактор всегда завален работой по уши, но стоит увидеть, как светятся глаза твоих читателей, и все твои муки забыты. Мы со Стивом Энтчаком основали СФР два года назад, и теперь благодаря ему у нас много друзей не только в Соединенных Штатах и Англии, но и в Ирландии, Бельгии, Франции, Югославии, Австралии, Новой Зеландии, Польше, а теперь и в Советском Союзе.

Отсылаю тебе несколько номеров СФР в твой архив, я ведь прекрасно понимаю, что тебе получать американские журналы ничуть не легче, чем нам те, что издаются в Советском Союзе. С нашей чертовой американской почтой мы рады, что хоть нами журналы доходят до нас в целости.

Хочу обратить твое внимание на рецензионный журнал ФЭКТСИТ 5. Майк, его редактор/издатель, рецензирует все журналы, книги, стихи, песни, рисунки и

так далее, которые ему присылают, а их буквально тысячи. Тираж Ф5 - 6000 экземпляров, так что для тебя это прекрасная возможность дать знать о своем издании. О многих из более чем ста фэнзинов, которые я получаю в обмен, я узнал именно благодаря журналу Майка. Отправь Майку номер МЭД ЛЭБа, а он напечатает свою рецензию и отошлет тебе номер Ф5, где она опубликована. Это очень выгодная сделка, хотя насколько она выгодна для тебя, не знаю: наверняка ты столкнешься со сложностями при выполнении зарубежных заказов.

И еще. Я посылаю тебе рассказ для возможной публикации в МЛ. Он написан в духе Лавирафта, одного из моих любимых авторов, который оказал огромное влияние на мое литературное творчество. Жду ответа с нетерпением.

Еще раз хочу пожелать МЭД ЛЭБу успехов. Надеюсь, ты найдешь время написать, как тебе понравился СФР, и как идут дела с твоим собственным журналом.

Randomly yours,

Хок, редактор
Science Fiction Randomly,
Гейнсвилль, Флорида (СМА)

С рассказом мистера Хока вы познакомитесь в этом номере МЛ. Нет, какие все же американцы контактные парни! И как здорово они изменились с 1979 года! Кандидата наук Молчанова это, наверное, удивит, но почему-то мне не написал ни один мистик. Да и психи в начальной стадии пока не откликнулись. Что с ними наша перестройка-то делает,

а? Высланные мне номера СФР я прочел с огромным удовольствием и обязательно запрошу права на несколько самых лучших статей.

Здравствуйте, коллеги! Мы надеемся стать не только постоянными абонентами фэнзина МЭД ЛЭБ, но и оказать помощь рукописями.

Сообщите условия, которые вы предъявляете к ним.

Успехов в вашем начинании!

С уважением!

Член Совета ХГЦ КЛФ В. Субботин
(г. Харьков)

Условия получения МЛ такие же как и всех новых фэнзинов - по почте наложенным платежом или на конвенциях из рук редактора. Что до сабов, то все подробно изложено в гайдлайнах (см.)

Dear Vladimir V. Shelukhin,

Я с большим интересом прочел Ваму рекламу в СКВАЙВЕНДЖЕРС НЬЮСЛЕТТЕР Джанет Фокс. Замечательно, что теперь у граждан Соединенных Штатов и Советского Союза появилось так много возможностей для общения. Благодаря МЭД ЛЭБу нами авторы - те, что работают в жанрах НФ/фэнтези/хоррор, - смогут познакомить со своими произведениями аудиторию читателей, которая, как ты отметил, не имеет никакого представления о быстро меняющемся мире западной фантастики ужасов.

Пользуясь случаем, хочу спросить, знакомо ли советским читателям имя Огаста У. Дерлета? Мистер Дерлет

(1909-1971) широко известен в Соединенных Штатах как "местный" автор, посвятивший себя наблюдению за людьми и природой здесь, в штате Висконсин. Но Огаст Дерлет - это еще и основатель "Эрхем хаус", первого издательства, целью которого стал выпуск книг в жанрах НФ/фэнтези/хоррор. Задачей "Эрхем хаус" в самом начале его деятельности в тридцатых годах была только публикация произведений Говарда Филлипа Лавкрафта, которые обрели популярность лишь после смерти писателя в 1937 году. Огаст Дерлет и Лавкрафт не были лично знакомы, но поддерживали постоянную переписку. Дерлет руководил издательством, публикуя книги ведущих писателей, до самой своей смерти. Издавая других, он и сам написал немало историй о сверхъестественном. Повести и рассказы "Парик для мисс Дивор" (A Wig for Miss Divore), "Уединенное место" (A Lonely Place) и "Тот, кто стоит на пороге" (The Lurker at the Threshold) считаются классикой жанра. Если Вы не против, я буду рад прислать для Вашего журнала статью о Дерлете.

Ну что ж, буду рад знакомству с начинающими советскими писателями.

Искренне Вам,

Джеймс П. Робертс

Мэдисон, Висконсин (США)

Насколько мне известно, в СССР в официальной печати вывел аж один рассказ мистера Дерлета - "Звезда Макилвейна". Статья, которую обещает Джеймс в своем письме, уже получена и будет печататься в одном из ближайших номеров.

Уважаемый Владимир В. Мелухин! От всего ФАНТАРХА поздравляю Вас и детиме Вам с Новым годом, желаю удач вашей идее-вере-одержимости...

Поздравляю и себя с тем, что встретил родственную думу. Высылайте мне МЛ наложенным платежом. Желаю Вам как-то по пути в Киев задержаться в Черкассах на денек, оставить четыре десятка страниц: МЭД ЛЭБ в гостях у ФАНТАРХА (что-то жуткое), ибо уверен, при Вашей кипучести у Вас кое-что найдется и для наших типографских аппетитов.

Доброй НФ!

С уважением и с поддержкой,

Игорь В. Забудский

(г. Черкассы)

Спасибо, Игорь. Думаю, что благодаря американской помощи рукописи будут. Мы ведь несколько различны по профилю, всегда найдется, чем обменяться.

Dear Mr. Shelukhin,

Мы уже наслышаны о трудностях с фэнзинами в СССР, сочувствуем. Миссис Бродли печатала свои первые фэнзины вручную на подержанном устройстве, именуемом гектограф, но к тому времени как я выпустила свой первый журнал, у меня уже была хорошая пишущая машинка и свободный доступ в типографию, где можно было без труда отпечатать несколько сотен экземпляров качеством не ниже оригинала, причем за сунну, которую я вполне могла себе позволить себе вычестить из своего заработка.

Миссис Бродли сейчас в Англии и

вернется только через месяц, к тому же у нее нет ни времени, ни сил написать что-либо специально для Вашего журнала, однако она просила меня отослать Вам рассказ "Последняя ставка". Он был впервые опубликован в первом номере МЭРИОН ЦИММЕР БРАДЛИЗ ФЭНТЭЗИ МЭГЭЗИН. Миссис Бадли просила сообщить, что идея рассказа навеяна оперой Чайковского "Пиковая дама".

Желаем успеха Вам и фэнзину и с нетерпением ждем свой экземпляр.

Всего наилучшего,

Элизабет Уотерс,
секретарь миссис Бадли.

Dear Vladimir,

Я прочел сообщение о вашем журнале в СКЕЙВЕНДЖЕРС НЬЮСЛЕТТЕР, который издает мой друг Джанет Фокс, и был очарован. С тех пор, как двери вашей страны широко распахнулись, ваш народ стал мне интересен как никогда раньше. Меня давно восхищают многие вещи, связанные с Россией. Русский — очень красивый язык, но, увы, по-русски я не говорю. Наверное, в этой стране я единственный, кто пользуется камерой "Кальнар", я восхищен ее надежностью и качеством.

Я профессиональный писатель и художник, много публикуюсь у себя в Соединенных Штатах. Не буду перечислять журналы — наверняка они тебе не попадались, — скажу только, что это как прозы, так и издания малой прессы. Я давний член SFWA, Сайенс фикшн Райтерс оф Америка — организации профессиональных писателей НФ и фэнтези, о

которой ты, полагаю, слышал. Кроме того, я блюз-музыкант (гитара), пишу песни.

Я был удивлен, что твой журнал посвящен дарк фэнтези и хоррор. Приятно, но удивлен. Американцы, думая о литературе и кино в СССР, в первую очередь ассоциируют их с русскими классиками, отличными интеллектуальными лентами и технологической НФ. Может, это потому, что до нас просто не доходят остальные вещи, более развлекательного характера? Напиши, есть ли у вас своя horror industry? Есть ли романы и рассказы ужасов? Фильмы ужасов снимают? В общем-то я знаю, что русские писатели и киношники всегда проявляли интерес к фантастике и вообще знают свое дело, но ни разу не слышал, чтобы у вас или в странах-сателлитах издавали или снимали что-либо в жанре хоррор (за исключением Чехословакии или Румынии). Кое-что (хотя, скорее, ничего) мне известно о русском фольклоре, который как и в любой другой культуре содержит немало страшных элементов. Но я не читал и не видел никаких современных работ в этой области. Надеюсь, что ты просветишь меня насчет положения жанра фантастики ужасов в СССР, особенно в кинематографе, а также в живописи, графике и литературе. Возможно, существуют в вашей стране какие-нибудь музыкальные коллективы, использующие в своем творчестве тематику родом из фантастики ужасов, как это делают многие из наших хэви-метал групп. Сам я с удовольствием примлю тебе для рассмотрения что-нибудь из своих материалов, скорее всего, проект обложки и

рассказ.

Рон Леминг
Амарильо, Техас

Интересно, что бы ответили мистеру Лемингу читатели МЛ? А ведь это неплохая идея! Друзья, если у кого-то из вас есть желание объяснить автору этого письма положение с фантастикой ужасов в нашей стране, пишите на адрес редакции. Небольшая брошюрка, составленная из ваших писем, будет в английской переводе отправлена в США, а русский текст появится на страницах МЛ. На конвертах делайте ясно читаемую пометку: "Ответ Рону Лемингу".

Мнения о Ваших журналах самые разнообразные: от восторженных, до "фи, какая муть!" Впрочем, последнее мнение, в основном, высказывают некоторые особы прекрасного пола. На некоторых идеях Вашего журнала произвели столь ошеломляющее впечатление, что они решили не ограничиваться экземпляром журнала, получаемого для клубной библиотеки.

Нам "Литературный семинар" решил сотрудничать с Вашим журналом, если Вы не возражаете. И в ближайшее время мы надеемся выслать Вам свои творения.

С уважением,

Кутилов В. В., председа-
тель Клуба любителей
фантастики и детектива
"След", г. Обнинск

Неужели я вот так вдруг узнал причину своих неудач на любовном фронте?! Значит, все дело в "темной фэнтези"? Вообще-то вопрос об отношении женского

пола к фантастике в целом и фантастике ужасов в частности все время присутствует где-то на периферии бесед фэнов за чашкой чая, но никем и никогда всерьез не изучался. Тема для новой анкеты?

Уважаемый издатель!

С удовольствием выражаю согласие на перепечатку "Невозвращенца" в Ваших фэнзине. Что касается других сочинений, то в ближайшее время они - почти полный сборником - выйдут книгой "Заведомо ложные измышления" в издательстве "Книжная палата". Я согласен на любую перепечатку из этой книги, которую, думаю, Вы сможете купить: ее тираж 105.000 экземпляров.

С симпатией,

А. Кабаков

Огромное спасибо - только это и можно сказать профессионалу, согласившемуся сотрудничать с начинающим фэнзином. Сажное обидное, что в номер "Невозвращенец" не влез - он будет печататься в приложении. Хотелось бы узнать мнение читателей о допустимости перепечатки еще "горячих" и, как всегда, долгое время недоступных произведений. Ведь если вам интересны и другие вещи А. Кабакова (пока не знаю, но вдруг и остальное - фантастика?), то почему бы им не появиться в МЛ или М"Экс"ПРЕССЕ?

Уважаемый товарищ Мелухин!

Сегодня я случайно увидел рекламный плакат Вашего журнала на Одесской киностудии и решил сразу же Вам написать.

Даже не верится, что у нас, наконец-то, начал выходить журнал, посвященный историке, фантастике ужасов, космическим боевикам, в общем, всему тому, что иногда у нас критиковали, давили, отрицали. Я сам с детства увлекаюсь фантастикой, НЛО, Экстарсенсами, могу даже без рисовки сказать, что я фанат фантастики, будь то книги или фильмы. Поэтому я Вас очень прошу, напомните, как можно подписаться на "Мэд лэб" или где его можно приобретать. Я бы очень хотел быть чем-то полезным для Вашего издательства, но сам писать я не умею, каких-либо полезных предложений у меня пока нет, единственное, что я могу, это рассказывать всем своим знакомым, таким же, как и я, фанатам ИФ о Вашем журнале. Мне 22 года, работаю я водителем на киностудии, так что, сами понимаете, возможности у меня небольшие. Но если я смогу сделать что-нибудь для Вас полезное, я сделаю все, что в моих силах и даже больше того.

С глубоким уважением,
Суртукович Игорь
(г. Одесса)

Спасибо, Игорь, за твоё теплое и полное энтузиазма письмо. Ты недооцениваешь себя: как это - нет полезных предложений? Первое из них - обеспечить журнал новыми подписчиками, что для начинающего издания крайне важно. Да и вообще с Одессой редакция связывает некоторые из своих далеко идущих планов, так что мы наверняка сможем в ближайшее время встретиться и поговорить с тобой и с твоими товарищами. Судя по тому, что ты

именуешь себя "фанатом", ты даже не подозреваешь о такой великой ответственности как фэндом, который набирает силы и в нашей стране. Те, кто числит себя в его рядах, называют себя и себе подобных фэними. Я очень рад, что мой журнал даст тебе возможность влиться в наши ряды. Уверен: тебя ждет множество интереснейших дел. До встречи - то ли в Одессе, то ли на очередной конвенции.

**ОТЗОВИТЕСЬ
КРИТИКИ С
ТОМАГАВКАМИ, АК-47,
МЕХАНИЧЕСКИМИ ПИЛАМИ,
СКОРЧЕРАМИ И БАСТЕРАМИ!
МЭД ЛЭБ - УЮТНЕЙШЕЕ
МЕСТО ДЛЯ РАСЧЛЕНЕНИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ КНИГ,
ФЭНЗИНОВ, КИНО - И
ВИДЕОФИЛЬМОВ!**

IT'S CHEAP, GUYS.
JUST AS THE GOLD IS.

VOLGA★CON-1991

AN INTERNATIONAL SF CONVENTION ON THE
Volgograd, USSR, September 8-14.

SF Club "The Wind of Time" and the Youth Association AS
announce the establishing of the VOLGA-CON Organizing
Committee.

VOLGA-CON

has in store for YOU:

- Seven unforgettable days on the Volga!
- Meeting old and new friends. Interesting conversations
from morning till night and all night long!
- Talks, discussions, lectures and meetings with
CYBERPUNKS ON THE VOLGA

THE YOUNG WAVE IN THE SOVIET SF

- THE CONCISE HISTORY OF THE SOVIET SF AND FANDOM
- A mini-con for SF Clubs of the Volga Region.
- Various Poetry Rounds, Folk-Song Performances, Story-
Telling Contests, SF Stories Competition, an Auction
and a Fancy-Dress Ball with a s r e a t Universe
Banquet to crown it all!

We are inviting 300 Official Guests to the VOLGA-CON,
including Guests of Honour from many lands.

We also welcome SF fans, writers, painters, critics,
journalists, editors and publishers - all people who love
SF & Fantasy!

We do believe that YOUR participation will make the
VOLGA-CON brighter and more fascinating!

Please, do not hesitate to contact us for further infor-
mation. Our address for applications and inquiries is:

BORIS A. ZAVGORODNY

Volgograd-66, Poste restante,
USSR, VOLGA-CON

Our telephones: 34-74-62, 34-74-64, 34-44-09, 34-86-56

Штаб Главком по адресу: 400044, г. Волгоград,
Генералов. Дл. строительства
Завгородний, Б. А. ВОЛГА-КО

Cracoon

'91

НА ЕВРОКОН - БЕСПЛАТНО!
(НУ, В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ...) ЗАЯВКИ-
ДО 31.12.1990. ЧЕТЫРЕ ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ДНЯ - 9-12 МАЯ - В ДРЕВНЕМ КРАКОВЕ!
П.АНДЕРСОН, ДЖАНФРАНКО ВИВИАНИ,
РУЛОФ ГУДРИАН И БОРИС ЗАВГОРОДНИЙ!
ПОДРОБНОСТИ - С. 216-220

П Р О З А

- Хок.....Надвигается шторм
В. Тунников.....Непогода
Н. Херли.....Ювентор Рекс
Н. Бродли.....Последняя ставка
Х. Зверс.....Паук

Х О К

НАДВИГАЕТСЯ ШТОРМ
(Storm Warning)

Этот рассказ мне понравился сразу, с первого прочтения. Хотя он и пришел сравнительно поздно, я сразу же принял решение вставить его в номер. Той же ночью был готов черновой перевод... Будучи давним поклонником Лавкрафта, надеюсь зачислить Хока в число постоянных авторов МЛ. Уверен, что лавкрафтовское умение создавать гнетущую атмосферу дурных предчувствий, заражать тревожным ожиданием Большого Зла обеспечит Хоку немало поклонников.

Я встретил старика, когда мне было семь лет.

Стоял обычный для Новой Англии пасмурный день, и серые тучи вились и клубились в небе, которое грозило и все никак не решалось разразиться штормом. Я рано управился по хозяйству и, стараясь не попасться на глаза матери, выскользнул из дома. Обыкновенно, играя на берегу, я строил башки из песка и наблюдал, как море медленно слизывает их, словно смакуя каждую песчинку. Но в этот день волнение было слишком сильным, и стоило мне только приступить к строительству, как голодный вал налетал на

© Hawk, 1990

© Перевод на русский язык, Владимир В. Мелужин, Евгений В. Кукоба

ною крепость и поглощал ее одним глотком. Тогда я оставил это занятие и просто побрел по пляжу. Морские птицы кувыркались в плотных струях ветра, и время от времени я передразнивал их резкие крики. Прибой выбросил на берег мертвую рыбину. Как всякий мальчишка, привлеченный зрелищем смерти, я так глубоко ушел в ее созерцание, что старческий голос за моей спиной заставил меня вздрогнуть.

— Однажды пучина отпустит всех своих мертвецов!

Я прыжно подскочил и резко обернулся, испуганно тарама глаза. Сердце заколотилось так, что готово было выскочить из груди. Старик жил в городе с незапамятных времен и ни с кем близко не сходилась. Как и почти все нами мужчины, он рыбачил, однако в море выходил один, без напарника, на лодке, такой же древней как он сам, и излишки улова обменивал только на самое необходимое. Больше никто ничего о нем не знал. Даже имя этого человека, и то оставалось тайной. Время от времени я видел его издали, но подойти поближе желания не возникало.

Невысокий ростом, он вдобавок горбился, большие руки были в поводах — всю жизнь он выбирал из моря сети. Ветер и брызги густо исписали его лицо мелкими строчками морщин. Оттого, что любой вопрос о нем оставался без ответа, дети рассказывали про рыбака всякие небылицы. Мое собственное воображение, более живое, чем у сверстников, делало старика героем, наверное, самых страшных исто-

рий. Теперь мы оказались лицом к лицу, и все, что я о нем слышал и воображал сам, пронеслось у меня в голове. Последнее, что мне рассказывали — это как старый колдун заманивает детей в свое логово и там пожирает их живьем. Я отчаянно силился оторвать ноги от песка, но напрасно. Я словно прирос к месту.

Старик снова заговорил.

— В такие дни как сегодня можно услышать голоса поглощенных пучиной.

Что-то в лице этого человека завожило меня. Путаясь в лабиринте морщин, мой взгляд все время возвращался к его старым глазам, беспокойным, как тучи над нашими головами.

— Море дарит нам жизнь... говорят даже, она и зародилась в его глубинах... Но дорогую плату требует пучина за этот дар. Семь десятков лет, а то и больше, я выхожу в море, и счет уже потерял тем, кто канул в эту бездну на моих глазах.

Не в силах вымолвить слово, я неотрывно глядел на старого рыбака. Видя мой страх, он уснехнулся.

— Обернись и посмотри на нее, малыш. Обернись и посмотри.

Волны яростно бились о мокрый песок, старались утащить мертвую рыбину назад в родную стихию. Вода вскипала белыми бараками, уходила в песок и снова дыбилась в прибое. Ветер крепчал, брызги больно хлестали по лицу, кожа горела от едкой соли. Птицы попрятались на берегу от надвигающегося шторма. Все мое тело вдруг пронзила дрожь — это старческая ладонь легла на мое плечо.

— Мне не было и местнадцати, когда я

увидел, как оно принимает жертву. Тогда я впервые нанялся матросом. Мы вышли в море, а на второй или на третий день разразился шторм. С севера накатились тучи, сорвался ветер, и вода как будто ожила. Мы сновали по палубе, задривали люки, как вдруг море схватило одного из нас: просто потянулось за ним, как громадная лапа, схватило и унесло с собой.

Я был холод и глуп, и бросился к фальшборту, чтобы помочь бедняге, но поздно. Я высматривал его среди волн, и совершенно неожиданно он появился на поверхности меньше чем в двадцати футах от борта и уставился на меня неподвижным взглядом. О, он наверняка был уже мертв, однако глаза его говорили, и я понял: море дает мне знак, что это оно повелевает всем и не позволит забыть об этом. И когда я прочел это в мертвых глазах, пучина опять поглотила мертвеца, теперь уже окончательно.

Тренема, я поднял на него взгляд, однако тусклые глаза старика высматривали среди беснующихся волн что-то, доступное ему одному.

— Пучина уносит многих, но спустя время души утопленников теряют покой, — наконец проговорил он. — Покойнику не место в воде. В иные ночи — такая наступит сегодня, — когда, яростный и злобный, надвигается шторм, можно услышать, как море сражается с теми, кто попал к нему в плен. Это пронизывает даже воздух. Тысячи лет назад человек вышел в море, и все эти тысячи лет пучина требует дани. Но с каждой новой

жертвой о н и становятся сильнее. Теперь уже недалек день, когда у них достанет силы, чтобы одолеть бездну, и тогда о н и обретут свободу. Ты увидишь их, малыш, когда это случится. Море отпустит всех своих мертвецов, и все до единого они выйдут из глубины и двинутся обратно на берег искать достойного погребения, которого так долго ждали и которое заслужили. Запомни это, малыш. — В его глазах полыхал дикий огонь. — Запомни. Скоро бездна выпустит своих мертвых, и все они, тысячи, миллионы утопленников выйдут на берег. Настоящие армии Смерти. И тогда наступит конец света.

Старик вцепился мне в плечи и не отрываясь смотрел в самую думу. Я будто окаменел. Сгустились сумерки, свирепел ветер. Водяная пыль промочила меня до нитки, и холод пробивался к самому сердцу. Наконец, как знак избавления, свернула молния, и громовой удар как будто рассек воздух между нами. Я вырвался из рук страшного старика и бросился прочь. Хлынул ливень. Водяные струи, которые бешеный вихрь нес почти горизонтально, жалили меня сотнями жал. Вдогонку громко хохотал старик. Только один раз я посмел оглянуться. Он стоял лицом к морю, запрокинув голову, с широко распростертыми руками. Нечеловеческая, невероятная в старческой теле мощь звучала в его хохоте.

Не останавливаясь, я бежал до самого дна, и до самого порога меня преследовал этот снег. Мать, которая приняла отругать меня как следует за то, что я болтаюсь пелесть где в такую ночь, намла

меня под одеялами, напуганного до смерти, обняла, дрожащего и плачущего, и стала гладить по покрыву волосам, забыв о своем намерении. То и дело разражаясь рыданиями, я рассказывал, что со мной было. Мать улыбнулась и принялась убеждать меня, что сумасшедший старик нарочно выдумывал всякие страсти, чтобы напугать стражу. Все было напрасно, до самого утра я не сомкнул глаз: в умах по-прежнему звучал тот ужасный смех. Передо мной стояло изборозженное морщинами и искаженное непогодой лицо старика. Из воды выходили легионы разлагающихся трупов, а старик вел их в город — искать меня, теплого, сухого, живого!

Утром я встал с постели с жуткой сверхъестественной уверенностью, что мне известно случившееся минувшей ночью. К рассвету шторм совершенно утих. Тяжелый иррациальный штиль чем-то напоминал пустоту у меня в груди. По городу поползли слух — от улицы к улице, от дома к дому, пока наконец до последней дощобойки не дошла весть о том, что я и так уже знал: старик пропал, сгинул бесследно вместе со своей лодкой. В гавани не нашли даже обломков. Осталось предположить, что безумец вышел на своей скорлупке в штормовое море и его унесло волнами. Невелика потеря, однако все сошлись на том, что как бы там ни было, а трагедия остается трагедией: всегда беда, если кто-то не вернулся из моря.

Старика поискали, никаких следов не нашли, на том успокоились, и скоро все, кроме меня, о нем забыли.

С тех пор прошло много лет. Я вырос, выучился торговому ремеслу, женился и обзавелся детьми. Из города так и не уехал. Жизнью я живу, кажется, самой заурядной, но и поныне старик навещает меня, стоит мне только уснуть. По ночам, когда издалека надвигается буря и морские вали обрушиваются на берег, я вижу в воде лицо старика. Из глубины он смотрит мне в глаза и ждет. И еще бывают ночи, когда ветер гонит перед собой тяжелые черные тучи и белые пенные гребни срываются с бурунов, и в грохоте валов мне слышится памятный хохот. А еще случается, совсем как нынче, в злой и жестокий шторм, — пересиливая рев ветра и шумные удары волн, меня зовет голос старика.

Такими ночами я обычно до самого рассвета сижу у огня, слушаю, как гудит пламя, трещат в очаге поленья, и пью бренди, чтобы уйти туда, где он меня не достанет. Только сегодня какин что-то не хочет гореть, поленья едва тлеют, мигают красными язычками, но не дают огня. Даже свеча за стеклом фонаря мерцает и вот-вот погаснет, хотя в комнате не чувствуется даже сквозняка. Это будет особенная ночь. Я выходил наружу, спустился к полюсе прибора. На этот раз надвигается такой ураган, какиж не было последние тридцать лет, с тех пор, как пропал старый рыбак. Я уже слышу, как он хохочет, как зовет меня прийти и заглянуть в морскую пучину, встретиться главами с тонянуися в бездне думами, готовыми вырваться на волю. Долго ли мне еще осталось? До конца совсем рукой

подать, так он сказал, и, по-моему, он не ошибся. Надо быть на берегу, встретить его, когда он вернется. Моя история окончена. Я должен идти.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ - ПРЯМО ИЗ США ПЕРВАЯ КНИГА ПОЭТА - ФАНТАСТА Х.Р. ФЕЛГЕНХАУЭРА "НАСЕКОМЫЕ - ТОЖЕ ЛЮДИ"! ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ДОЛЛАРА. ПЕРЕСЫЛКА ОПЛАЧЕНА!! КНИГА ИЛЛЮСТРИ-

\$ 4

A COLLECTION OF POETRY FROM H.R. FELGENHAUER

INSECTS ARE PEOPLE TOO

One Price \$2.95 Chicago

РО-
ВАНА РИ-
СУНКАМИ
ИЗ КОМИКСОВ.
24 СТРАНИЦЫ!

ЗАКАЗЫ - ПО АДРЕСУ:
H.R. FELGENHAUER
P.O. Box 146486
CHICAGO, IL 60614
U.S. A.

Виталий Тюников

НЕПОГОДА

Многим моим ферст-ридерам "Непогода" активно не понравилась. Не знаю, почему. Рассказ не без недостатков, но на меня он произвел приятное впечатление (по-медлѣбовски, конечно, приятное). Чем-то эта вещь напоминает ирландские кельты, которые так мудро творит Джин Булф. Кто бы что ни говорил, а я без тени сомнения ставлю рассказ Виталия Тюникова в первый номер МЛ.

Был вечер. Тот самый вечер, о котором говорят: семь погод на дворе. Сует, веет, крутит, ситит и рвет, льет и снег метет. Быстро темнело. На измученной осенней подагрой небе близоруко поргали звезды. Черная бричка с обтрепанным верхом нехотя, скрипуче катилась вперед. В бричке ехал князь Каневич, придворный офицер и, по слухам, член околотронной десятки. Бричкой правил крепостной Макар. Правая рука его, на которой не доставало полутора пальцев, тискала скользкие от сырости вожжи. Левая расслабленно держала кнут. Иногда Макар привставал, хлопал кнутом, что-то сипло кричал. Бричка дергалась и стонала как живая, и недолгое время ехала быстрее. Внутри брички было совершенно темно и сухо. Довольно уютно. Каневич кутался в

© Виталий Тюников, 1990. В рассказе использованы слова песни Б. Гребенщикова (группа "Аквариум")

минель. Снаружи оглушительно, как канонада, колотил по крыше дождь и выл ветер. Пополам с дождем валял сырой снег. Белые хлопья влетали вовнутрь и худели на минели Каневича. Князь смахивал их перчатками.

— Ого-гой, нилые-э! — истошно закричал Макар. — О-о-ой, хорошие-э!

Каневич открыл глаза и поежился. Задремал, что ли? Перед глазами маячила обтянутая рваной материей спина Макара. Дурак Макар. Впрочем, отнюдь не глупее иных представителей высшего света... Из темного угла, где в пластмассовом стаканчике корчилась лиловая фиалка, выплыл длинный хоровод лиц. Видения побежали вокруг Каневича. Быстрее, быстрее... Граф Крог, алкоголик и наркоман. Ланин-Сухачев, министр с бледно-голубой подвязкой — наркоман, алкоголик и растлитель. Адмирал в отставке Декабринин, наркоман, алкоголик, растлитель и идиот. Каневич потнул головой, гоня прочь призраков. Тягуче ваныл мран у виска, кривая сабельная борода. Кровь прихлынула к голове. Стало больно.

Серебристый пенный вал
Разум мой околдовал.

Откуда такие?.. Когда-то людей тянула вода. Море, река, пруд. Зов колыбели: все живое вышло из воды. Серебристый пенный вал... вот и поэта потянуло. А что же человечимку тянет, зовет сегодня? Земля.

Откуда такие строки? Может, только что на балу у министра с бледно-голубой

подвязкой? Точно. Помнится, адмирал Декабринин, самодовольно хрустя золотыми эполетами, выволон на середину бала плоский ящик. На боку ящика была прорезь.

— Oh, quees que see?

— Магнитофон-с, господа. Ихний, да-с. Contrebande'', как бы... Кассетки к нему имеются, кстати.

— Ah, charmant, charmant! ...

Служали стихи. Звучный баритон тянул гласные звуки и холостил согласные. Выходило чисто. Думевно.

Серебристый пенный вал
Разум мой околдовал.
Кто-то в черной глубине
Тянет мупальца ко мне.

Потом гнусно хрюкало диско. Все, кроме Каневича, посыпались на пол и заививались там, кряхтя и потев. Танцевали "зиеевик". В разгаре танца появился Император с высоким граненым бокалом в руке. Глядя на извивающиеся тела, Император улыбался.

— Выпейте, князь, — сказал он, подавая бокал Каневичу. — Специально для вас составлено. Точь в точь как вы любите: с орехом.

— Благодарю.

— Право, выпейте! За государство, а? Каневич выпил. И откланялся. И вот он едет к себе, а бал у министра, скорее

... Что это? (фр.)

... контрабанда (фр.)

... Ах, прелестно, прелестно! (фр.)

всего, близок к апогею.

Вокруг брички толпился плотный, похожий на жеваную горжетку туман. Чтобы не заснуть, Макар ванил нечто протяжное, глухое — на мотив Гимна, но с другими словами. Песня барахталась в морской тумане, игновенно замолкая. То ли от Гимна, то ли от выпитого Каневичу сделалось совсем муторно. Он хотел приказать Макару гнать мибче, но сразу передумал и откинулся на сиденье, глядя, как впереди расслаивается туман.

У ступней волна поет,
Ей пригревился улов.
В тишине прозрачных вод
Тело счастье обретет,
Обретет покой и кров.

Сердце билось утомленно, казалось, раз в столетие... Сколько столетий назад человечество покинуло вепля? Одно, два, тысячу? Сейчас на вепле живет смерть. Смерть рукотворная. А было ли так жить лучше, чем живем мы? Вряд ли. Нет и не будет. И не было. Везде одна грядь... Коченели руки, и пальцы почти не двигались. Сводило диафрагму. Закрывались глаза. Князь Каневич унирала.

Почуввав мертвеца, крылатые драконы встали на дыбы, задрали чешуйчатые рыла и зловеще заверещали, грозя опрокинуть бричку. Заснувший было Макар выронил кнут и выругался, обеими руками натягивая удила. Бричка замерла. Желая оправдаться, Макар обернулся назад и понял все. Он стянул шапку, неуклюже перекрестился и заплакал, тихо причитая

по-бабьи. Барин был очень добрым.

Потом Макар смотрел вниз, в бездну, куда свалился кнут. Обиотанная красными и желтыми зловонными облаками, вепля началась далеко внизу. Конечно, кнут пропал.

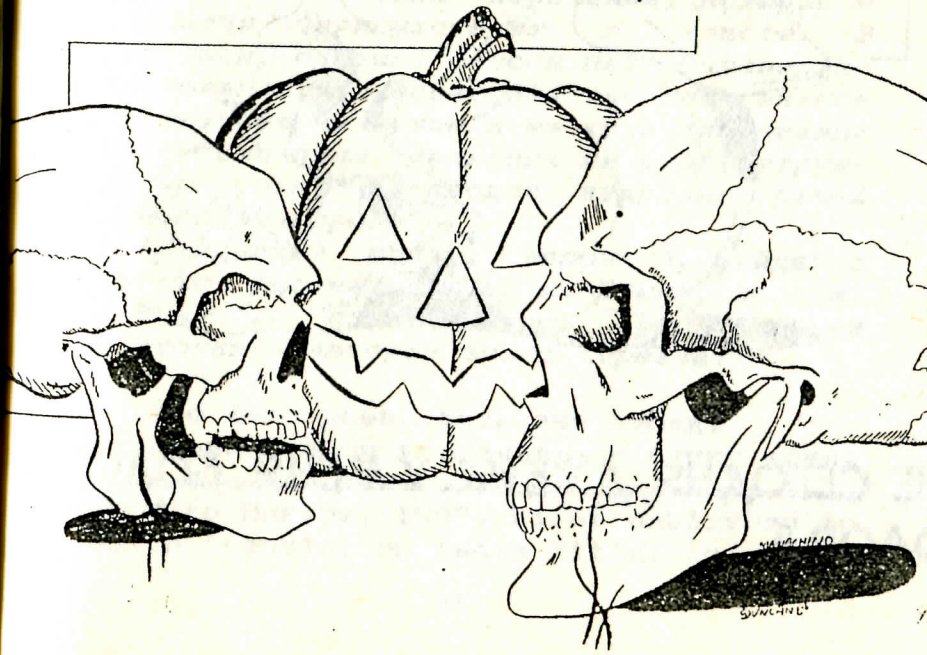
— Сволочи! — заорал Макар вниз, хотя знал, что внизу никого нету.

Черная бричка, влекомая тройкой крылатых драконов, покатила по небу. Туда, где нехотя выростал из тумана старый воздумный замок с негорящими окнами — фамильный замок Каневичей.

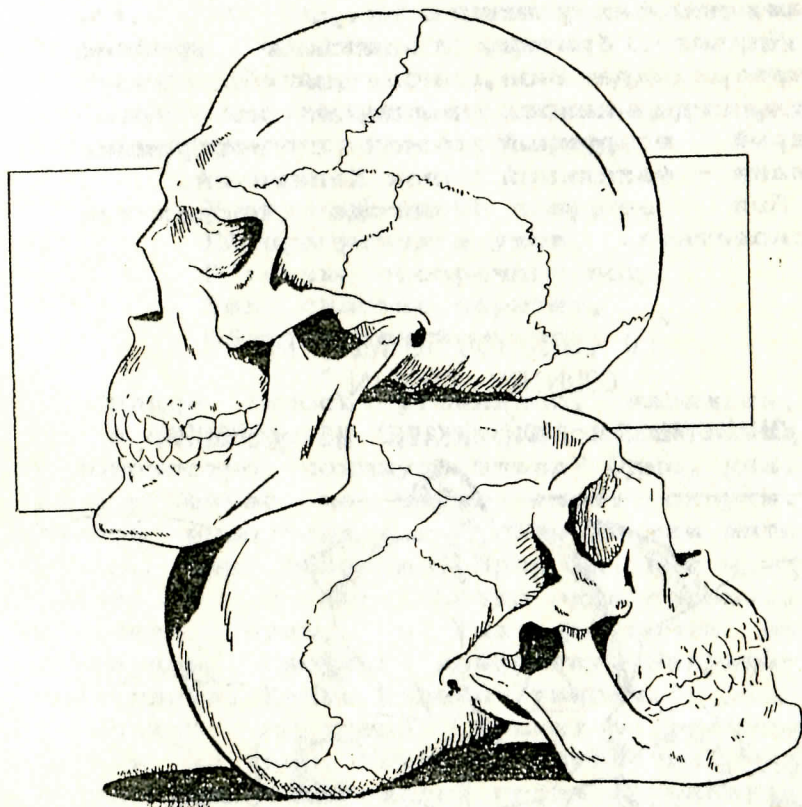
Был вечер. Непогода продолжала бесноваться.

'I'D LIKE YOU TO MEET MY
COUNTRY COUSIN.'

- ЗНАКОМЬСЯ : МОЙ КУЗЕН ИЗ ДЕРЕВНИ .

'NOT TONIGHT, JAKE;
I HAVE A
HEADACHE.'

- НЕ СЕГОДНЯ, ДЖЕЙК. У МЕНЯ БОЛИТ
ГОЛОВА.

МЭД ЛЭБ#1*ХЕРЛИ*Ювенатор Рекс

Майк Херли

Ю В Е Н А Т О Р   Р Е К С
(J u v e n a t o r   R e x)

Майк был первым из писателей, которые откликнулись на опубликованную в Соединенных Штатах рекламу МЛ, и прислал сразу несколько рукописей. Он регулярно публикуется в более чем 20 фэнзинах США, около 40 рассказов вышли в переводах — в Аргентине, Бельгии, Чили, Дании и Голландии. Для первого номера МЭД ЛЭБ мы с моим соредктором отобрали "Ювенатора" — за оригинальность трактовки старой темы и великолепную неожиданную развязку. Несколько осложняет чтение то обстоятельство, что в период написания рассказа Майку под руку, видимо, попался словарь латинских изречений, которые в изобилии присутствуют в тексте. В рукописи, однако, сносок нет. Справедливо полагая, что советский читатель знаком с латынью не лучше и не хуже американца или голландца, редакция не стала утруждать себя переводом мудреных речей одного из героев.

Следующий номер, вероятно, выйдет с другим рассказом Херли. Иными словами, сейчас вы познакомитесь еще с одним постоянным автором этого журнала.

Это было ровно пять лет назад.

Вдова Нандер укладывала в сумку вещи,

© Mike Hurley, 1989. First published in Dutch translation (same title) in

которые могли пригодиться, на новом месте когда в дверь ее однокомнатной квартиры постучали.

Ван приходилось испытывать холодящий, панический ужас? Вдова выпустила из рук рубамку, прижала кулаки ко рту и окаменела, с содроганием перебирая в уме все ужасы, что могут приключиться со старой одинокой женщиной. На негнувшихся ногах она поплелась к двери, и вдруг расслабилась, вспомнив, что это, должно быть, пришла дочь.

- Открыто! - крикнула она дрожащим голосом и тут же пожалела об этом. Конечно же, за дверью наверняка стояла ее дочь, которая пришла убедиться, что мать доведут как положено - будто старый клан в лавку старьевщика. А вдруг это все же не она?

Дрожа, вдова стояла перед дверью и пыталась сообразить, сможет ли она набросить цепочку прежде, чем стоящий за дверью распахнет ее настежь. Пока она колебалась, стук повторился. Теперь она была уверена, что дочь ни при чем - та, как обычно, отозвалась бы: "Мама!"

- Миссис Мандер! - послышалось из-за двери, и мысль о том, что, по крайней мере, случайной жертвой ей быть не суждено, немного успокоила старуху. Она открыла дверь.

На пороге стоял нахального вида

SF-TERRA, Amsterdam, Netherlands, February 1989. First U.S. publication in BIZARRE, June 1989

© Перевод на русский язык, Владимир В. Мелухин, Андрей Р. Лагомняк, 1990

субъект лет тридцати с лишним.

- Ниссис Мандер? - осведонился он. - О да, ipso facto ex dooribus, кто же, кроме самого жильца, in persona, отзовется на стук в свою квартиру!

Старая дама смотрела на него с подозрением.

- Что-то я вас не припоиню, - заметила она в ответ.

- О, certitudibus, ниссис Мандер, но мы еще познакоимся, - произнес гость, стратегическим движением сунув ногу в щель между дверью и косяком. - Три дня назад ван исполнилось семьдесят семь, и вы дожидаетесь дочери, которая проводит вас в приют для престарелых "Вечерняя звезда". Я пришел предложить ван кое-что взамен.

Горячая волна надежды пробежала по сморщенному лицу старухи. Все, все что угодно, только не прозябание в приюте! Она живо переспросила:

- Кое-что взамен?

- Именно, нэи. Вы позволите мне звать вас просто Салли?

Пусть даже вдова Мандер была заинтригована, существовали все же какие-то рамки приличия.

- Конечно же, нет! - возмутилась она. К тому же я даже не знаю, кто вы такой!

- Вы совершенно правы, нэи, однако всею свое время. Вы позволите мне войти?

Миссис Мандер покосилась на его ногу, невольно захлопнуть дверь перед носом примельца.

- Почему бы и нет? Все равно, пока вы не уберете эту свою ножиму, дверь я

закреть не смогу.

- Ах-ха! *Mentis practicalis*. Вы мне нравитесь. Это позволит избежать ненужных формальностей. Может, сразу перейдем к делу?

Он протиснулся в квартиру, оттеснив хозяйку, прикрыл за собой дверь, после чего помог вдове дойти до кресла и сам нацелился устроиться в другом.

- Зовут меня Рекс, - представился визитер. - Венатор Рекс. Что вы скажете по поводу молодости, миссис Мандер? Хотелось бы вам ее вернуть? Всю? Каждую частицу? *Ad libitum*?

- Проходинец. Вы проходинец, мистер Рекс.

- *Penetratis!* - провозгласил тот, к кому относились эти слова, театрально подняв над головой руку с воздетым перстом, после чего уселся в кресло. - Вы женщина острого и пытливого ума, и вы совершенно правы: да, именно проходинец.

Мистер Рекс хлопнул себя по колену, воскликнул: "*In veritas!*", затем нагнулся к хозяйке квартиры и *sub rosa* продолжил:

- Нельзя время обратить вспять. *Tempus fugit*. Что сделано, то сделано, и так далее, и ничего не вернуть. - Он как-то недленно кивнул и продолжал как бы с болью в голосе: - Я хочу предложить вам обман, однако воистину бесценный.

Венатор Рекс резко встал, будто вознамерился уйти, и даже сделал несколько суетливых шагов, одновременно изображая на лице глубочайшую задумчивость, но наконец объявил:

- Не стану морочить вам голову

сказками о вечной молодости, которую и в самой деле никто подарить вам не в силах. Вместо этого я предлагаю вам ее безотказную иллюзию.

Миссис Мандер не смогла удержаться от колкости:

- Может, и возврат уплаченной суммы вы тоже гарантируете?

- Мадан, вы ранили меня в самое сердце. Мое изобретение - не предмет купли-продажи. Оно, к вашему сведению, вообще не продается ни за какие деньги.

- Чтоб сатана, да не торговался? - изумилась вдова. - Вы что же, наперены отдать мне его просто так?

- *Pro bono*.

- В чем же вам выгода, мистер Рекс?

- Довольно-таки немалая выгода, миссис Мандер. Я здорово на этой выга-даю, хоть вам это не будет стоить ровным счетом ничего. Так, пустяковая услуга в случае, если останетесь довольны подарком.

- Вы, наверное, добрый волшебник.

- Увы, в реальности я не в силах вернуть вам ваши семнадцать лет, но зато могу подарить вам внешность семнадцатилетней или двадцатилетней девушки. Только подумайте, что это означает! Кто вы сейчас? Покорная овечка, готовая провести жалкие остатки лет в приюте для никому не нужных престарелых. *Sic transit gloria mundi*. Я же даю вам возможность уйти с блеском!

- Соблазнительное предложение, мистер Рекс! - Вдова уже была на крючке. - Продолжайте, пожалуйста.

- Прому извинить мою грубость, мадан,

но вам, наверное, знакома поговорка, что в постели все женщины — женщины. Или, если вам будет угодно, "ночью все кошки серы", как говаривал Бенджамин Франклин. Мой "Двенатор" — продукт новейшей технологии, действие которого основано на вышеупомянутых принципах. Это *deus ex machina*, а творимое им эриное чудо состоит из двух частей.

Primum, это Преобразователь Отраженного Света. То, что мы видим, на самом деле выглядит совершенно иначе. Красный цветок в действительности *totus quid non est rubra*. Его лепестки поглощают почти весь спектр падающего на них света, кроме красной составляющей, которую они отражают. Даже форма обманчива. Все, что мы видим, это не реальность, а лишь ее световое отражение. Мой ПОС поглощает световые лучи, преобразует их в соответствии с избранной программой и посылает обратно синтезированный образ. Молодость, миссис Мандер, — *Juventus!* — или, точнее, проецируемый образ молодости, ее здоровый румянец, тугие ищцы, пышные формы и прочие прелести юного тела в соответствии со стандартами современной красоты.

Partes secundus, это Фантомно-Силовой Генератор, который чем-то сродни бионическому протезу. ФСГ создает осязаемое поле, которое наподобие панциря окружает ваше тело. Это имеет два следствия: во-первых, скрывает от глаз старческие морщины, а во-вторых, она берет на себя функции нускулатуры, придавая тем самым вашему телу гибкость двадцатилетней девушки.

— Вы хотите сказать, что за меня моим телом станет управлять эта ваша штука?

— Вот именно, мадам. Все равно, что вы бы надели живые рыцарские доспехи. Ваме семидесятисемилетнее тело болит и едва повинуется вам, но стоит включить ФСГ, и вы сможете проплясать всю ночь напролет — что ночь, хоть несколько лет кряду. Усталая, больная, *in articulo mortis* и даже после — вы будете танцевать *in perpetuum*. А гарантийный срок службы элементов питания — пять лет.

— Я понимаю это так, мистер Рекс, — сказала вдова, цедя в самую суть, — что я стану куклой, которую дергает за ниточки ваша машина?

— Марионеткой, мадам, — подхватил гость, — псевдонезависимой марионеткой, запрограммированной на радости жизни в желаемом объеме. Цена невелика, ведь что проку выглядеть юной и страдать от недостатка жизненных сил?

Миссис Мандер с понимающим видом кивнула и тут же поинтересовалась:

— А как задавать программу?

— О, *modus operandi*. При помощи клавиатуры, *sponse sua*, по вашей команде. Двенадцать кнопок: от нуля до девяти, пуск и стоп. При трехзначных кодах мы получаем 9.990 комбинаций, от пляски до любовной тряски.

С этих слов мистер Двенатор Рекс протянул хозяйке свое чудесное изделие для ознакомления.

— Перед вами, миссис Мандер, "Двенатор" серийного образца. Обратите внимание на прекрасный дизайн и компактность, это чудо новейшей технологии!

ПОС. ФСГ и элементы питания с пятилетней запасом энергии помещаются в пояске шириной всего два дюйма. Пульт управления удобно располагается на правой или на левой боку по вашему выбору. Наденьте его и посмотрите "Ювенатор" в работе.

Миссис Мандер уже протянула руку к прибору, но на полпути задержала:

- Все это так глупо выглядит, - проговорила она нерешительно.

- Глупость не в том, чтобы пользоваться "Ювенатором". Глупо как раз отказываться от него, не испытав на деле. Non attemptus nihil gainus.

- Что ж, ладно, мистер Рекс. Нет дурака хуже, чем старый дурак, да и терять мне нечего.

- Ну, скажем, двадцать сень, - пробормотал Рекс, набирая код, после чего поясок плотно охватил талию миссис Мандер.

В ту же секунду ее тело окружил едва заметный световой ореол, сквозь который вдова виднелась как бы сквозь тунан и напоминала размытую фотографию клетки в окружении мерцающей эктоплазмы. Затем сияние плотно облегло фигуру старухи и постепенно рассеялось, дав ей возможность осмотреть свое новое "отражение".

Она увидела себя такой, какой была в дни своей зрелой молодости: головокруглительно красивой, сексуальной, и при этом совершенно голой.

- Салли, ты великолепна, - произнес Ювенатор Рекс.

- Да ну вас, мистер Рекс! - воскликнула она, не отрывая глаз от

своей наготы и слишком захваченная этим зрелищем, чтобы испытывать смущение. Сколько воды утекло с тех пор, когда она могла восхищаться своей фигурой! - Вы просто молодой негодник, вот вы кто.

- Молодой, мадам? Мне казалось, то, что вы сейчас видите, докажет вам: молодость и старость - пустые слова, не более. С меня довольно и просто негодника. Теперь вам, наверное, нужно какое-то платье?

- Чуть попозже. Вы не представляете, мистер Рекс, как давно я в последний раз вот так вот стояла нагим перед мужчиной. Все это так неожиданно, и утром я, наверное, как следует отругав себя за эту выходку, но сейчас, в эту минуту, мне хочется насладиться этим чувством.

- Что ж, в такой интимной обстановке вы бы могли звать меня Юпитером, или просто Юпом.

- Юпитер! - хихикнула преображенная вдова. - Как это к месту!

- Per contra, inversatis, - ответил Ювенатор Рекс sotto voce. И прибавил:

- Ну, вы довольны иллюзией?

- Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Что-то наверняка должно испортиться.

- Уверяю вас, ничего подобного случиться не может. Сейчас вы само соверменство.

- В спальне у меня есть большое зеркало. Вы не возражаете? - спросила миссис Мандер.

- Что вы! Смотрите на здоровье, изучите свое тело во всех деталях.

— Ну, с одним зеркалом всех деталей не рассмотрим, — помучила она, и в ее голосе впервые прозвучали смятенные нотки, — но чтобы увидеть главное, достаточно и одного, — и направилась в спальню, двигаясь с давно забытой грацией. На пороге она задержалась.

— Пошли, Оп?

— Видите ли... — протянул тот.

— Ну, я прому тебя, — настаивала она.

— Даже если окажется, что все это просто мутка над старой женщиной, я по крайней мере буду вспоминать, как в семьдесят семь лет я, совершенно голая, была в спальне наедине с мужчиной.

Она вошла в спальню и он последовал за ней. Там миссис Мандер закрыла дверь и встала перед зеркалом, которое было закреплено на этой двери с обратной стороны.

— Прелесть, — прошептала она, потягиваясь как большая кошка. Ее ладони пробежали по стройным бедрам и подтянутому животу, потом дошли до груди и с силой сдавили их тугие холмики.

— А чуть покрупнее можно? — поинтересовалась преобразенная миссис Мандер.

— Как будет угодно, — ответил Венатор. — Все зависит от настройки.

— Покажи, как это делается, — попросила она.

Венатор подошел к ней и намузал висевший на левом бедре невидимый пульт управления. Придерживая его одной рукой, второй он ввел код и в тот же миг ее груди увеличились на целый размер.

- Да, они просто восхитительны! - воскликнула она. - Ты не находишь?

- Exquisititis!

- Пожалуй, еще чуть-чуть... Да, а можно их сделать немного потверже?

- Как угодно.

Он еще поколдовал над пультом, после чего груди Мандер округлились и стали соблазнительно подрагивать при каждом движении.

- Чудесно! - сказала она и повернулась к своему благодетелю. Несколько секунд она красовалась перед ним, приняв вызывающую позу. - Я, конечно, не думаю... - начала она и глаза ее страстно блеснули.

- Вы забыли, что вся эта красота - не более, чем оболочка.

- Ну вот, - ее губы обиженно надулись, - я же говорила, что что-нибудь обязательно будет не так.

- Милая Салли, все идет просто великолепно. Благодаря волшебной технологии ПОС ты стоишь передо мной обворожительная и сексуальная. А ФСГ дает тебе силу и гибкость, чтобы ты могла вести тот образ жизни, какой пожелаешь. Весь остаток твоих лет тебе только и придется, что, задав "Ювенатору" программу, расслабляться и без оглядки бросаться в пучину жизни, наслаждаясь ею!

- Но не с тобой! - воскликнула Салли Мандер.

- Multos pisces in mare sunt, миссис Мандер. И уж поверьте, на такую наживку, как у вас, клев будет великолепный. Вперед! Я сделал вас ловцом человек.

Остались еще вопросы?

- А как... - начала она.

- Ах да, какой же я дурак, - перебил он, порылся в портфеле и достал небольшую книжку. - Вот вам инструкция. Что же, остается только пожелать вам удачи.

- А деньги?

- О, надам, от вас мне не нужно ничего, помимо того, что получится само собой. Я тоже в некотором роде ловец человек, и совершенно уверен, что многие найдут с вами свою погибель. Facilis est descensus! Всего доброго.

Это произошло пять лет назад, и юная Салли Мандер все это время отлично справлялась со своей задачей, ведя счет своему улову на сотни. Но главное во всей этой истории то, что старая миссис Мандер скончалась три года, семь месяцев и восемнадцать дней назад, разложившись внутри ионного силового каркаса, как дохлый омар внутри своего панциря. Но рыбалка продолжалась.

Остается сказать, что месяц назад Ювенатор Рекс навестил ее, чтобы сменить элементы питания.

**ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ, ВЕДЬМЫ,
ОБОРОТНИ, ЗОМБИ, РОБОТЫ -
УБИЙЦЫ... ХУДОЖНИКИ И
ПИСАТЕЛИ, ФЭНЬ И ПРОФЫ,
НОВЫЙ ЖАНР ЖДЕТ ВАС!
К ВАШИМ УСЛУГАМ - МЭД ЛЭБ!
НАШИ ГАЙДАЙНЫ НА С. 189**

Мэрион Цимнер Брадли

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА
(The Final Bet)

Творчество Мэрион Цимнер Брадли, весьма популярной американской писательницы, намену читателю практически незнакомо. Впрочем, не думаю, чтобы присланный рассказ был для ее творчества особенно характерен, — скорее всего, миссис Брадли решила, что русские лучше переваривают то, что им более-менее знакомо. Однако не могу не оценить этот знак внимания со стороны профессионала в надежде на то, что в будущем смогу опубликовать на страницах МЛ новые рассказы МЦБ, не имеющие аналогов в отечественной литературе.

Я сторонюсь игорных дозов. Мое отношение к ним сложилось уже давно и не имеет ничего общего с вопросом морали. Я живу в Мтатах с 1920 года, но ни разу не позволил себе съездить в Неваду. Моя неприязнь к азартным развлечениям распространяется даже на такую безобидную их разновидность, как лотерея по случаю Дня Благодарения. Я не могу слушать "Пиковую даму" Чайковского, не говоря уж о том, чтобы перечитывать повесть Пумки-

© Marion Zimmer Bradley, 1988. Used by permission. First published in MARION ZIMMER BRADLEY'S FANTASY MAGAZINE, #1, SUMMER 1988

© Перевод на русский язык, Андрей Р. Лагомяк, Владимир В. Мелухин, 1990

на, по которой написано либретто.

Так было не всегда. Очень давно, еще в молодости, я отправился в путешествие по нармруту, который тогда назывался Гран Тур и проходил через французскую Ривьеру и Монте-Карло. Самыми популярными достопримечательностями тогда были игорные дома; и хотя у меня ни денег, ни особого желания играть не было, я посетил не один дворец азарта.

Возможно ли описать все великолепие этих комнат, этих роскошных залов, отданных во власть Господина Случая? Багровые портьеры на окнах, сквозь которые никогда не пробивались свет солнца и мерцание звезд; беленое сукно столов; сверкающие спицами огромные колеса рулетки, изысканно одетые верные слуги азарта, мелчки и урчание старомодных игральным машин, возгласы крупье, запах банкнот и звон монет, в котором мне чудился тоскливый стон отчаяния...

В один из таких дней, когда мы маленькой группкой бродили по сверкающим великолепием залам, мой взгляд упал на старуху, одетую по моде двадцатитридцатилетней давности: викторианский стиль, оборки, рюши, мерцающее золотое митье, драпировки и кружева. Ее прическа явно была париком, тщательно завитым в величественном стиле того времени. Весь ее туалет сиял и в то же время поражал ветхостью.

— Ну вот, — сказал один из моих спутников, ни к кому конкретно не обращаясь, — теперь я знаю, что за день сегодня: день Святой Марии. Вон там, на стуле, сидит Великая княгиня Мария — она

всегда приходит сюда в день своего тезоименитства.

Мне вспомнилась волшебная опера Чайковского "Пиковая дама", которую я слухал два года назад, и старая графиня, владеющая магической тайной трех счастливых карт.

Пряча в карман свой скромный выигрыш — даже тогда я играл очень мало, — я спросил:

— И как, ведет ей в игре?

— Отнюдь. Скорее наоборот, — ответил мой спутник. — Это грустная история. Говорят, азартнее ее нет, она из тех, кто просто не может удержать себя. Княгиня спустила за столом свое приданое, затем проиграла все состояние мужа, — он пустил себе пулю в висок. А потом настал черед фамильных драгоценностей... Даже если у нее останется лишь несколько монет, она все равно придет сюда в день Святой Марии и оставит их здесь, зная, что завтра не на что будет купить корку хлеба.

— Действительно, историй не из веселых, — заметил я, рассматривая старуху. Заостренность скул говорила о постоянной недоедании, а древность наряда была печальным свидетельством не эксцентричности, а того рода нужды, которая ужаснее самой жалкой нищеты последнего попрошайки.

— Она в самом деле Великая княгиня?

— Да, ее отец приходился братом русскому царю.

Тут я заметил, что старуха достала комлек, покопалась в нем и извлекла одну-единственную мятую банкноту, судя

по всему, последнюю. Кто-то из ее спутников склонился к ней, явно отговаривая от безумного мага; княгиня раздраженно отмахнулась и поставила деньги. Зал притих, был слышен только едва различимый хищный ропот. Игравшие замерли, наблюдая драму, действие которой разворачивалось перед их глазами.

Каждый звук казался раняще резким.

— Mesdames et Messieurs, faites vos jeux, — произнес крупье.

Колесо завертелось; теперь в огромной казино не было слышно ни звука, кроме помелкивания шаров. Рулетка крутилась все медленнее и медленнее, пока не остановилась окончательно.

— Игра сделана, — объявил крупье, чего, казалось, никто не услышал. Все взгляды были обращены на графиню.

Она проиграла; крупье наклонился, сгреб лопаткой ее деньги, и постепенно игра вошла в свои колеи. Старуха отошла от стола, и вся ее фигура выражала такую безысходную тоску и отчаяние, каких, надеюсь, мне не придется увидеть снова. Мои спутники направлялись прочь, я же, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, последовал за княгиней. Та как раз тяжело опустилась на скамью у стены, чтобы перевести дыхание.

Я достал из кармана конверт с моим скромным выигрышем и сунул ей в руку.

— Мадан, — сказал я, с трудом подбирая французские слова, — мне кажется, это вам; вы, наверное, обронили.

За всю жизнь мне так и не удалось найти разумного объяснения этому порыву;

денег в конверте было неинного и, судя по всему, она тут же должна была пойти и проиграть их; но этой суммы было достаточно, чтобы заплатить за хороший обед. Как бы там ни было, но хоть на мгновение с ее лица сошло выражение обреченности и безысходной тоски.

Вскоре я забыл о княгине. На следующий день мы покинули Монте-Карло, и много лет я не вспоминал об этом незначительном эпизоде. Впрочем, даже тот слабый интерес к игре, который я до раньме к ней испытывал, угас во мне окончательно.

Годы спустя, когда Европу захлестнула война, уставшего, измотанного, с извращенной душой, судьба опять привела меня в Монте-Карло, в то же казино. Я изумлялся, видя все тех же упитанных крупье, те же столы зеленого сукна и ту же толпу бездумных искателей наслаждений, прожигающих жизнь в то время как все в Европе бесповоротно менялось и рушилось на глазах. Я видел те же сверкающие зеркала, те же блики играли на полированном металле рулеток. Кругом все были заняты мыслями о деньгах, думал о них и я, хотя у меня были иные мотивы. Другие искали способ выиграть состояние, я же в уме подсчитывал свои долги и выхода для себя не видел.

Постоянно омуая их тяжкий гнет, я все же никогда не помышлял добыть за игорным столом деньги, в которых так нуждался; ибо азартная игра была в моих глазах всего лишь игрой в прежнем смысле этого слова, свидетельством пресмычен-

ности богатых, но никак не последней надеждой бедного. Случалось думать, глядя, как вращается колесо, что если бы тайна трех карт действительно существовала, узнать ее было бы неплохо, но могу поклясться, что дальше этого мои мысли не заходили.

Итак, я стоял у стола рулетки, как вдруг за спиной послышался полувзнакомый женский голос.

— Поставь на красную, — эта фраза была сказана на чистом французском, но с сильным русским акцентом.

Я растерялся и сделал как было велено, вспомнив сразу и тот первый свой визит в казино, и то, что сегодня день святой Марии. Глянув в зеркало, я увидел, всю в черном, саму великую княгиню.

Колесо завертелось, и с чувством легкой радости я увидел, что марик запер на красном. Я протянул руку, чтобы взять выигрыш, однако тот же голос за спиной произнес: "Оставь".

Что ж, сумма была слишком незначительна. Монеты остались лежать; голос продолжал: "Теперь на черное и на нечет".

И опять я подчинился, подумав, что даже если и проиграю, намного хуже от этого не станет. Колесо завертелось, и я снова выиграл.

Теперь передо мной лежали немалые деньги. В зеркале было видно, что старая княгиня все так же стоит позади меня, алчно подавшись вперед. "Оставь опять весь выигрыш", — над самым ухом произнес голос.

Конечно, день ангела старой леди, ее

день. Учитывая то, что я знал о ней и ее везении в играх, следовало бы, выслушав совет, сделать прямо противоположное; все же, позволив втянуть себя в авантюру, я решил идти до конца. Других побуждений у меня не было. В этой игре дать слово.

Опять закружилось колесо, повертелось под сухие мелчки марика, и встало. "Теперь", — сказал голос. — "Этого довольно. Бери свои деньги. Теперь мы квиты — я уплатила свой долг. Сейчас иди и уплати свои. И если ты человек чести, отныне ты не поставишь ни одного пенни". Я собрал выигранный, ошеломленный сознанием того, что этой суммой с лихвой хватит не только уплатить долги, но и чтобы начать жизнь заново.

— Мадам, — сказал я на ломаном французском, — я не знаю, как мне вас благодарить. Бог свидетель...

— С кем месье разговаривает? — спросил джентльмен, который стоял рядом.

— Как, с ней... с княгиней... — я обернулся. В большом зеркале отражались лишь я и мой визави. Я огляделся, но моей благодетельницы нигде не было видно.

— Месье ошибся, — снова отозвался стоявший рядом. — Вы пришли сюда один и в одиночестве играли весь вечер.

— Однако, — возразил я, — да нет, это была княгиня, я видел ее как вижу вас сейчас...

Несомненно, я произвел чудное впечатление, если не хуже.

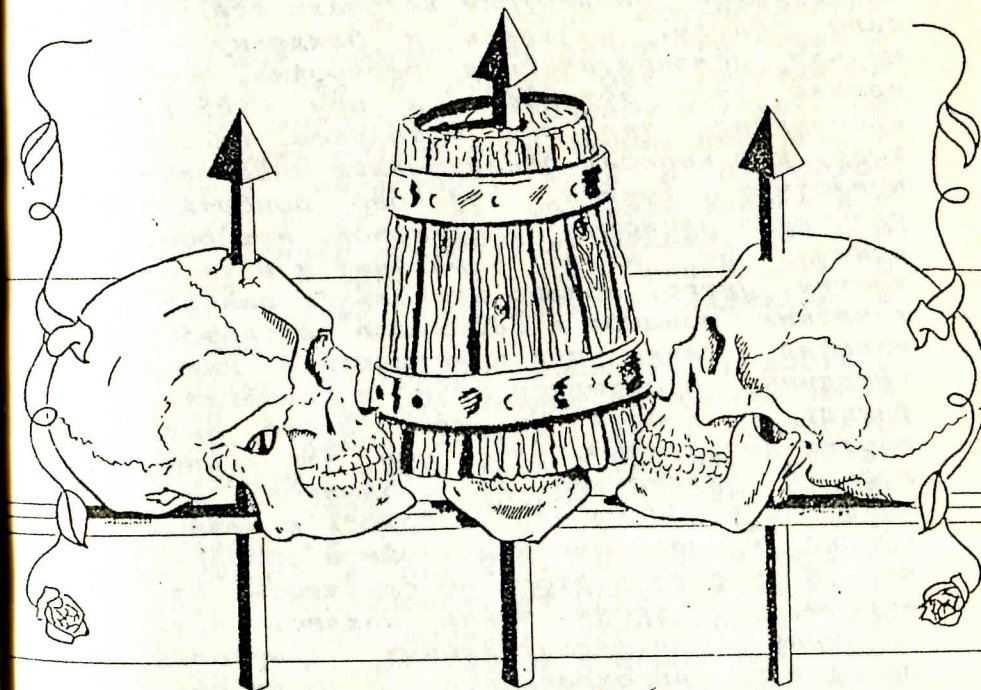
— Вы ошибаетесь, — ответил он. — Этого не может быть. Княгиню и все ее

семейство расстреляли в России в первый год войны. Я видел ее тело, месье. Она и мне вспоминалась, сегодня ее тезоименитство, упокой Господь ее душу.

У меня подгибались ноги, когда, копящая в руках целое состояние, я покинул это место.

С тех пор я ни разу не переступил порог игорного дома.

— А ЭТОГО ЗАСАДИЛИ В ОДИНОЧКУ.

"HE'S IN SOLITARY."

Ханс Хейнц Зверс

П А У К

(Die Spinne)

А это уже классика, само собой, нам неведомая. Я был немало изумлен, когда в открытом фонде Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы обнаружил с десяток книг этого автора. Им поведало. В тими и урте библиотечного хранилища они все ждали своего часа, а за стени библиотечи лютвали сталинские соколы, началась и захлебнулась первая демократическая претройка, знававшая свои аутодафе, а при Суслове сменившаяся террором идеолухов. Анкету тому, кто написал обнаруженные мной разномастные томики, здорово попортило увлечение национал-социализмом, которое, конечно же, намло отражение и в творчестве. Зверс, помимо нескольких фантастических романов и сборников рассказов, написал также публицистическую книгу "Всадники в немецкой ноци" и сценарий к фильму о Хорсте Весселе. Этого было вполне достаточно, чтобы все, что хранилось в библиотеке из созданного им, полетело в костер или оказалось в вечной ссылке в спецхране или двойном спецхране. И все-таки этого не случилось. Наверное, во время войны намлись дела поважнее интеллектуальных крестовых походов по книгохранилищам, а после нее, то есть когда она сменилась "холодной войной", средоточием мирового зла стала

англовязычная культура. Об Зверсе просто забыли. А вклад Ханса Хейнца Зверса (1871-1943) в мировую фантастику огромен, причем не только в области литературы. Ведь кинофантастика, по большому счету, родилась не из короткометражек Жоржа Мельеса - начало было положено немецким фильмом "Пражский студент" (1913) по сценарию Зверса, в то время самого популярного фантаста Германии (и, вероятно, последнего из больших мастеров). Его слава, несколько потускневшая после Второй мировой войны, теперь возвращается во всем блеске. Писателя начинают издавать даже в Восточной Европе - еще в конце восьмидесятых авторский сборник рассказов был издан в Польше, где и раньше они гостили в редких антологиях страшных историй. Не за горами полное возвращение писателя в мировую фантастику. Ведь в благословенную эпоху нэпа издавали Зверса и у нас, причем издавали не меньше, чем при старом режиме! Но что вспоминать о былом, лучше вернуться с надеждой в грядущее...

Остается только выразить радость в связи с тем, что именно МД выпала честь вернуть Ханса Хейнца Зверса советским любителям фантастики ужасов. Считаю "Паука" гвоздем номера и думаю, что вы согласитесь со мной. Тут есть, чему поучиться и пижумим. В самой прозаической обстановке, не проливая ни капли крови, без нажима, приоткрывая свои карты в самом начале и играя без ухищрений, автор незаметно заманивает нас в паутину поначалу неомутного, но оттого

еще более страшного сверхъестественного Зла, перед которым человек бессилён. Неспящее, даже какое-то сонное течение дней, скрупулезно отражаемое дневником последней жертвы, усыпляет нас, знающих и понимающих куда больше беспечного студента-медика. И после, когда все уже станет ясно и сюжет неумолимо понесет нас навстречу катастрофе и смерти, вам останется лишь отдаться этому гибельному восторгу, ожидая развязки...

Приятного чтения.

And a will therein lieth,
which dieth not. Who
knoweth the mysteries of a
will with its vigour?

GLANVILLE

Студент-медик Римар Бракенон решил поселиться в маленькой гостинице "Стивенс", что на улице Альфреда Стивенса, 6, в той самой комнате номер 7, где за три последние недели трое постояльцев покончили с собой. Первым был швейцарский коньяк-бармен. Его самоубийство обнаружилось только на следующий день, в субботу вечером: доктор установил, что смерть наступила в пятницу между пятью и шестью часами пополудни. Труп висел на вбитом в оконный косяк крепком крюке, на котором обычно помещались плечики с одеждой. Окно было задернуто. Вместо

© Перевод на русский язык, Евгений В. Кукоба, 1990

веревки самоубийца использовал мнур для занавесок. Так как окно находилось очень низко, покойник почти что стоял на коленях: видно, чтобы осуществить свое намерение, ему понадобилась небывалая сила воли. Как установлено, он был женат, имел четверых детей, занимал прочное положение в обществе, жил в достатке, отличался веселым и добрым нравом. Он не оставил ни письма с объяснением причин самоубийства, ни завещания; в разговоре со знакомыми никогда не упоминал о желании расстаться с жизнью.

Второй случай походил на первый. Через два дня после смерти швейцарца комнату номер 7 снял Карл Краузе, велосипедист-акробат из расположенного неподалеку цирка Медрано. Когда в пятницу он не явился к началу представления, директор отправил в гостиницу посыльного; тот надел акробата в незапертой комнате, висящий на оконном косяке, причем все выглядело точь-в-точь как в прошлую пятницу. Самоубийство представлялось столь же загадочным, как и предыдущее: популярный молодой артист - ему было всего двадцать лет - получал высокое жадлованье и не чурался радостей жизни. Он также не написал ни слова и никогда не упоминал в разговорах о желании покончить с собой. Родных у него не было, кроме матери, которой он педантично высылал каждый месяц по двести марок.

Для мадам Дюбонне, хозяйки неблированных комнат, населенных преимущественно людьми из маленьких театров на Монмартре, последствия второго самоубий-

ства, современного все в той же комнате, оказались весьма неприятными. Несколько жильцов съехали, некоторые постоянные клиенты больше не показывались. Хозяйка, воспользовавшись знакомством с комиссаром IX округа, обратилась к нему лично, и он обещал сделать все, что будет в его силах. И в самом деле, он не только с особенной энергией приступил к следствию, долженствуя раскрыть причины самоубийства обоих жильцов, но еще и выделил полицейского, который поселился в жуткой комнате.

Собственно, полицейский Марль-Мари Шаумье выврался добровольцем. Одиннадцать лет он прослужил в колониальных войсках морским пехотинцем. Сержант Шаумье в одиночку в Тонкине и Аннине провел не одну ночь в засаде, и не раз ему случалось приветствовать непрошеного гостя, речного пирата, крадущегося бесшумно, как кот, выстрелом в брюхо из своей винтовки Лебеля; он как никто подходил для расправы с призраками, о которых все время судачили на улице Альфреда Стивенса. В воскресенье вечером он поселился в комнате и, подкрепившись на славу, — ни еды, ни питья почтенная мадам Дюбоннэ не пожалела — улегся, довольный, в постель.

Дважды в день, утром и вечером, Шаумье ненадолго являлся в комиссариат доложить. В первые дни его отчеты ограничивались заявлением, что не обнаружено ничего, достойного внимания, зато в среду вечером он сообщил, что, как ему кажется, напал на след. Когда же от него потребовали более подробную ин-

формацию, он попросил пока его не беспокоить, так как сам еще не был уверен, что это каким-то образом связано с теми двумя смертями. Он боялся скомпрометировать себя и оказаться в сиемной положении. В четверг вид у него был не такой уверенный, зато более серьезный. Тем не менее доклада и на этот раз не последовало. В пятницу утром он был немного возбужден, и не то в мутку, не то всерьез заметил, что в том окне есть что-то притягательное и диковинное. Все же он настаивал, что ничего общего с самоубийствами это не имеет, и его поднимут насмех, если он скажет больше. Вечером в комиссариат он не пришел. Его намли висячим на кррке, вбитом в оконный косяк.

И на этот раз все было как в предыдущих случаях: ноги касались пола, веревкой послужил мнур от занавески. Окно было закрыто, дверь на замке. Смерть наступила в шесть пополудни. Из широко разинутого рта мертвеца свисал язык.

Третье самоубийство в комнате номер 7 привело к тому, что в тот же день из меблированных комнат "Стивенс" съехали все жильцы, за исключением некоего гимназического учителя-немца, жившего в комнате номер 16, который воспользовался подвернувшимся поводом, чтобы получить скидку с квартирой платы на одну треть. Небольшим утемением для надаи Дюбоннэ было также то, что на следующее же утро прикатила на своем "рено" звезда оперетты Мари Гарден и выложила двести франков за мнур от занавески. Во-первых,

веревка повеменного приносит счастье, а во вторых - об этом напишут газеты.

Случись вся эта история летом, в июле или августе, - надаи Дюбоннэ получила бы за мнур втрое больше; газеты наверняка целыми неделями пережевывали бы происшествия в меблированных комнатах. Но сейчас, в разгар сезона - выборы, Марокко, Персия, биржевое банкротство в Нью-Йорке, три политических скандала одновременно, - в самом деле, трудно найти хоть клочок свободного места. В результате о происшествиях на улице Альфреда Стивенса говорили меньше, чем они того заслуживали, а кроме того, упоминания о них, лаконичные и сжатые, ограничивались в основном повторением полицейских реляций, и были почти совсем лишены налета сенсационности.

Эти заметки составляли единственный источник информации студента-медика Римара Бракемона обо всем деле. Остался ему неизвестным один мелкий факт, который казался столь незначительным, что ни комиссар, ни кто-либо из свидетелей происшедшего не упомянули о нем репортераи. Припомнили об этом только впоследствии, после истории с самим студентом. Итак, когда полицейские снимали с кррка Марля-Мари Маумье, из открытого рта покойника выполз большой черный паук. Служащий, с возгласом: "О дьявол, снова эта мерзость!", сбил его делчком. Позже, во время следствия по делу Бракемона, этот служащий показал, что когда снимали с кррка тело покойного коммивояжера, точно такой же паук пробежал по телу мертвеца. Однако обо всем

этом Римар Бракемон ничего не знал.

ДНЕВНИК РИМАРА БРАКЕМОНА,
СТУДЕНТА - МЕДИКА

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 февраля.

Поселился здесь вчера вечером. Распаковал обе свои корзины, расположился, как ног, и улегся в постель. Спал великолепно; как раз было девять, когда меня разбудил стук в дверь. Это была хозяйка, она собственноручо принесла мне завтрак. Она обо мне очень заботится, доказательство тому - яйца, ветчина и иезуитский кофе. Я умылся, оделся, а потом, покуривая трубку, наблюдал, как слуга прибирает в комнате. Так вот я здесь. Прекрасно понимаю, что ввязался в опасную историю, но при этом уверен, что если сумею разгадать, в чем тут дело, выиграю падет на мой номер. Я получил манс, ну что же: попробую и воспользоваться.

Собственно, и другие были достаточно сообразительны, чтобы сориентироваться в ситуации. Двадцать семь человек, в том числе три женщины, обрамались или в полицию, или непосредственно к хозяйке. Так что конкуренция была дай бог: все наверняка такие же, как и я, голодранцы.

"Пост", однако, достался именно мне. Почему? Ах, видно я был единственным, кто сумел преподнести полицейским умникам своего рода "замысел". Да еще какой! Блеф, само собою.

Этот отчет предназначен также и для полиции. Какое наслаждение - с самого начала поведать этим господам, что обвел

их вокруг пальца. Если у комиссара голова не только для того, чтобы носить мапку, он скажет: "Хи, иенно поэтому Бракемон показался мне самым достойным!" Да пусть себе потом говорит, что хочет - сейчас я сижу тут. И считаю добрым знаком, что для начала надул полицию.

Правда, сперва я нанес визит мадам Дьбоннэ, но та отправила меня в комиссариат. Я таскался туда целую неделю, все время "мое предложение принимали во внимание" и всякий раз откладывали ремение на завтра. Большинство моих соперников нахнули рукой, найдя, видимо, занятие получше, чем сидеть часами в душной караульной, тем самым приводя комиссара в дурное расположение духа. Наконец, он недвусмысленно дал понять, что мне там больше появляться незначен. Мне, как в равной степени и другие, он благодарен за добрые побуждения, но возможности использовать "некомпетентных дилетантов" не видит - так что если я не располагаю готовым планом действий...

Тогда я заявил, что такой план подготовил. Разумеется, ничем подобным я не занимался и сказать по этому поводу мне было нечего. Все же принялся врать, что мой план - очень хороший, хотя, правда, слишком опасный, и может привести к той же трагедии, что и действия сержанта, - однако его я раскрою лишь при условии, что комиссар даст слово приняться за его исполнение. Это предложение полицейский не принял, сославшись на нехватку времени. Но было видно, что рыбка проглотила крючок, поскольку он принялся допытываться, не смогу ли я

представить план хотя бы в самых общих чертах...

Я это сделал. Я нес чистойшей воды околесицу, какая еще секунду назад даже не ввбрела бы мне в голову, сам не знаю, что это вдруг на меня наехало. Я заявлял, что среди тех часов, которые сливаются в неделю, есть один особенный час. Это время, когда Христос исчез из гроба, чтобы сойти в ад - местом час вечера последнего дня еврейской недели. А господин комиссар, наверное, понял, что все три убийства были совершены в пятницу между пятым и шестым часом пополудни. Большого я пока сказать не могу, разве что посоветую прочесть "Откровения" святого Иоанна.

Комиссар сделал такую мину, будто все отлично понял, поблагодарил и предложил зайти вечером. Точно в назначенное время я уже был в его кабинете, где на столе увидел раскрытый Новый Завет. Прежде, чем явиться туда, я тоже читал Апокалипсис - и ничего не вычитал. Надо полагать, комиссар был умнее меня, во всяком случае он очень вежливо сообщил, что, хотя я ограничился крайнее туманными намеками, ему удалось уловить нить моих рассуждений, и он готов принять мое предложение и помочь в его реализации.

Должен признать, что комиссар и в самом деле на помощь не поспешил. Он заключил с хозяйкой соглашение, что на все время пребывания в гостинице за мной будет первоклассный уход. Меня снабдили прекрасным револьвером и свистком, а полицейским патрулям было отдано распоряжение почаще заглядывать на улицу

Альфреда Стивенса и по первому зову спешить мне на помощь. Но самое важное - комиссар велел установить в моей комнате телефон, для прямой связи с комиссариатом. Поскольку комиссариат находится в четырех минутах ходьбы отсюда, я в любое время могу рассчитывать на немедленную помощь. Трудно представить, чего можно бояться в таких условиях.

ВТОРНИК, 1 марта.

Ни вчера, ни сегодня ничего не происходило. Госпожа Дюбоннэ принесла мур для занавески, который сняла в другой комнате - сколько их теперь пустоует. Хозяйка не упускает случая зайти ко мне и всякий раз что-то приносит. Я склонил ее еще раз со всеми подробностями описать все предшествующие случаи, но не узнал ничего для себя нового. Что касается причин для поведении, то госпожа Дюбоннэ имеет на этот счет свое мнение. В случае с акробатом поводом послужила несчастная любовь: когда он жил в гостинице в прошлом году, его часто посещала молодая дама, которая теперь не пришла ни разу. Что толкнуло на роковой поступок господина из Швейцарии, ей неизвестно - ну, да ведь все знать и невозможно. А вот сержант покончил с собой только затем, чтобы досадить ей лично.

Должен признать, что теории надам Дюбоннэ не показались мне слишком убедительными. Все же я спокойно выслушал ее болтовню - как-никак, хоть какое-то представление.

ЧЕТВЕРГ, 3 марта.

Все еще ничего. Комиссар звонит по нескольку раз на дню, а я уверяю, что у меня все в наилучшем виде. Однако такие ответы не могут его окончательно успокоить. Я достал свои учебники и принялся за науку, и что бы ни случилось, мой добровольный арест не будет совершенно бесполезным.

ПЯТНИЦА, 4 марта, 2 часа дня.

Съел отменный обед, к которому хозяйка подала полбутылки мампанского. Это был настоящий пир приговоренного к казни. Мадам Дюбоннэ смотрела на меня так, будто я на три четверти был уже покойником. Прежде чем уйти, она со слезами на глазах умоляла пойти с ней, наверное, опасаясь, что я повемусь, "лишь бы ей досадить".

Я внимательно осмотрел мнур занавески. Вематься на такой мтуковине? Хм, не имею никакого желанья, а к тону же мнур мерзавый и негибкий, так что петлю из него трудно было бы ватянуть. Если бы я вздунал последовать примеру моих предмественников, пришло бы проявить много доброй воли. В настоящее время сижу за столом, слева телефон, справа револьвер. Никаких опасений, только любопытство.

Месть часов вечера.

Ничего не случилось, едва не написал - "к сожалению"! Роковой час настал и промел - так как и другие. Не могу, правда, отрицать, что временами испытывал желание подойти к окну - да! Только

совсем по другой причине. Комиссар между пятью и шестью звонил раз десять, переживал, верно, не меньше моего. Зато госпожа Дюбоннэ просто счастлива: человек неделю жил в "семерке", и несмотря на это, не удавился. Кто бы мог подумать!

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 марта.

Теперь я уверен, что ничего выяснить не сумею, и утверждаюсь в том, что самоубийства моих предмественников свела друг с другом лишь редкая игра случая. Я просил комиссара, чтобы во всех трех случаях он повторно провел немедленное расследование и уверен, что в конце концов удастся дойти до сути. Что касается меня, то буду сидеть здесь, сколько получится. Слава моя не покорит Париж, но как бы ни было, а я живу здесь и на дармовщину. Кроме того, я принялся за зубрежку, и дело идет все лучше. Ну, и сверх того есть нечто такое, что удерживает меня здесь.

СРЕДА, 9 марта.

Ну что же, поставлю точку над "i".
Кларимонда...

Ах правда, я еще ничего не скавал о Кларимонде. Она и есть та третья причина, из-за которой я хочу остаться здесь, это из-за нее в "роковой" час меня влекло к окну - впрочем, разумеется, не затем, чтобы повеситься. Кларимонда - почему я ее так называю? Я понятия не имею, как звучит ее имя, но чувствую, что должен называть ее так. Я готов побиться об заклад, что если бы кому-то представился случай спросить ее, она

назвалась бы именно так.

Я увидел Кларимонду вскоре после того, как въехал сюда. Живет она по другую сторону узенькой улочки, а ее окно находится прямо напротив моего. Она сидит перед ним за занавеской. Вообще-то я должен отметить, что она начала наблюдать за мной раньше, чем я за ней, и выразила явный интерес к моей особе. Собственно в этом нет ничего удивительного, ведь вся улица знает, где и ради чего я поселился. Мадам Дюбоннэ об этом позаботилась.

По натуре я не влюбчив и с женщинами особых дел почти не имел. Когда из Верден приезжаем в Париж, чтобы изучать медицину, а денег только на то и хватает, чтобы раз в три дня наесться досыта, в голове у тебя достаточно забот и без любви. Так что опыта у меня немного, и я, наверное, взялся за дело не лучшим образом. Но тем, как складываются события в настоящий момент, я вполне удовлетворен. Сначала мне даже в голову не пришло, что между мной и этой девушкой с другой стороны может протянуться какая-то ниточка. Я просто подумал, что раз уж я оказался здесь, чтобы вести наблюдения, и до сих пор несмотря на все старания не высмотрел ничего интересного, то ничто не мешает мне понаблюдать за соседкой. Ведь утомительно весь день сидеть над книгами. Тогда мне удалось установить, что Кларимонда живет на третьем этаже одна. В комнате три окна, однако она сидит всегда у того, что расположено как раз напротив моего собственного: сидит с маленьким старин-

ным веретенном и прядет. Когда-то я видел такое веретено у своей бабушки, которая, правда, никогда не пряла, просто получила его в наследство от какой-то из своих теток; я и не знал, что до сих пор кто-то пользуется такими реликвиями. Кстати сказать, веретено Кларимонды — это маленькая милая игрушка, беленькая, наверное, слоновой кости; нити, которые она прядет, должно быть, необычайно тонкие. Весь день она сидит за занавесками и без устали работает, прерывая свое занятие, только когда наступают сумерки. Правда, теперь, в эти пасмурные дни на нашей узкой улочке сумерки сгущаются рано, и в пять здесь уже совсем ничего не видно. Мне ни разу не удавалось заметить, чтобы в комнате Кларимонды горел свет.

Какова она из себя? Клянусь честью, точно не знаю. Она бледна, а ее черные волосы ложатся волнистыми прядями. У нее узкий маленький носик с подвижными крыльями и бледные губы. Мелкие зубы кажутся острыми, как у хищного зверька. Ресницы обычно опущены, но стоит им вспорхнуть, как из-под них сверкает взгляд больших темных глаз. Все это я, однако, скорее чувствую, чем знаю наверняка, трудно что-то отчетливо рассмотреть сквозь занавески.

И еще одно: Кларимонда всегда носит черное в крупную фиолетовую горошину платье, застегнутое до самого подбородка.

Она также никогда не снимает длинные черные перчатки, верно, не хочет, чтобы работа портила ей руки. Это очень осо-

бенное зрелище — быстрые, будто хаотичные движения; изящные черные пальцы ловят и тянут нить словно лапки насекомого.

А наши взаимоотношения? Что ж, они очень поверхностны, но испытываю такое чувство, что они гораздо глубже, чем кажется. Все началось с того, что она посмотрела в мое окно, а я взглянул в ее. Она наблюдала за мной, а я присматривался к ней. Ну и, видимо, произвел приятное впечатление, потому что как-то раз, когда я опять глядел на Кларимонду, она мне улыбнулась. Я, конечно, ответил тем же. Так пролетели два дня, а мы все чаще и чаще улыбались друг другу, а позднее раз за разом я стал готовиться кивнуть ей; сам не знаю, что меня постоянно от этого удерживало. Все-таки наконец собрался с духом — сегодня после полудня. И Кларимонда ответила. Очень, правда, легко, но кивнула головой, а это видел вполне отчетливо.

ЧЕТВЕРГ, 10 марта.

Вчера я долго сидел над книгами и все же не могу сказать, чтобы много выучил, ибо витал в облаках и думал о Кларимонде. А после долго спал беспокойным сном.

Когда я подошел к окну, Кларимонда уже сидела на обычном месте. Я кивнул, она ответила тем же и долго смотрела на меня.

Собирался приняться за дело, но не мог побороть волнение; сел у окна и загляделся на Кларимонду. Вдруг я заметил, что и она сидит, отложив пряжу. Потянув

за нур, я отодвинул белую занавеску и — почти одновременно со мной — девушка сделала то же самое. Мы обменялись улыбками и засматрелись друг на друга.

Так мы сидели почти целый час.

После Кларимонда снова взялась за пряжу.

СУББОТА, 12 марта.

Идут дни, я ем, сплю, сижу за столом, курю трубку и склоняюсь над книгой. Не могу прочесть ни слова. Я стараюсь изо всех сил, но заранее знаю, что это напрасно, тогда я встаю и подхожу к окну. Я киваю, а Кларимонда отвечает мне таким же кивком. Мы улыбаемся и смотрим друг на друга — долгие часы.

Вчера пополудни, около шести, я испытывал легкую тревогу. Сумерки наступили очень рано, и меня охватило омушение неопределенного страха. Я сидел за столом и ждал. Что-то буквально тянуло меня к окну — не для того, разумеется, чтобы лезть в петлю, — а чтоб увидеть Кларимонду. Я вскочил и замер у занавески. Кажется, никогда еще я не видел эту девушку так отчетливо, хотя было уже совсем темно. Она прядла, но смотрела в мою сторону. На меня снизошло удивительное умиротворение, смеманное, однако, с какой-то легкой тревогой.

Зазвонил телефон. Я был вне себя от злости на этого дурака комиссара; его глупые вопросы распугали мои мысли.

Сегодня утром он явился ко мне в компании мадам Дьбоннэ. Она вполне мной довольна, ей достаточно сознавать, что я жив, хотя вот уже две недели как занимаю

комнату номер семь. А вот комиссару хотелось бы конкретного результата. Я туманно намекнул, что ухватил одну очень необычную нить, и осел с аппетитом проглотил эту ерунду. Будь что будет, а я останусь здесь еще на неделю, чего желаю со всей страстью. Не из-за кухни госпожи Дюбоннэ или ее подвалов — боже, какой чепухой кажутся такие вещи постоянно сытому человеку! — но из-за окна, которое козьянка так ненавидит, и которое я так люблю, поскольку вижу за ним Кларимонду.

Стоит зажечь лампу — и девушку уже не разглядеть. Я проглядел все глаза, стараясь уловить, когда она выходит в город, но ни разу не видел, чтобы Кларимонда хотя бы шаг ступила за порог. Вот сейчас сижу в большом удобном кресле у лампы с зеленым абажуром, от которой исходит теплое сияние. Комиссар оставил мне большую пачку табака (такого хорошего мне курить еще не доводилось). Работать все равно не могу. Прочту две-три страницы и, дойдя до конца, ловлю себя на том, что ничего из прочитанного не понял. Глаза видят буквы, а мозг не воспринимает их смысла. Забавно! Будто на него повесили табличку с надписью "Вход воспрещен". Будто мозг не в состоянии реагировать ни на что, кроме одного слова: Кларимонда.

В конце концов я отпихиваю книги, удобно располагаюсь в кресле и погружаюсь в грезы.

ВОСКРЕСЕНИЕ, 13 марта.

Сегодня утром я стал свидетелем своего рода драмы. Пока слуга прибирал в комнате, я прожигивался по коридору. Перед выходящим во двор окошечком натянута паучья сеть, которую стережет жирный паук-крестовик. Госпожа Дюбоннэ не позволяет трогать эту паутину: пауки приносят счастье, а с нее уже довольно трагедий. Вдруг я увидел, как другой паук гораздо меньших размеров с оглядкой ступил на одну из нитей. Это был самец. Он осторожно двигался по дрожащей нити к центру, но тут же отступал, стоило самке помешиваться. Тогда он перебежал к другому концу сети и снова пытался приблизиться. В конце концов мощная самка будто бы уступила его ухаживаниям и неподвижно заерла на своем месте. Самец потянул нить, сперва легонько, потом дернул сильнее, так что качнулась вся паутина; его возлюбленная вела себя спокойно. Тогда паук приблизился к ней, соблюдая при этом крайнюю осторожность. Самка приняла его, не сопротивляясь, и покорно отдалась в ласковые объятия; оба в течение долгих минут неподвижно висели в центре большой сети.

Потом я заметил, как самец осторожно, одну за одной, разжимает лапки; это выглядело так, будто паук намеревался незаметно уползти, оставив свою подружку в состоянии любовной одури. Он наконец освободился и что было сил сбежал с паутины, но в то же мгновение в паучихе пробудилась яростная энергия, и она бросилась следом за ним. Несчастный самец выпустил из брюшка нить и съехал вниз,

однако таким же акробатическим приемом воспользовалась и его любимая. Пауки оказались на подоконнике. Самец, напрягая все силы, стремился уйти от преследования, но было поздно. Подруга уже вцепилась в него мертвой хваткой и поволокла назад, в самый центр сети. И на той самой месте, где только что было ложе освободившейся страсти, открылась совсем иная картина. Напрасно бился любовник, вытягивая слабые ножки, стараясь вырваться из жестоких тисков: подруга больше не отпускала его. В какую-то минуту-другую она так опутала беднягу паутиной, что тот уже не мог шевельнуться. А потом самка вонзила острые жвала в его тело и принялась торопливо сосать молодую кровь своего любовника. Я видел еще, как она наконец освободила жалкий бесформенный комок — лапки, кожу, нити — и презрительно сбросила со своей паутины.

Вот значит, как выглядит любовь у этих тварей — ну, благодарю тебя, Господи, что я не паук-самец.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 марта.

Книг я больше уже не касаюсь, все дни провожу у окна. Не покидаю своего поста даже когда наступает вечер. Различить ее нельзя, но вот закрываю глаза — и все-таки ее вижу!

Хи, этот дневник стал совсем не таким, как я себе представлял. Тут говорится о мадам Дюбонне и о комиссаре, о пауке и о Кларимонде. Зато в нем нет ни слова о следствии, которое я собирался вести. Моя ли в этом вина?

ВТОРНИК, 15 марта.

Мы — Кларимонда и я — придумали особую игру, которой заполняем целые дни. Я киваю ей, а она немедленно кивает в ответ. Потом я касаюсь ладонью стекла, а она, только увидев это, тут же делает то же самое. Я подаю знак рукой — Кларимонда его повторяет; мевелю губами, будто разговариваю с ней, а Кларимонда в ответ тоже делает вид, будто отвечает мне. После я убираю волосы с виска, и вот ее ладонь уже касается лба. Совсем детское занятие, над которым мы оба смеемся. То есть, она, собственно, не смеется, это скорее улыбка, тихая, полная преданности; по-моему, я тоже улыбаюсь, как и она.

Вообще-то это вовсе не так глупо, как кажется на первый взгляд. Похоже это не обычная имитация движений, что вскоре наскучило бы нам обоим; здесь дело, видно, в своего рода телепатии. Ведь Кларимонда повторяет мои действия почти одновременно со мной; стоит ей только заметить движение, как она тут же выполняет его до конца; у меня часто создается впечатление, что все происходит одновременно. Именно это побуждает меня каждый раз показывать новый жест, который нельзя будет предугадать, и просто уму непостижимо, как молниеносно она его повторяет. Я часто пытаюсь ее обмануть: быстро выполняю целую серию жестов, а потом ту же серию в обратном порядке и еще раз — в прямом. Наконец, при четвертом повторе я или меняю порядок движений, или какое-то из них делаю иначе,

а то и вовсе опускаю его.

Не перестаю удивляться тому, что Кларимонда ни разу не ошиблась, хотя жесты следуют один за другим так быстро, что трудно разглядеть каждый из них в отдельности.

Так протекает каждый мой день, и все же ни на секунду я не испытываю осуждения бесцельно потраченного времени, наоборот, я уверен, что никогда не занимался ничем более важным.

СРЕДА, 16 марта.

Не забавно ли, что, проводя многие часы за игрой, я ни разу всерьез не подумал о том, чтобы подвести под свои отношения с Кларимондой более серьезный фундамент? Над этим я размышлял прошлой ночью. Ведь можно просто надеть плащ и шляпу и сойти двумя этажами ниже. Пять шагов через улицу, после снова три этажа вверх. На двери маленькая табличка, а на ней — "Кларимонда...". Кларимонда — и что еще? Этого я не знаю, но что "Кларимонда" — уверен. Затем стучу в дверь, потом...

До этого мгновения я могу представить себе все, вижу даже малейшее движение из тех, что должен буду сделать. Зато никак не удается представить себе, что было бы после. Дверь открывается, да, это я еще вижу. Я сам стою на пороге и смотрю в темноту, в которой ничего, совершенно ничего нельзя разглядеть. Кларимонда не выходит на порог — никто не выходит; там вообще никого нет. Только черная непроницаемая темнота.

Часто мне кажется, что вообще нет

никакой Кларимонды, кроме той, которую я вижу у окна, и которая играет со мной. Не могу себе представить, как бы она выглядела в мялке или в другой платье, кроме этого черного с большими фиолетовыми горошинками, даже хотя бы без черных перчаток. Я смеюсь вслух, когда подумано, что мог бы ее увидеть на улице, или, тем более, в ресторане, как она ест, пьет, о чем-то шепчет, — настолько невероятной мне кажется эта картина.

Часто спрашиваю себя, не любовь ли это. Отвечать с уверенностью трудно, ведь никогда раньше не любил, однако если чувство, которое я испытываю к Кларимонде, можно назвать любовью, так или иначе она совершенно иная, не похожая на ту, о которой приходилось читать в романах или слышать от друзей.

Мне трудно описать свои чувства. Вообще трудно думать о чем-то, что не имеет отношения к Кларимонде или, вернее, к нашей игре. Ведь нельзя отрицать: то, чему мы отдаем наше время, — игра, не более. И в этом скрыта загадка, которую я никак не могу разгадать.

Кларимонда... Да, меня тянет к ней. Однако к этому чувству примешивается другое, похожее на тревогу. Тревога? Нет, не то, это скорее волнение, легкий страх перед чем-то неизвестным. И именно в этом страхе кроется что-то пленяющее, вызывающее особое беспокойство, нечто такое, что заставляет меня держаться на расстоянии от Кларимонды и одновременно все сильнее влечет к ней. Мне кажется, что я описываю вокруг нее большую окружность, то приближаясь немного, то

отдаляясь, и продолжаю кружить, и опять немного придвигаюсь, чтобы снова отступить. Пока наконец (я знаю это наверняка) мне придется...

Кларимонда прядет у окна. Нитки длинные, тонкие, невозможно тонкие. Что за ткань получится из этих ниток, не знаю. И не могу понять, как ей удастся ткать эту сеть, не путая и не обрывая тончайших нитей. На этой ткани видятся особые узоры, фантастические звери и страшные лица.

Да что такое!.. Что я пиму? Я же не могу видеть, что она там ткёт на самом деле - нити слишком тонкие. При этом я все же знаю, что ткань Кларимонды выглядит именно так, как вижу я, когда закрываю глаза. Именно так. Большая сеть, а на ней множество фигур - фантастические звери и страшные лица.

ЧЕТВЕРГ, 17 марта.

Необычно возбужден. Ни с кем не разговариваю, даже госпожу Дюбонне и слугу приветствую сдавленным "добрый день". Совсем немного времени уделяю лишь еде, а все остальное просиживаю у окна, продолжая наму игру. О, что это за восхитительная игра!

Такое чувство, будто завтра что-то должно произойти.

ПЯТНИЦА, 18 марта.

Да, сегодня что-то случится. Это точно. Я говорю себе - говорю громко, чтобы слышать свой голос, - что именно ватем я здесь. Но заговядка в том, что мне страшно. А к страху перед тем, что

ЖЕГОДНИК
ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПРОБЛЕМАМ ТЕХНИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМАМ ФАНТАСТИКИ

БОЙЦОВЫЙ ЯС
КОТЧВЫЙ ЯС
КОТЧВЫЙ ЯС

ЛИА ОВЕРСАН-НФ!

ИНТЕРЕСНО?
ПРАВИТСЯ?
ЗАКАЗЫВАЙТЕ!

ПРЕДЛАГАЕТ

со мной может приключиться то же, что и с моими предшественниками, странным образом примеивается другой страх — перед Кларимондой. И мне уже самому не ясно, чего я боюсь сильнее.

Меня разрывает тревога. С трудом удерживаюсь, чтобы не закричать.

Шесть часов вечера.

Пиму в спешке, на мне плащ и иляпа. Когда наступило пять, силы мои были на исходе. О, теперь я абсолютно уверен, что все как-то связано с мезью часами вечера предпоследнего дня недели — меня больше не забавляет выдумка, при помощи которой я сбил комиссара с толку. Я сидел в кресле и удерживал себя на месте, однако что-то притягивало, буквально тащило меня к окну. Я должен продолжать игру с Кларимондой — а вот он опять, этот чудовищный страх оказаться вблизи окна. Было видно, как они висят там: швейцарский конвивояжер с жирной шеей и седежкой метиной на подбородке, муплый акробат и коренастый крепкий сержант. Я видел их; одного, второго, третьего, а потом всех одновременно, все на том же крюку — из раскрытых ртов вывалились языки. И вдруг среди них я увидел — себя.

Как мне было страшно! Я сознавал, что ужас пробуждает во мне как сама оконная рама с проклятым крюком, так и Кларимонда; пусть простит мне это, но так было на самом деле: в окваченном невероятным волнением мозгу ее образ то и дело сливался с призраками тех троих, которые повисли в петлях, ногами касаясь

пола.

В принципе, я ни на минуту не испытывал тяги, желания повеситься, и только боялся, что способен это сделать. Нет... я только боялся... и самого окна... и Кларимонды... и того ужасного и непонятного, что вот сейчас должно произойти. И еще чувствовал горячее непобедимое желание встать и подойти к окну. Я должен был...

Вдруг зазвонил телефон. Я сорвал трубку и, не слушая говорящего, крикнул: — Сюда! Немедленно приходите!

Мой пронзительный крик будто бы разогнал всех призраков по самым темным углам комнаты. В мгновение ока ко мне вернулось равновесие. Я вытер пот со лба, выпил стакан воды и немного подумал над тем, что сказать комиссару, когда он придет. После этого я подошел к окну, кивнул и улыбнулся.

Кларимонда тоже кивнула и улыбнулась в ответ.

Через пять минут явился комиссар. Я сказал ему, что понял наконец суть дела, но сегодня лучше меня ни о чем не спрашивать, потому что вскоре я сам смогу рассказать о небывало сенсационных вещах. Самое забавное при этом было то, что, обманывая комиссара, я был совершенно уверен, что говорю правду. И даже теперь я в этом почти уверен — вопреки собственному рассудку.

Полицейскому, очевидно, мое душевное состояние показалось не совсем обычным, особенно когда я стал изображать вполне естественным делом свой крик в телефонную трубку, для которого, как ни

старался, не мог придумать разумной причины. Комиссар в самой любезной форме просил меня не терзаться сомнениями, ибо он всегда к моим услугам, это его долг. Лучше он десять раз приедет сюда впустую, чем вынудит меня ждать в то время, когда присутствие полиции будет необходимо. Потом он пригласил сходить с ним куда-нибудь сегодня вечером. Это меня развлечет; нездорово все время сидеть в одиночестве. Я принял его предложение, хотя это далось мне нелегко: не хочется покидать комнату.

СУББОТА, 19 марта.

Мы были в "Гете Ромежуар", "Сигаль" и "Люи Рюс". Комиссар был прав: мне другая атмосфера и короткая прогулка помли на пользу. Сначала меня не оставляло неприятное чувство, будто я поступаю непорядочно, как дезертир, предавший свое знамя. Со временем это, однако, прошло. Мы много пили, смеялись и разговаривали.

Когда сегодня утром я подошел к окну, мне показалось, что Кларимонда смотрит на меня с укоризной. Вероятно, это только мое воображение: откуда ей может быть известно, что я уходил вечером? Да и продолжалось это лишь мгновение, после чего она опять улыбнулась.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 марта.

И сегодня могу записать только одно: весь день мы предавались нашей игре.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 марта.

Весь день играли.

ВТОРНИК, 22 марта.

Да, сегодня опять то же самое. Ничего, совершенно ничего другого. Временами задаю себе вопрос: к чему это, зачем? Или: чего я, собственно, хочу, к чему все это идет? Ответов не имею. Ведь ясно, что ничего, кроме этого самого, мне не нужно. И что бы ни случилось, это будет то, чего я жду.

Мы говорили друг с другом последние дни, без слов, понятное дело. Часто мевелили губами, еще чаще просто смотрели друг на друга. При этом мы прекрасно понимали один другого.

Я был прав: Кларимонда укоряла меня за то, что я оставил ее одну в прошлую пятницу. Пришлось просить прощения, и я признал, что с моей стороны это было глупо и некрасиво. Она меня простила, а я дал клятву, что никогда больше не отойду от этого окна, и мы поцеловались, долго прижимая губы к стеклу.

СРЕДА, 23 марта.

Теперь я знаю, что люблю ее. Так должно было случиться, и сейчас она пронизывает мое существо до последней клетки. Вероятно, у других любовь выглядит иначе. Но разве из тысяч миллионов найдутся две похожие головы, пара одинаковых ушей, две идентичные ладони? Все они равные, поэтому и ни одна любовь не повторяет другую. Моя любовь странная, я это хорошо знаю. Но разве от этого она не так красива? Благодаря этой любви я почти счастлив.

Если бы только не этот страх! Иногда он угасает, и тогда я о нем забываю. Но

Это длится лишь несколько минут, потом он поднимает голову и опять мучает меня. Этот страх представляется мне малюсенькой мимкой, которая борется с большой красивой змеей, стараясь вырваться из ее могучих колец. погоди, глупый маленький страх, скоро тебя пожрет эта большая любовь!

ЧЕТВЕРГ, 24 марта.

Открытие: не я играю с Кларимондой — это она забавляется мной.

Случилось это так:

Вчера вечером я думал — как всегда — о нашей забаве. Тогда я записал для себя пять новых, сложных серий жестов, которыми собирался удивить Кларимонду утром, и каждое движение обозначил номерами. Я заучил эти серии, чтобы воспроизвести их в задуманном, потом в обратном порядке. Это было очень утомительно, но доставляло большое удовольствие и приближало к Кларимонде, хоть я ее и не видел. Я упражнялся часами, но в конце выполнял все серии без единой омибки.

Сегодня утром я подошел к окну. Мы обменялись кивками, игра началась. О да, невероятно! Как быстро она меня понимала и почти в то же мгновение с почти идеальной точностью повторяла то, что делал я. Кто-то постучал: слуга принес мне туфли. Я взял их, а когда шел к окну, на глаза мне попался листок, где я записал свои серии. И я увидел что не выполнил ни одного из этих движений!

Чтобы не упасть, я схватился за ручку кресла и тяжело осунулся на подушки. Я не верил своим глазам и раз за разом

прочитывал листок. Однако все было верно: я проделал у окна целый ряд серий жестов, но ни одна из них не была моей.

И опять вернулось это омуение: какая-то дверь раскрывается настежь — ее дверь. Я стою на пороге и смотрю — ничего... Ничего, только мрак и пустота. И неожиданная мысль: если выйду сейчас — я спасен, и полная уверенность, что теперь я могу выйти. Тем не менее — не вышел, все потому, что ясно понял: тайна открыта. Она у меня на ладони. Париж, тебе покорится Париж!

Какой-то миг Париж значил для меня больше, чем Кларимонда.

...Ах, теперь я больше не вспоминаю об этом. Теперь я чувствую только любовь и этот тихий сладкий страх.

Все происшедшее придало мне сил. Я еще раз прочел свою первую серию, четко запоминая каждое движение, и вернулся к окну.

Теперь я внимательно наблюдал за тем, что делаю: я не выполнил ни одного из задуманных мной движений! Тогда я решил потереть нос указательным пальцем, но поцеловал стекло. Хотел побарабанить пальцами по подоконнику, но провел ладонью по волосам. Я с полной ясностью осознал, что Кларимонда не повторяет моих движений, это я делаю то, что показывает она. Но это происходит так быстро, столь молниеносно, что совпадает с моментом, когда — как мне казалось — воплощается акт моей собственной воли.

Получается, я, который был так горд своей способностью оказывать воздействие на ее мысли, оказался тем, кто абсолютно

и без остатка попал под ее влияние. Ну что ж, оно настолько деликатно и утонченно, что трудно найти что-то более сладостное.

Я все же предпринял новые попытки. Сначала сунул руки в карманы и решил стоять спокойно. Я видел как Кларимонда подняла руку, как улыбнулась и погрозила мне пальцем. Я не двигался. Чувствовал, что правая ладонь норовит выскользнуть из кармана, но крепко вцепился пальцами в ткань. Тем не менее через несколько минут пальцы медленно ослабили хватку, ладонь вынырнула из кармана и рука поднялась вверх. Я с улыбкой погрозил Кларимонде пальцем. При этом мне казалось, что это делаю не я, а кто-то иной, за кем я наблюдаю со стороны. Нет-нет, это было не так. Я, именно я это делал, а кто-то другой наблюдал за мной, некто сильный, стренящийся выяснить какую-то тайну. Но я им не был...

Я - что мне до разгадывания каких-то тайн? Я здесь для того, чтобы выполнять, что хочет она, Кларимонда, которую я люблю в своем сладчайшем страхе.

ПЯТНИЦА, 25 марта.

Обрезал телефонный провод. Не желаю, чтобы мне все время немал этот глупый комиссар, причем как раз в тот момент, когда наступит этот особенный час. Боже - зачем я это пиму? Тут же ни слова правды. Словно кто-то водит моим пером. Но я хочу, хочу... хочу написать о том, что здесь происходит. Хотя бы один только раз еще... то... что я хочу.

Отрезал провод телефона.

... ах!..

...потому что должен был это сделать. Написал. Наконец-то! Потому что должен был, должен...

Мы стояли сегодня утром у окна и играли. Только по сравнению со вчерашним днем наша бабава изменилась. Кларимонда делает какое-то движение, а я сопротивляюсь желанию повторить его, сколько хватает сил. В конце концов мне приходится подчиняться, безвольно выполняя то, что угодно ей, и не могу описать, какое огромное наслаждение дает чувство, что ты побежден, твоя капитуляция перед ее волей.

Мы играли. Кларимонда вдруг поднялась и отомла вглубь комнаты. Там было так темно, что я не мог ее видеть, девушка будто растворилась во мгле. Скоро она появилась снова. В руках у нее был телефонный аппарат, очень похожий на мой. Она поставила его на подоконник, обрехала шнур и отнесла аппарат назад.

Я сопротивлялся, наверное, около четверти часа. Страх завладел мной сильнее, чем когда-либо раньше, но тем большую усладу приносило одумение постепенной капитуляции. Наконец я принес телефон, обрехал шнур и снова поставил аппарат на место.

Так это было.

Сажу за столом. Выпил чай. Слуга только что забрал прибор. Я узнал, который час, потому что мои часы ходят плохо. Сейчас пять пятнадцать, пять пятнадцать...

Знаю, что стоит мне теперь посмотреть в ее сторону, Кларимонда что-то сделает.

Сделает нечто такое, что и я должен буду сделать.

Все-таки смотрю. Она стоит там и улыбается. Теперь... о, если бы я мог ствести взгляд! — подхожу к занавеске. Кларинонда снимает шнур, он красный, как и тот, что висит в моей коннате. Делает петлю. Закрепляет шнур на крюке, вбитом в рану.

Кларинонда садится и улыбается мне.

Нет, того, что испытываю я сейчас, нельзя уже назвать страхом. Это пронзительный ужас, холодящий кровь в жилах, который бы я, однако, не отдал ни за какие сокровища. Это поражение совершенно не поддается пониманию, но при этом так пленительно своей неизбежностью.

Я мог бы сразу подбежать и сделать, что хочет она. Но я жду, я замимаюсь, противлюсь этому. И все равно чувствую, как оно становится сильнее с каждой минутой.

И вот опять сижу здесь. Я подбежал к окну и сделал то, чего она от меня хотела: снял шнур, сделал петлю и укрепил на крюке...

А теперь я больше не стану смотреть в ту сторону, буду глядеть только на этот лист. Знаю. Знаю, что она сделает, когда я снова ее увижу, сейчас, в шесть часов вечера предпоследнего дня недели. Если я ее увижу, придется сделать, что хочет она; следовательно, придется...

Не желаю на нее смотреть...

Я громко смеюсь. Нет, это смеюсь не я, это что-то смеется во мне. И знаю,

над чем: над этим "не желаю"...

Не желаю, а наверняка знаю, что должен. Должен на нее посмотреть, должен, и должен это сделать... а потом...

Я тяну для того, чтобы продлить эти муки, да, это правда. Эти спиральные груды страдания, ставшие величайшим наслаждением. Пишу быстро, быстро, чтобы сидеть ту как можно дольше, растягивать эти секунды пытки, которые бесконечно усиливают наслаждение моей любви.

Еще, еще неинного...

Опять страх, опять! Я знаю, что посмотрю на нее, встану, повеиусь — но боюсь не этого. О нет, это прекрасно, это чарующе.

Но есть еще что-то, что-то другое, что придет после. Не знаю, что это будет, но это наступит, придет наверняка, неизбежно. Счастье моих мучений так чудовищно велико, что я чувствую, чувствую, что после него должно прийти что-то необратимо страшное.

Только не думать... Писать что-нибудь, все равно, что — только быстрее, только бы не думать...

Меня зовут... Римар Бракемон, Римар Бракемон, Римар Бракемон Римар... о, не могу больше... Римар Бракемон... Римар Бракемон... сейчас... сейчас... должен на нее посмотреть... Римар Бракемон... должен ... нет, еще... Римар... Римар Браке...

* * *

Поскольку комиссар IX округа не дождался ответа на свои звонки, он по-

спешил в гостиницу "Стивенс" и прибыл туда в пять минут седьмого. В комнате номер семь он обнаружил тело Римара Бракетона, висящее на оконной раме, точно так же как и трупы троих его предшественников. Только на лице умершего на этот раз застыло совершенно иное выражение, — лицо искажено страшным испугом, широко раскрытые глаза вылезли из орбит. Губы раздвинулись, обнажив крепко сцепленные зубы.

К ним приник, перекуренный и раздавленный, большой черный паук со странными фиолетовыми пятнышками на брюшке.

На столе лежал дневник недики. Кониссар прочел его и тут же поспешил в дом, напротив. Там он убедился, что квартиру на третьем этаже уже несколько месяцев никто не снимал, и все это время она пустовала.

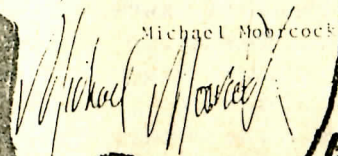
Париж, август 1908

All best wishes and --

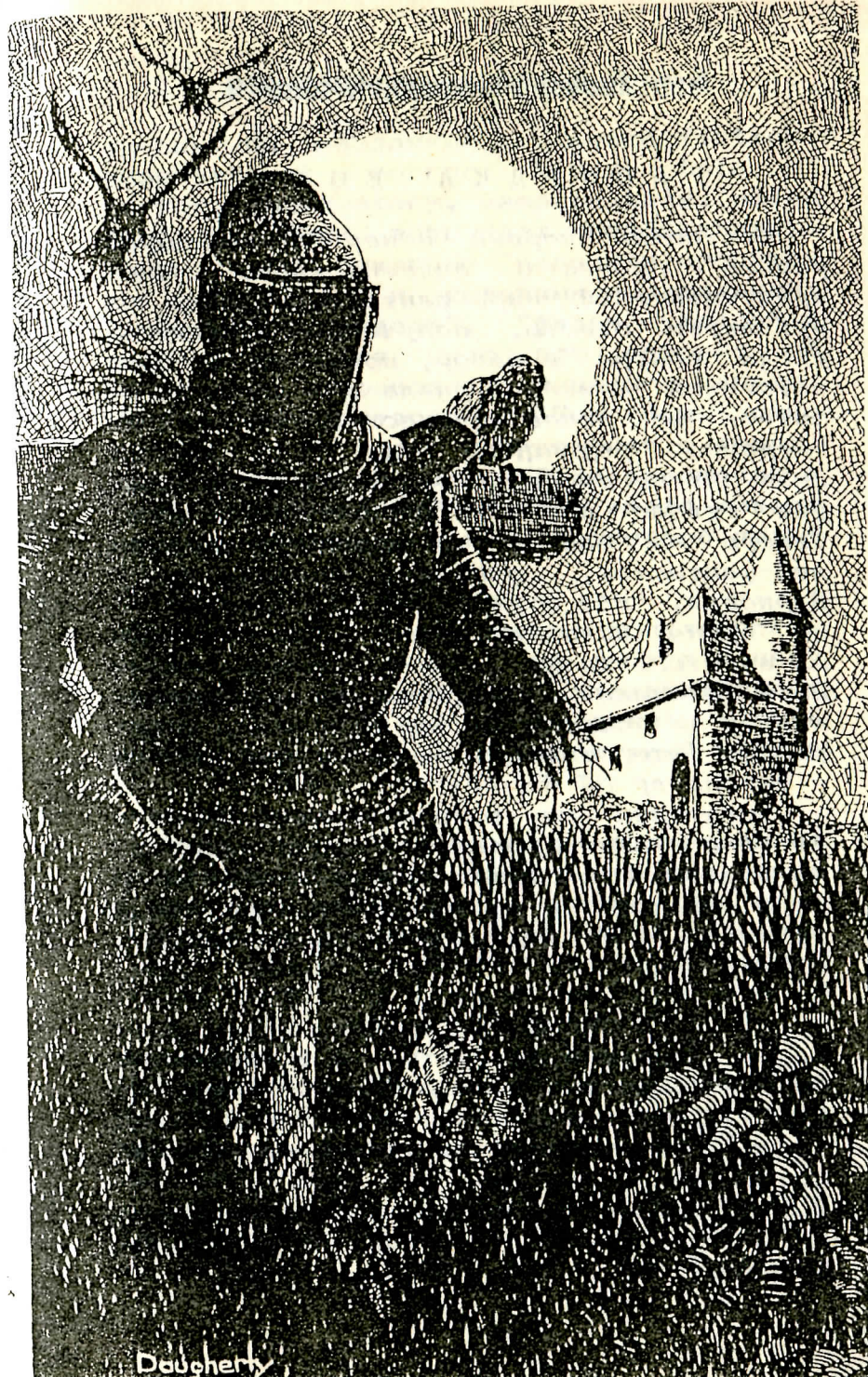
Желаю ВАМ
успеха!

Yours,

Michael Morfcoet

**НЕРАВНОДУШНЫЙ К
СУДЬБЕ СОВЕТСКОЙ
МАЛОЙ ПРЕССЫ
АНГЛИЙСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ МАЙКА
МУРКОК ПОДАРИЛ
МЭД ЛЭБ ПРАВА
НА ВСЕ СВОИ РАС-
СКАЗЫ. СЛОВО ЗА
ВАМИ, ПРОФЕССИО-
НАЛЫ-СОТЕЧЕСТВЕН-
НИКИ. МЫ НУЖДАЕМСЯ В
ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКЕ!**

РАЗВЕДКА БОЕМ

Составляя первый номер МЛ, редакция решила провести анкетирование среди представителей мира фантастики. Ниже мы публикуем ответы, полученные к моменту ухода номера в набор, полагая, что для читателей нашего журнала они могут оказаться не менее интересны, чем для сотрудников редакции. Ведь наша анкета была чем-то вроде разведки боем, которая уже сейчас принесла первые результаты. Теперь мы знаем, что целый ряд писателей-фантастов, очевидно, солидарны с Парновым, ибо ответов не прислали (в то же время известно, что обычно эти люди на анкеты отвечают). Не будем пока называть фамилии... Недавно мы отправили анкету и самому Еремею Иудовичу, интересно, что ответит он. Будет ему послан и экземпляр МЛ #1.

Читателей мы тоже призываем принять участие в анкетировании — будет любопытно узнать, как станут пеняться ответы по мере знакомства с очередными номерами в течение 1990 года. Наиболее интересные ответы будут опубликованы.

АНКЕТА

1. В западной литературе и в различных видах искусства (кино, ТВ, комиксы, театр) сосуществуют жанро-тематические течения, не только отсутствующие в отечественной культуре, но даже никак по-

© Вступление и анкета, Владимир В. Мелужин, 1989.

русски не названные — weird fiction, supernatural horror story, tale of terror, ghost story, vampire tale, weird fantasy. Если возникает необходимость обругать их, дежурные "радетели прогресса" прибегают к условным полукалькам: "литература ужасов", "фильм ужасов" и так далее. Уже одно это говорит об абсолютной неосвоенности целого направления в фантастике. Что Вам лично известно об этом направлении о людях, работающих в его русле? Ваше отношение к этому направлению? Каково место такого рода произведений в художественной культуре?

2. Известно, сколь велика популярность жанра "ужасов" всюду, где доступ к нему открыт. Как Вы полагаете, что привлекает людей в такого рода произведениях — ведь эмоции, ими вызываемые, на первый взгляд трудно назвать приятными?

3. Как Вы относитесь к появлению на арене малой прессы нашего журнала, специализирующегося, среди прочего, на фантастике ужасов? Нужна ли нашей культуре такая "помесь" WEIRD TALES и ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ? Не нанесет ли такой журнал вред отечественной фантастике?

4. Какие произведения из знакомых Вам лично Вы бы отнесли к фантастике ужасов? Случайно ли Ваше знакомство с ними?

5. Как Вы относитесь к цитируемой в гайдлайнах МЛ статье Еремея Парнова "Два лика Януса" (1982), где в новой интер-

претации повторены отдельные оценочные характеристики Западной фантастики из давней статьи И. А. Ефремова "Наука и научная фантастика" (1961)? Считаете ли сказанное по поводу "нечистой" фантастики: а) верным; б) отчасти верным (уточните, в чем именно); в) некомпетентным, дезориентирующим и голословным суждением.*

6. Как Вы оцениваете перспективы развития фантастики ужасов в нашей стране?

* * *

Александр И. КОРЖЕНЕВСКИЙ,
переводчик-профи, г. Москва:

1. Нормальные люди, вполне профессиональные писатели, многие из которых столь же часто пимут фантастику или фэнтези. Отношение тоже нормальное (хотя, по большому счету, фантастику как таковую — без четких, впрочем, жанровых границ — ставлю превыше всего), — все зависит не от жанровой принадлежности, а от исполнения: порой попадаются просто потрясающие вещи, которые иначе как "ужас" не определишь — ну и черт с ними, с определениями. Место в мировой культуре — давнее, насиженное, заслуженное. Хотя современный литературный снобизм

* Этот пункт дан в несколько иной редакции. В старых вариантах, в частности, отсутствовали возможные ответы.

пытается ставить жанровую литературу "на место", почему-то ничего из этого не выходит: видимо, все это нужно людям — и чудо, и сказка, и полет мысли, и "страшки". В конце концов, любая литература — зеркало жизни, и "ничего на зеркало пенять...". Качество изображения зависит от мастерства автора, и если он действительно мастер, то какая и черту равница, под каким лейблом маркировалась книга? Если она хороша, то не только "найдет своего читателя", а привлечет еще и множество других.

2. Эмоции, может быть, и не положительные, но это только первая реакция. Вторая, более важная, — контраст. Да, бывает страшно, но лучше в книге, чем наяву. И потом, как правило, "ужас" — это тоже приключение, и никто не спорит, что людям просто нужны приключения. Душу отвести или отдохнуть — что же тут плохого? А если кто-то скажет, что эти жанры, мол, порождают маньяков, то это чушь собачья: гораздо больше их рождает социальные проблемы, наркотики, безумная гонка в современном мире, та же вьетнамская война, сексуальная неустроенность и прочее. Зеркало тут ни при чем.

3. Только положительно. Всегда было обидно, что у нас нет. (Притом что предпочтение отдаю все же другим жанрам). А насчет вреда — вопрос древний и провокационный. Коммерчески — может нанести вред, в будущем, когда определенная часть читателей решит, что ей больше нравятся "ужасы". Все остальное

от лукавого (или от грязной пропаганды). В Мтатах полно "ужасов", только не заметно, чтобы фантастика жирела.

4. Практически весь Stephen King, Peter Straub, Rex Miller, Ramsey Campbell, Mercedes Lacky и прочие - их там полно. Знакомство не случайное (ибо случайные связи опасны!); хотя в первую очередь интересует новая SF, все же присматриваюсь и к остальным жанрам. А Кинга просто люблю (есть у него огрехи, есть, но все равно молодец!)

5. Как можно относиться к словам платного функционера, который давно уже не пишет и не читает фантастики? Да, бывает бульварщина. А где ее не бывает? В фантастике? (Только маньяков никто в "ужасах" не воспеваает: они - необходимая часть повествования, с ними борются, часто побеждают - все как положено в сказке).

6. Все у нас будет. И "ужасы" (и чернуха, и порнуха). Разумеется, если страна будет развиваться нормально, и тем людям, которые хотят что-то делать, не будут мешать. Если же нет, тогда не надо будет никаких "ужасов" - жизнь будет почище всякого "ужаса". (Еще Кинг писал: немного параноий - совершенно нормальное состояние для современного человека).

Валерий ОКУЛОВ, редактор и издатель фэнзина "ОКУЛА", г. Иваново:

1. Я не сторонник разделения общего русла фантастики на жанро-тематические течения и, что следует из вышесказанного, не доскональный знаток какого-либо из них. О "фантастике ужасов" (как я ее понимаю) известно мне не так уж мало, но в основном все это - из ее истории. Тут и прочитано многое (переведенное на русский), о другом кое-что узналось из критической литературы (например, в книге "Завтрашний день пришел" Сэн Льюдваль посвятил главу "Сказки склепов" "фантастике ужасов"). Историю (и предисторию) "фантастики ужасов" из мировой художественной культуры не вырубимь и топором! Я приведу лишь перечень имен - и все будет ясно: Х. Уолпол, Э. Радклифф, М.Г. Льюис, Ч. Мэтьюрин, М. Шелли, Э.А. По, У. Бекфорд, Н. Готорн, А. Бирс, О. Уайльд, Г. Джеймс, Э.Т.А. Гофман, Л. Арнин, Ш. Нодье, Ж. де Нерваль, Ж. Казот, Ж. Барбе д'Оревельи, Ф.О.М. Вилье де Лиль-Адан, Т. Готье, П. Мериме, Г. де Мопассан, Пу Сунлин, Саньцзэй Энте, Уэда Акинари, Акутагава Рюноске, О. Кирога, Я. Потоцкий. Эти имена давно уже заняли подобающие места не только в энциклопедиях фантастики, но и в просто литературных энциклопедиях! И в отечественной культуре можно наметить историческую линию "фантастики ужасов": В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, О.М. Сомов, В.Ф. Одоевский, А.К. Толстой, Ф. Сологуб, В.И. Крыжановская-Рочестер, А. Грин, А.В. Чаянов, В. Каверин... Конечно, линии этой после "великого перелома" идти можно было только "в стол"...

Поэтому же и о последних 60 годах зарубежной "вирд фикшн" известно мне гораздо меньше... Достаточно привести в пример творчество Г.Ф. Лавкрафта — совершенно неизвестного у нас. Кое-что можно прочесть из произведений С.В. Бене, Лорда Дансени, Д. Дьюрье, Р. Даля, Дж. Кольера... Имена же Т.П. Преста, Б. Стокера, Р. Говарда, Дж.К. Поуиса, Р. Бротигена, Х. Раса, М. Элиаде лишь известны мне, не более... Как и то, что и Г. Каттнер, и Р. Бредбери ("Мрачный карнавал", "Глубоко за полночь") также авторы "фантастики ужасов". А уж о 70-80-х годах нечего и говорить — неизвестны даже имена (вот разве что Ст. Кинга у нас все же переводят!) Зато вовсе старается Еремей Иудович!.. Наверное, в современной "вирд фикшн" действительно есть все, что он так распикивает, но ведь не только это! Не зря же американский исследователь Дональд Ф. Глат написал фундаментальный труд "Легенда о Франкенштейне: Дань признательности Мэри Шелли и Борису Карлоффу".

2. О причинах популярности жанра "ужасов" писали уже и литературоведы, и философы, и психологи, и психиатры. "Специалисты"! Я не специалист — мне просто нравится!

3. Свое отношение к созданию "Мэд лэб" я уже выразил ранее в письме в редакцию, так что сейчас коротко: одобряю! Что же касается "вреда отечественной фантастики" — многое зависит от редактора...

4. Я люблю ФАНТАСТИКУ! Поэтому и знакомство с "фантастикой ужасов" вряд ли назовем случайным. А что к ней отношу — смотри ответ на вопрос первый.

5. Еремей Иудович есть Еремей Иудович!.. Что же касается Ивана Антоновича, тридцать лет назад написавшего: "... мы избежали всякого мусора — мистики, демонов, оборотней, космических гангстеров и страшных убийств...", — он действительно так думал! Ведь все же ученый, да и жил в иные времена. Но разве это его вина... Но и он понимал, я думаю, что от "мусора" — то никуда не деться! И разве нама фантастика "ближнего прицела" 30-40-х годов — лучший "мусор"?!

6. Пророк из меня никудашний — подтверждено опытом. Так что от ответа уклонюсь... Хотя и надеюсь на лучшее!

Леонид М О Р Г У Н, начинающий писатель-фантаст (периодика), г. Баку:

1. Если талантливо, то имеет право на существование, если нет — общество имеет право на их (этих вещей) ликвидацию. Конкретно авторов этих вещей известно много и место в литературе они занимают соответственно своему таланту.

2. Привлекает в фантастике ужасов человека то же, что и в зрелищах катастроф: адреналин при этом поступает в кровь, вызывая расширение сосудов и

своего рода эйфорию.

3. Большого вреда, чем Госкомиздат, фантастике ничто нанести не могло и не сможет.
4. Свои.
5. Не читал.
6. Благоприятно, если будет принят новый Закон о печати.

Владимир В А С И Л Ь Е В, начинающий писатель-фантаст (периодика), г. Николаев:

1. Мое отношение к "ужасам" и т. д. - если интересно и захватывающе, то пожалуйста и ура! Если нудно, то к чертям. Если это литература (кино, комиксы, ТВ, театр) в истинном значении этого слова - это полноценное русло в дельте искусства. А если халтура - халтура она и есть. О людях, создающих "ужасы" (благодаря советской идеологизированной политике) знаю только одно - фамилию Хичкок. Да и то понаслышке.
2. Интерес к необычному, подсознательная тяга к сверхъестественному.
3. Конечно, не нанесет! Это крайне необходимый шаг - создание журнала.
4. Пожалуй, "Серебряную пулю" (хотя фильм очень затянут) и, естественно, "Конец оборотня" С. Кинга. Фильм "Зло-

ведие мертвецы - 2". Пара рассказов Лавкрафта. На этом мое знакомство исчерпывается.

5. Не имею информации.
6. Вряд ли разовьется.

Александр Б О Л Ь Н Ы Х, автор-наблюдатель (пока - периодика), г. Свердловск:

1. Известно не очень много, к сожалению, не столько, чтобы уверенно говорить об этом. Отношение - вполне положительное: нет плохих жанров, есть только плохие авторы. Место свое, на которое никто не покушается.
2. Честно говоря - не знаю.
3. Пока журнал будет экзотикой, он будет иметь спрос. Позднее - не уверен. О вреде не может быть и речи, но топорное исполнение может нанести вред самому жанру.
4. Некоторые вещи Кинга. Увы, случайно.
5. Не знаю этой статьи.
6. Неопределенные. Фантастика ужасов должна переболеть всеми детскими болезнями и научиться ходить. Тогда можно говорить о перспективах. Более уверенно можно предсказать распространение видео.

Сергей П Е Р Е С Л Е Г И Н, фэн-публицист (фэнзины), г. Ленинград:

1. Ничего.
2. Мне кажется, то же, что и к любым другим: страх - сильная эмоция.
3. Издание такого журнала совершенно необходимо.
4. Не знаком (не случайно).
5. Не читал.
6. Не оцениваю.

Святослав Л О Г И Н О В, писатель-фантаст (периодика, коллективные сборники, малая пресса ЧССР), г. Ленинград.

1. Ничего конкретного мне не известно, потому что лучшие произведения недоступны, критики нет, а судить по случайным рассказам о целом направлении неослуживо. Например, только в этом году выведены из спецхрана Публичной библиотеки подмишки посвященного оккультизму журнала ИЗИДА. Печатались там и рассказы по тематике этого издания. Бросился читать и оказалось, что они чудовищно скучны. Так что судить не могу. А к самому жанру отношение такое же, как и к любому другому направлению. Все зависит от меры художественности: если "готическое" произведение художественно, оно принадлежит литературе, если нет, то и

оценено оно будет соответственно.

2. По-моему, это объяснил Савченко в романе "Открытие себя". Там один из героев говорит, что детективы и романы читают, подсознательно стремясь накопить необходимый для выживания вида опыт. Как "правильно" любить, как выйти из экстремальной жизненной ситуации...

3. К появлению МЭД ЛЭБ отношусь положительно. Я придерживаюсь той точки зрения, что все сущее - разумно, и раз такой журнал, тем более - фэнзин, появился, значит, он необходим, отвечает каким-то потребностям, до сих пор не удовлетворенным. А вред - вред может нанести только отсутствие чего-либо.

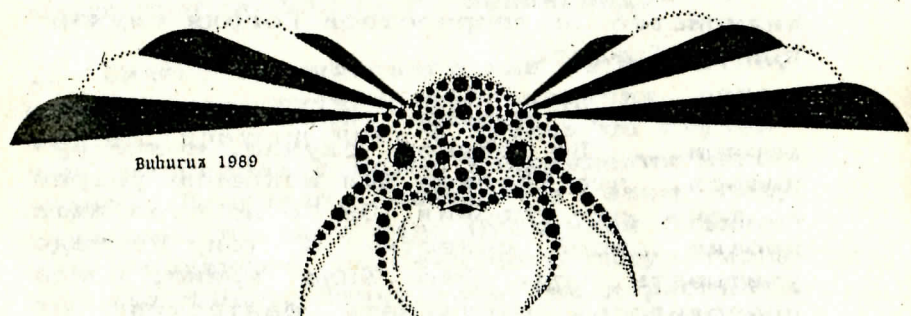
4. Знаю только два таких произведения: "Вий" и "Страшная месь" Гоголя. Ну, а знакомство с творчеством Гоголя случайным не бывает.

5. Я бы назвал сказанное отчасти верным... Во всяком случае, можно ручаться, что Ефремов был искренне уверен в том, что говорил. Он бы не стал идти против своей совести. К тому же надо учитывать год. Это было время, когда приходилось отстаивать фантастику от требований фантазировать в пределах пятилетнего плана, чего добивались Ненцов и критик Ф.Иванов. Чем-то надо было жертвовать, и анафеме предавались направления, которым не то что не находилось, но и не могло быть места в тогдашней культуре. Да и по складу ка-

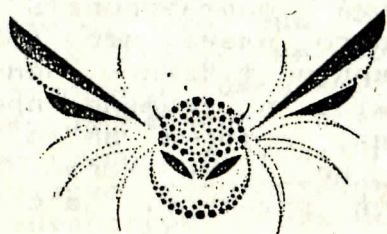
рактера Ефремов был человеком, который такого не принимал.

Парнов... вот не знаю. Если характер Ефремова известен, известно, как он про- бивал то, чему посвятил себя, то Парнова я не знаю. Вы попробуйте спросить у него самого.

6. Такая фантастика будет развиваться как и все, ранее запретное, а после раз- решенное. Появится огромное количество серых произведений, от которых через 200 лет останется горстка, 10-20 рассказов, которые будут читаться и тогда. Ведь что осталось из ранее написанного у нас? Гоголь. Два рассказа А.К. Толстого. Вот и Крыжановской-Рочестер, прочтя несколь- ко ее рассказов, остался крайне холоден. Так бывает всегда, время отсеивает луч- шее.

Buhurix 1989

Buhurix 1989

К Р И Т И К А

КНИГИ

Валерий Окулов

РАССКАЗЫ О НЕВЕДОМОМ
Рецензия

Владимир КАЙЯКС. *Город, которого нет.*
/Пер. с латышск. — М.: Сов. писатель,
1989. — 384 с.

Я не сторонник четкого разграничения разновидностей фантастики, знатоки мне могут, наверное, возразить, но не написать о рассказах Владимира Кайякса, составивших половину его книги "Город, которого нет" я попросту не могу, относятся они к ви́рду фикции или нет. Писать много не буду, прежде всего посоветую прочесть всем, кому интересны "вечные психологические проблемы".

Владимир Карлович Кайякс (р. 1930) первую книгу прозы опубликовал 25 лет назад; помнит он как реалистические произведения, так и детективы, и "работы условного характера". Именно последние и опубликованы в новой книге писателя в переводах В. Ругайс и Вл. Багирова.

В рассказе "Мнорх" речь о том, кто живет за бутылками в старом комоде у супругов Апсе, кто перебирается затем ко всем сослуживцам Агнессы Апсе, с чьими

© Валерий Окулов, 1989

происками начинает бороться все учреждение, где она работает, и начальник которого уже никогда не поверит, что "нет никакого Мноржа" - ведь на Мноржа можно списать все недоработки... В рассказе "Несравненная" садовник создает "розу, которую уже невозможно превзойти". Но оказывается, что изящная, хрупкая и прозрачная роза в то же время - "непостижимо хищная", готовая погубить все вокруг себя!

Пересказывать Кайякса - неблагоприятное дело... Ну как описать то, что происходит в "городе, которого нет"? О чем рассказ? О поисках Неизвестного Города? О загробной жизни? О загадках времени?..

Рассказы "Старик" и "Паук" еще недавно можно было бы "прорабатывать" за мистикой! Ведь старик, заглядывающий в сердца, "стоит на этой земле, как стоял сотни и тысячи лет, где в него, возможно, будут стрелять, попытаются отравить...., но он будет подниматься снова и снова..." А Паук, все время думавший о женщине, вожакемкий завладеть ее молодым телом! Но так и не сумевший этого сделать...

Есть у Кайякса рассказ, который можно назвать и НФ-ом - "Мамина". Но хотя и век тут XXI, и герой "трудится над тем, чтобы управлять автомобилем с помощью мысли" - все это лишь фон для изоморфного показа отношений внутри не совсем обычного "треугольника": он - она - мамина! И когда Мамина совершила самоубийство, "Аксель почувствовал, как боль пронзила все его тело, словно от него оторвали живую часть"...

Как Ариэль - герой рассказа "Город,

которого нет", Владимир Кайякс "звал неведомое к себе", чтобы нам, читателям, хоть что-то становилось чуть понятнее в нашей полной Неведомого жизни.

ФЭНЗИНЫ

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ, 1989, октябрь, #2 / ежемесечник, дайждест (карманный формат), ксерокс, печать двусторонняя, тетрадное митье, 34 с., илл. Редактор - Александр Коклюхин - 119034, г. Москва, Смоленский бульвар, 10, кв. 4. Обработка писем - Владимир Орлов - 127349, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 88, кв. 44В.

Номер почти целиком состоит из двух крупных материалов - статьи редактора ХАБАРА М. Попова об истории возникновения и развития организованного фэндома в Коми АССР, и рассказа Д. Браннера "Усовершенствованная мимеловка". Не разделяя сыктывкарского увлечения придумыванием альтернативных миров ради такового, статью я намерел написанной уверенной рукой и достаточно подробно, чтобы у читателя сложилось ясное представление, чем заняты члены клубов "Цивилизация ГЭИМ" и "Звездный дракон". Рассказ Браннера - типичная проходная вещица, какие профессионалы штампуют сотнями ради заработка. К голой идее об очередном варианте конца света по вине

инопланетян, которым чей-то немают юркие земляне, привычно построена история, в ходе которой герой подводит другого к осознанию страшной угрозы. Как только она осознана, оба - и читатель с ними - узнают, что "поведно, батя, пить боржоми": конец света уже начался. Все это можно было написать куда лучше, но автор такой задачи перед собой не ставил, писал холодно и явно без желания. Браннера я понимаю, куда сложнее понять неплохого анонимного переводчика, который решил тратить свое время на произведения, каких легион.

Приятное впечатление оставляет рассказик В. Орлова "Чревоугодничи" - полторастраничная пародия на "Звездные дневники Ийона Тихого". Во-первых, хорошо задумано и хорошо воплощено, во-вторых, это и в самом деле пародия, где прек-

расно симитирован предмет пародирования.

Две странички редакция отвела под информационные материалы. Одна - новости фэндома, из которых выделяются два сообщения: о готовящемся выходе советско-американского Биг-тайма ВИЖИС (VISIONS, предполагаемый тираж 100.000, то есть в 10 раз превышающий минимальный тираж Биг-тайма в США, о чей редакция и не мечтала), и об областном празднике фантастики "ФантУрал-89" (организаторы - ВО КЛФ и КЛФ "Феникс") с семинаром по теме "КЛФ: настоящее и будущее". В укор редакции замечу, что такую информацию следовало бы сопроводить адресом для контакта с организаторами, чтобы не вынуждать читателей рыться в бумагах или звонить знакомым. На четвертую страницу обложки вынесена рубрика "Книжный космос", где даны аннотации на новые книги Л. Майнера, Р. Говорка, Т. Пратчетта и Боба Шоу. Аннотации сами по себе ничего, но неплохо бы знать также выходные данные книг и кто их аннотировал.

Этим содержание номера исчерпывается. Если еще учесть, что статья М. Попова перепечатана из ХАБАРА #1, цель, с которой редакция решила издавать журнал, представляется более, чем туманной. Впечатление такое, что журнал стал жертвой оперативности выхода; кое-что интересное, ничего захватывающего.

Приятным сюрпризом для меня оказалось исключительно высокое качество налета (заслуга Александра Коклюжина). Редакция исхитрилась выжать из пимучей машинки все, на что способен этот динозавр сов-

ременной оргтехники. Если бы не скверный ксерокс, на котором делался тираж, "Пикник" хотелось бы поглядить как породистую комку, тем более, что и бумага использована отличная. Очень ловко вкопированы в текст неплохие иллюстрации (правда, совершенно случайные). Как ни уродовала их советская техника оперативной полиграфии, видно, что оригиналы делались хорошими художниками. (Кстати, самая сложная - маленькая и полутонная - картинка почему-то воспроизведена по-людски). В обмен, с европейскими или, скажем, с австралийскими фэнзинами мы уже можем так-сяк конкурировать.

Владимир В. Мелухин

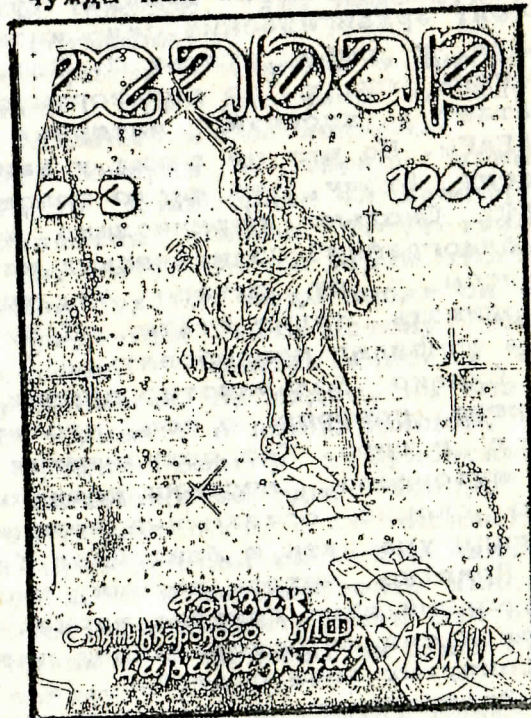
ХАБАР, 1989, #2-3 / ежеквартальник, А4, электрокопия, односторонняя печать, митье блоком (скрепки), 40 с. Редактор - М. Попов

Что-то в нем все-таки есть, в этом ХАБАРЕ. Кто с ним знаком, представляет себе, насколько различны у меня и у М. Попова представления о том, каким должен быть фэнзин и чем надлежит заниматься цивилизованному редактору малой прессы. Надо же, должен признаться, что этот фэнзин мне понравился вопреки изначально скептическому к нему отношению.

Я принял в фэндом в 1982, мне тогда

было 22 года и, увы, к этому возрасту я окончательно утратил вкус и способность к игре. Промедные годы улучшения не принесли, так что вряд ли я смогу когда-либо до конца понять играя - эта цивилизация мне чужда как океан Солярис. К

тому же никакими силами не могу убедить себя в допустимости траты немалой доли журнальной площади под материалы, прямо с фэндомом и фантастикой не связанные, как это принято в ХАБАРЕ в силу местной специфики. Особенно уж разум заходит, когда

читаешь редакционный комментарий, из которого следует, что лингвоэтноисторический экзерсис И. Яроманка "Сарматы и их язык", занимающий 4,5 страницы - чистой воды чепуха (в чем с редакцией трудно не согласиться, оговорившись, что такое надо писать не после, а перед статьей). Еще четыре отданы под изложение новой программы построения Утопии и методических рекомендаций к этому

строительству (Утопия на этот раз именуется Рутенией, потому что должна спасти от растворения в "новой [нине, кажется, упраздненной - В.И.] исторической общности людей" прежде всего именно русский народ). Правда, тут хоть мотив ясен: архангельские сен-симони опубликовали у себя статью М. Попова из #1, а теперь он - "по договоренности"! - печатает таинный материал у себя в ХАБАРЕ. Но вот не лежит у меня сердце ко всему этому, не место такому в издании КЛФ! Сколько перечислено в "Советской библиографии" политических изданий малой прессы - ну отчего бы туда не призраивать такие статейки? Нет, надо еще и в фэвизинах попробовать...

Однако большинство прочих материалов номера говорит о том, что журнал резко идет в гору. Еще сохраняется ребячество и муть, нестами натужный юмор, но это скорее остаточные явления, которые должны угаснуть в ближайшем будущем.

Приятно читать колонку писем, изящно свободный язык придает журналу известный шарм и сильно подслащивает пилюли в виде упомянутых выше статей.

Замечателен в своем лаконизме ответ М.Т. (вот этого тоже не понимаю - почему не указать также имя и фамилию?!) на просто-таки оскорбительный выпад Станислава Лена против малой прессы.

Ответы А.Стругацкого на анкету М. Таскаева могли быть интереснее, если бы автор анкеты не совершил распространенной ошибки начинающего журналиста - прочтя весьма любопытную статью, он забл, что значительная часть человечества

этой же статьи могла не читать. Из-за этого остался без ответа самый любопытный вопрос: как один из двух канонизированных фэвизина при жизни отечественных писателей относится к фантастической малой прессы. Хи, надо будет исправить это упущение!

В меру интересны и полезны в информативном плане три рассказа о КЛФ городов Уфы, Силламяэ и Сыктывкара.

Недостатком очерка о первом номере писателя-фантаста Калистрате Фалалеевиче Жакове является полное отсутствие сведений о литературном наследии этого человека сложной судьбы. Ведь попал он в поле зрения редакции лишь потому, что написал несколько "фантастических и сказочных" рассказов. Ну ладно, на безрыбье и рак - рыба (в конце концов, с моей точки зрения Бюргер с Жуковским заслуживают памятника за одну "Ленину", даже если бы больше ничего не писали), но надо было прежде сами рассказы найти и прочитать, а то и опубликовать какой получше. Или хоть рассказать, что они из себя представляют. А то мало ли кого со Свифтом сравнивают!

Я уже отметил, что не принимаю манеру без всякой на то причины серьезное дело превращать в игру, а именно это произошло в отчете "Тускуб на "Аэлите-89". К чему эта комедия? И отчего именно Тускуб? Потому что - "Аэлита"? То же можно было написать серьезно и по-деловому, тем более, что зеленая тоска и неустроенность промлогодней всесоюзной конвенции просто направлялись на острие чернильной иглы. Но эйфория от первого

выезда в свет налила руку пимумега свинцовой тяжестью, и ладонь тут же соскальзывала с эфеса боевого оружия. Впрочем, унылый конференс проривает веселая пулеветная очередь анонимного баснописца, чьи "Слоны и волны" — блестящий образец внутрифидоветской политической сатиры — случайно были выветены по месту проживания автора отчета. Сама по себе басня — прелесть (и я как читатель благодарен ХАВАРУ за воспроизведение ее полного текста), но к отчету она отношения все же не имеет.

Рассказ о "Комариной племии" получилсь совсем пресным, поскольку поспевшему к мапочному разбору координатору КЛФ "Цивилизация ГЭИМ" М. Таскаеву отчитываться было, собственно, не в чем.

В литературной разделе "Антифантастика" восхитил рассказ "Утки" — абсурдистская миниатюра ровно из пятнадцати строк. Умно, весело, красиво и свежо. Рассказ "Жизнь как жизнь" втрое длиннее, и хоть написан хорошо, во многом вторичен. Мутанты, считающие себя нормой, а норму — патологией, для западной фантастики стали своего рода легендой озера Иссык-Куль. Тут то же самое, только речь идет об СССР, а мутации вызваны врывом АЭС. Но все равно хорошо написано. "Михаил Петрович" — общее название четырех микроновелл — это уже практически не фантастика, а "черный юмор" в духе авангарда. В общем — неплохо, но не более. Все три вещи печатаются под псевдонимом Дед.

Видно, творчество Беккета и Ионеско, только недавно ставшее доступным для

советских граждан, произвело в Кони АССР фурор. Автор рассказа "Праздник" Анаксимен Катавасов тоже отдает дань абсурдизму, настоянному на перестроечном критическом реализме: "Мимо шла толпа изобретателей и рационализаторов, их выдавали губные гармошки и барабан. "Это праздник", — подул Грильяжев, сел в кабину и улетел на Луну". Это легко и беззаботно читается, но и забывается с той же легкостью.

Что до стихов, опубликованных в этом номере, то три из шести с фантастикой даже рядом не лежали. Выному их за скобки. "Упыри", "Везд домового" и "Лешие" фрота Неизвестного тракторной материи напоминают аналогичные песни Высоцкого. Как это часто бывает, эти стихотворения только формально можно отнести к фантастике, аксессуары которой тут не более, чем метафоры. К тому же меня как редактора МЛ коробит поразительное даже для нашей страны незнание фантастического фольклора: в "Упырях" вампиры питаются кровью добытых из негил трупов, тогда как сама суть вампиризма в том, что после смерти труп начинает по ночам сосать кровь из живых людей. А так — стихи как стихи, если понимать под поэзией умение найти рифму, выдержав при этом размер и ритм.

Итак, ряд очень удачных вещей все же в состоянии скрасить грустное впечатление от посредственных и посторонних. У редакции есть силы не только удержать ХАВАРА на плаву в не сулящем ничего хорошего грядущем, но и превратить его в активно читаемое издание. Дай Бог ей

поскорее избавиться от детских болезней — научиться сбрасывать ненужный балласт, искать хороших сабмиттеров, проявлять вкус при составлении рекламных текстов, справиться с навязчивым мотовством и нелепой игривостью не к месту.

Несколько строк об оформлении журнала. Очень хорошую графику обложки, как обычно, угробила убогая советская копировальная машина, страдающая неизлечимым краевым эффектом. Это не от фэнов зависит: Советская власть не торопится расставаться с полиграфической монополией. Однако сделать аккуратный макет КЛФ "Цивилизации ГЭЙМ", издающей ХАБАР, вполне по плечу. Даже сирая портативная машинка не является помехой тому, чтобы правое поле выглядело... ну если не как в ПИКНИКЕ НА ОБОЧИНЕ, то хотя бы просто прилично. Не думаю, чтобы, "вылетая" за края листа оригинала через каждые пять строк, составитель макета сэкономил больше одной страницы. А вот что журнал приобрел неряшливый вид — сомнению не подлежит. То, что блок не обрезан — тоже минус издателя, но с этим еще можно мириться, чего не скажем о способе сшивки блока. Господи, да кто это научил коллег сорокалистовую пачку сшивать проволокой чуть ли не в сантиметре от коремка?! Крепко — да, но зато вид... Ну, это примерно то же самое, что подвязывать муурками отклеившуюся подметку. Стоит поносить ХАБАР с собой, как ничем не закрепленные края листов коремка начинают загибаться как колбаса на сковородке. И при этом издатели просят за свое дитяше месьть рублей, которые

хоть и "деревянные", но все же деньги. Совесть есть?

Владимир В. Мелукин

'GESUNDHEIT!
— БУДЬ ЗДОРОВ!

А В С - - - М L

По-английски "АВС" значит "абука". Думаю, теперь вряд ли есть необходимость объяснять, чему будет посвящена эта рубрика. Пора постигать азы малой прессы, устройте что-то на манер ликбеза. Ну, а преподавать на первых порах будут или призванные на помощь варяги, или те же из нас, кто сам либо с их помощью уже что-то освоил из этой науки. Например, мы с Дженет. (Р.)

Владимир В. Мелухин

К ВАРЯГАМ НА ВЫУЧКУ

В историческом втором номере журнала "Советская библиография" за прошлый год в приложении к статье о периодике самиздата не упомянут ни один фантастический фэнзин. Это достаточно красноречиво свидетельствует, что, в отличие от политизированной независимой и бесцензурной малой прессы, фантастическая ее разновидность год назад находилась не в младенческой даже, а в зачаточной состоянии. Сегодня, когда мы со дня на день ожидаем принятия демократического Закона о печати, в высшей степени неразумно темить себя иллюзиями о будущей райской жизни: ее не будет. Дилетантизм, еще терпимый в условиях, когда фэнзины печатаются на пимучих маминках или разножатся на ЭРах, РЭМах и ксероксах под носом у беззащитного начальства, в не-

далеком будущем станет причиной множества крахов. В силу постепенно вступают, как говорят в Итатах, законы большого города. Привыкшие жить на даровину и пользоваться конъюнктурой всеобщего дефицита, многие издатели и редакторы в один прекрасный день могут оказаться у разбитого корыта, чего я им не желаю, даже предчувствуя грядущую битву за читателей.

Высокое качество большей части материалов, публикуемых в нескольких фантастических фэнзинах, делает тем более нетерпимым прискорбное отставание от мирового уровня в том, что именуется культурой редакционной работы. Речь идет не о внешнем виде журналов и качестве переплетных работ, а о вещах, которые зависят только от профессионализма издателей и редакторов. По сути, эта статья написана главным образом для моих коллег по малой прессе. В который раз мы допускаем ошибки и боремся с трудностями, проблема которых в цивилизованном мире давно решена. Раз так, то глупо набивать свои шимки вместо того, чтобы обобщить опыт битых и ученых. Рано или поздно, как показала практика, нам все равно приходится звать на помощь варягов и на полном ходу перестраиваться, чтобы получить возможность шагнуть в ногу со всем остальным миром. Лучше научиться держать шаг в самом начале пути, глядя на более опытных зарубежных коллег. Даже если какую-то часть их опыта прямо сейчас из-за различий в социально-политических условиях использовать невозможно, лучше хотя бы поинтересоваться о ней, оперативно пере-

нимая остальное.

Поскольку редакционный портфель МЛ на две трети состоит из материалов, поступающих из капиталистических стран, и объем этих поступлений не так уж мал, я попытаюсь в этой статье обобщенно представить самые азы фэнзинерской работы по американскому образцу.

В США количество пишущих фантастику людей огромно, причем это, как правило, не графоманы или полуграмотные фанаты фантастики, а люди, освоившие вполне приличный средний уровень и не допускающие грамматических и стилистических ляпов, щедро рассыпанных по рукописям советских начинающих авторов. Но Америка — самодостаточная страна, и те десятки печатающих фантастику журналов и издательств, о которых мы говорим со жгучей завистью, давно и прочно оккупированы их постоянными авторами. Если советские журналы, спасаясь от графоманского самотека, сообщают поближе к адресу редакции, что "рукописи не возвращаются и не рецензируются", то американский "Биг Тайм оффишл" (т. е. провин с устойчивым финансовым положением) предупреждает куда строже: "незаконных рукописей не присылать!" Сплоть и рядом даже хорошая, даже замечательная рукопись со стороны им просто НЕ НУЖНА: к чему, если дело и так идет хорошо?

Вот эти незаслуженно отвергнутые люди и являются рядовыми той армии, которая именуется малой прессой. Есть среди них ищущие себя подростки и неработающие домохозяйки, но в основном это люди, желающие войти на литературный Олимп и

обладающие для этого определенными данными. Они сознают свое незавидное положение, но помнят и о достоинстве автора. Независимых журналов в Америке сотни, есть из чего выбирать, поэтому в отношениях между автором и редактором нет ничего случайного.

Итак, с чего вообще начинаются эти отношения?

Западный фэнзин в сравнении с нашим поставлен в определенном смысле в куда более благоприятные условия уже хотя бы потому, что в странах западной демократии никогда не было условий для появления термина "самиздат". В демократическом государстве почти вся печатная продукция есть самиздат в том смысле, что издается не федеральными властями, а какой-либо группой, фирмой, партией или вообще частным лицом. Последний случай как раз относится к фэнзинам, которые, по сути, являются крошечными копиями Биг-таймов. Они распространяются по подписке (оплата ведется через банк) или в розницу через книжные магазины, если, конечно, редактор ухитрится уговорить владельца заключить с ним контракт на выгодных условиях (впрочем, в США, Великобритании, Новой Зеландии и Австралии — о других не знаю — есть магазины, специализирующиеся на продаже таких изданий и оформлении на них подписки). Стоимость фэнзинов довольно высока — от 4 до 10 и более долларов за годовую подписку, причем издатель учитывает также стоимость упаковки и пересылки (зато и при оформлении подписки предусмотрена скидка). Расходы по изданию своего журнала

должны хотя бы не разорять семью издателя, а по возможности и приносить прибыль в зависимости от стоимости всего предприятия.

Как правило, автор фантастических рассказов не первый год врамается в фэн-доме и является подписчиком одного-двух фэнзинов. Первое, что он делает, желая пристроить свое произведение в журнал, это пишет бэкаж на GUIDELINES и, вложив его в конверт вместе с SASE, отправляет его по адресу. Вот и первые незнакомые слова. Я так и не сумел подобрать русский аналог в слову "guidelines", и потому в работе пользуюсь его русской калькой — гайдлайны. Так называются условия сотрудничества с данным изданием, которые редактор по первому требованию предоставляет потенциальному автору. Редактор и издатель подробно излагают, какого рода произведения и в какие сроки они хотели бы получать, а также — на каких условиях готовы приобрести права на их использование. Но потенциальных авторов куда больше, чем тех, кто в конце концов станет автором именно этого издания. Журнал, который издается на карманные деньги, может разориться на одних ответах. Предотвратить это призваны SASE (Self-Addressed Stamped Envelope) — конверты с наклеенной маркой и заполненные отправителем на свое имя, которые я предлагаю называть КОА (конверт с обратным адресом), — последние вкладываются в каждое письмо в редакцию фэнзина. Это экономит не только деньги, но и время редактора и значительно упрощает делопроизводство. А вот в том,

чтобы автор гайдлайны получил, заинтересован уже сам редактор, поэтому они потенциальному автору ничего не стоят. Ведь если автору неизвестна программа издания (или гайдлайны оказались недостаточно четко написаны), он примет в редакцию рукопись, которую та опубликовать не сможет, но будет вынуждена как-то реагировать на это поступление. А если таких рукописей окажется 10... 30...

Имея в руках гайдлайны, автор может решать, стоит ли иметь дело с данным изданием, или обратиться в другое.

Рассмотрим этот последний вариант. Скажем, автор написал уже много рассказов и часть из них была отвергнута знакомыми ему изданиями, или же они в данный момент прекратили прием рукописей на достаточно длительный срок. Заказывать гайдлайны, используя "Фондом директори", наудачу? Это тоже вскоре станет финансово обременительно. И автор обращается к **НЬУСЛЕТТЕРУ** - информационному бюллетеню, отражающему положение на рынке фэнзинов и рукописей (подробно о ньюслеттере смотри статью Дженет Фокс. Это ее "Скейвенджерс ньюслеттер" послужил той искрой, которая зажгла редакторский огонь в моей душе). Там, как правило, публикуются сокращенные варианты гайдлайнов и оперативная информация по их уточнению. Итак, нам автор находит наконец объявление, которое его заинтересовало:

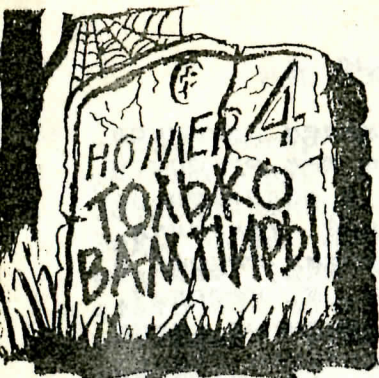
ИЗОНЕРС Оф ЗЕ НАЯТ #3

Эйлин Джелфэнд, **МКАМЕФ Энтерпрайзес**,
почтовый ящик 368, Пэвэй, Калифорния,

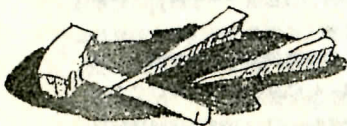
92064-005. Мы как раз принимаем рукописи для **ПОЗН #3**. Предлагаемые нам рукописи должны содержать эротiku и обязательно придерживаться ванпирической тематики. Никаких рассказов, использующих героев и сюжеты популярных фильмов и передач, только сюжеты/герои, придуманные самим автором. Нам не нужны сильные сексуальные сцены, истории с наркотиками или о проститутках. Прилагательное "эротический" следует понимать как чувственный, относящийся ко взаимному влечению полов, а не к сексу ради секса. Подробные условия - при наличии **КОА**. Гонорар за прозу - 1 цент/сл + 1 номер, \$2 за стихотворение + 1 номер. Иллюстрации - по договоренности. Отдельные номера (прозу указывать, #1 или #2). \$15 [г. под]. Начало приема рукописей 4-1-89.

Итак, автор в сжатой форме получил необходимую ему информацию. Он как раз располагает свежим рассказом на нужную тему. Теперь он должен вложить его в пакет, но обязательно послать заодно и **КОА**. Поскольку размножить рукопись в штатах элементарно просто и очень дешево, авторы сами делают на своих произведениях пометку "возврат не обязателен", иначе в случае неудачи ему пришлось бы оплачивать еще и возврат. **КОА** же обеспечит автору своевременное сообщение о дальнейшей судьбе рукописи или иллюстрации, и, может быть, даже вернется с приятным сюрпризом - чеком на обещанную гайдлайнами сумму.

Одним из показателей солидности и культуры журнала является способность редакции вовремя рассмотреть полученный

ОНИ МЕРТВЫ ДНЕМ, НО ПОДНИМАЮТСЯ ИЗ МОГИЛ НОЧЬЮ, ЧТОБЫ ПИТЬ КРОВЬ ЖИВЫХ. ЦЕЛЫЙ ПОДЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА, ТАК И НЕ РОДИВШИЙСЯ У НАС. СНОБА АМЕРИКА ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ... А МОЖЕТ, ВЫ ГОТОВЫ НАПИСАТЬ ЛУЧШЕ? СТРАШНЕЕ?

COUNT DRACULA

BLOODSTAINS AGAIN, COUNT?

В ПРАЧЕЧНОЙ: "ОПЯТЬ КРОВЬ, ГРАФ?"

саб и принять по нему решение (саб – сокращение от слова "submission" – подача документов). Так фэнзины называют поступившие в редакцию материалы – любые рукописи, иллюстрации и т. д.). Сроки рассмотрения сабов часто специально указываются в гайдлайнах. Высшим этикетом является отправка автору хотя бы краткой рецензии с советом как писать лучше или с предложением что-либо изменить в рассказе, чтобы его можно было легко продать. Видя такую заботу о себе, автор может, внося изменения, повторно прислать рукопись в ту же редакцию, либо отправить ее в другую, а в старую послать новый рассказ. В любой ньюслеттере или фэнзине, посвященной писательскому ремеслу, можно найти ободряющие заметки о том, как научиться пристраивать рукопись, как найти "своего" издателя, как не потерять надежду и что делать, если "не пимется" – короче, нечто такое, что позволит новичку не падать духом. Обычно пишущий имеет "в разгоне" до 20-30 вещей и, если это не графоман, вскоре находится кто-то, кто публикует одну из них. Даже скромный, долларов в пять, первый гонорар удвоит энергию пишущего фэна. Со временем он заметит, что полученных денег хватает хотя бы на оплату почтовых расходов, иня его уже известно в фэндоме, а для нескольких редакций он стал постоянным автором. Так начинается путь наверх. Теперь автор может пробовать пристроить свою рукопись в другие журналы с гонорарами повыше и, освоившись там, попытаться подняться еще на ступеньку. Благодаря малой прессе он

находится в постоянном контакте как со своей аудиторией, так и с редакторами/издателями, то есть может постоянно совершенствовать ремесло на основе читательских откликов). Надо сказать, что гонораром не всегда служат деньги. Вознаграждениями могут быть также авторские экземпляры журнала или ТИЭРШИТЫ (tearsheet - страничка журнала, где опубликован материал малого объема). Очень редко не имеющий начального капитала издатель/редактор объявляет свое издание безгонорарным. Этот случай, для СССР пока нередкий, для США - исключение. Хотя в наиболее солидном из охватываемых рынков НФ/фантастики ужасов ньюслеттеров ("Скейвенджерс", гайдлайны из которого цитировались выше) среди условных обозначений есть и такое, но из более чем сотни объявлений безгонорарными оказались всего четыре. Авторам, как и всем, кто что-то производит, в Америке принято платить, ибо фэнзины там - не игра и не рупор для самовыражения, а школа молодых кадров мира культуры, полигон, где как авторы, и издатели действуют в условиях, максимально приближенных к боевым. Кстати, достойно внимания то обстоятельство, что правительству обучение в такой "школе" ничего не стоит, а качество приобретенных там знаний и опыта куда выше, чем в субсидируемых институтах. Гонорарный минимум для фэнзина - 1/4 цента за слово, верхняя граница обычно определяется как "3¢ и выше" (за рукопись).

Тут, конечно, надо оговориться, что в США, да и в других странах буржуазной

демократии, уровень жизни позволяет редактору фэнзина платить своим авторам хоть какие-то, пусть символические деньги, у нас же, как правило, всю прибыль съедают накладные расходы на до сих пор подпольное и потому дорогостоящее разинение. Остается уповать на Закон о печати...

Рынок фэнзинов в США чрезвычайно разнообразен, разнятся как предъявляемые к авторам требования, так и принятые на себя редакциями обязательства. Сравнительно маленькое вознаграждение не позволяет говорить о приобретении журналом прав на само произведение, автор продает лишь право на его публикацию. Это, по сути, единственное отличие фэнзина от профина, ибо случается, что полиграфически иной фэнзин издан куда роскошнее профессионального журнала. (Формально фэнзин отличается от Биг-тайна размерами гонорара и тиражом: считается, что профессиональный уровень начинается с 10.000). Извещение о том, что рукопись принята в печать становится одновременно договором редакции с автором, на основании которого последний получит свои деньги и экземпляры, а первый опубликует рукопись или рисунок и постарается окупить расходы за счет продажи тиража. Конвенции об авторских правах в США придерживаются очень строго, и каждый журнал обязательно сообщает на обложке, что после публикации права возвращаются к автору, а редактор/издатель обладают всеми правами на номер в целом. Обычно это выглядит так:

с Janet Fox, 1989. All rights revert to the authors.

Вопросы, связанные с охраной авторских прав на территории СССР, наверняка волнуют многих, если не всех, издателей и редакторов малой прессы, ибо вокруг них возникло много легенд. Для краткости скажу, что все эти вопросы подробнейшим образом освещены в книге "Нормативные материалы по издательскому делу: Справочник. - М.: Книга, 1987. Время, конечно, уже внесло в нее свои коррективы и необходимо коснуться и этой проблемы. Мы, признанные де-факто фэнзи-неры, будучи независимыми журналистами-любителями, должны, по-видимому, выносить в знак охраны не название журнала, как рекомендует справочник, а все же имя издателя, как это делается в Лос-Анжелесе. Все равно нашим законоотворцам придется подстраиваться под весь мир, раз уж он так решительно не желает наших "свобод". Эпохе безраздельного владычества ВААП тоже пришел конец. Все существование этой конторы держится на келейно принятом подзаконном акте, солидность которого все чаще ставится под сомнение наиболее передовыми журналистами официальной печати. На деле ВААП не более, чем Тараканище из известного стишка, всего лишь общественная организация, сумевшая убедить весь белый свет в своем могуществе. До появления Закона о печати просто не существует реальной необходимости как-то регистрировать свои издания и у кого-то получать разрешение. Что же касается публикаций в них, то для

этого довольно одного лишь согласия автора (считается, что таковое получено, если он сам прислал рукопись в редакцию).

Что касается стандартов в издательско-полиграфическом оформлении фэнзина, то в Соединенных Штатах стандартизирован лишь один параметр - формат издания. Имеет смысл уже сейчас принять тот же стандарт, просто так, на будущее, если оно окажется светлым. Форматы фэнзинов существуют такие: полный - 8,5x11 дюймов (210x280 мм), дайджест - 5,5x8,5 (140x216), полуформат - 7x8,5 (178x210), ньюслеттер - 8,5x11 (216x280) - складывается вдвое и сшивается скрепкой; в углу проставлен штамп с адресом получателя и местом для марки), мини - 4 1/4x5 1/2 (108x140), таблоид - 11x17 (280x432), А5 - 5 3/4x8 1/4 (146x210).

Эти форматы я взял из рубрики "Блошиный рынок", предлагающей подписчикам СКЕЙВЕНДЖЕРС неликвиды и новые поступления, имеющиеся у различных издателей. Каждый желающий может благодаря этому приобрести по сниженной цене для личного ознакомления образец (sample copy) интересующего его издания, о котором журнал дополнительно сообщает количество страниц в номере, тип обложки (4-х или 2-хцветная печать, ручная раскраска, 4/6 на гладкой бумаге, 4/6 на плотной бумаге, 4/6 на обычной бумаге) и прочее. Типичное объявление выглядит так:
БОУИ ЧИЛЛИНГ ТЭЛЭ #1, Рэнди Чандлер, Лил Демон пресс, Грейси Драйв 5680, Мейблтон, Джорджия, 30059. Истории ужасов: А. Р. Морлан и Джон Постовит, Эд-

вард Лодай, Дон Уэбб, Филип Си Хет, Т. Винтер-Деймон. 5#, чек на имя Рэнди Чандлера. (П/72/0).

Мифр в конце указывает на параметры, о которых говорилось в предыдущем абзаце.

Знакомство с ньюслеттерами в который раз напоминает о феноменальности всего, что несет на себе крест принадлежности к нашему Отечеству. Остается загадкой, каким образом нам фантастический самиздат не умер в зародыше. Речь опять же не о позорно низком качестве формы и содержания многих фэнзинов, а о полностью отсутствующих важнейших звеньях фэн-прессы, без которых в любой другой стране она была бы обречена на скоротечную аннотацию. Сколь же велика, уважаемые коллеги редакторы и издатели, потребность в нас с вами, если мы не прогораем вопреки своему дилетантскому ведению дела! Мне кажется, пора серьезно подумать о том, чтобы второй год своего активного бытования объявить годом защиты людей, от которых на Западе зависела бы наша судьба и которые, похоже, пока во многом зависят от нас. Я говорю о писателях и подписчиках. Именно сейчас, в момент лихого безвременья накануне принятия Закона о печати, знаменующего для нас начало века асфальтовых джунглей, нужно идти им навстречу — первым предоставить выгодные условия и самое ласковое обращение, вторым — хотя бы толковую информацию. Если первое зависит лишь от редакторской доброй воли, то решить вторую проблему куда сложнее. Вряд ли внутренний ньюслеттер "Мэд лэб" обес-

печат все потребности фэндома в разнообразной информации — на наших страницах для этого просто не хватает места. Тем временем ряд издателей/редакторов явно не знает, чем занять свои страницы (проявляю невероятную деликатность и подавляю желание ткнуть пальцем и назвать имена). Не стоит ли кому-то из них подумать об изменении профиля своего журнала, чтобы каждый из нас мог узнать или сообщить: какого рода материал нужен? на каких условиях? что из себя представляет тот или иной журнал? есть ли еще экипепляры, каких номеров и где?

Вряд ли можно и по сей день терпеть положение, когда для обмена опытом редакторы должны дожидаться очередного кона. Я уверен, что коммерческий ньюслеттер сегодня был бы не менее популярен, чем любой другой фэнзин, ибо нужен буквально всем. Такой журнал помог бы многим встать на ноги, не копируя друг друга и не изобретая велосипеды. Такой журнал позволил бы навести порядок на, собственно, отсутствующем рынке сабов, ускорил бы развитие фантастической малой прессы в целом, сильно расширив свободу выбора покупателем — кроме того товара, продавцом — солидного покупателя. Малый объем ньюслеттера делает это издание оперативным и позволяет учесть в следующем номере оmissions, допущенные в прошлом, а невысокая цена и сравнительно высокий тираж обуславливают его доступность.

Отсутствие ньюслеттера сегодня мне представляется фактором, тормозящим развитие фантастической малой прессы в

нашей стране не менее, чем отсутствие стабильной полиграфической базы. Аккумулирующий в себе рассеянную коммерческую информацию, он мог бы стимулировать появление новых журналов, пока отсутствующих в СССР, служил бы трибуной быстрых и острых дискуссий.

Мы отстаем здесь, как и во всем, кроме ракет и балета. Пора идти к варягам на выучку. Вреня не ждет.

17.01.1990.

Дженет Фокс

МАЛАЯ ПРЕССА: Искусство пользоваться доступным

Давая согласие написать эту статью, я обещала адресовать ее читателям МЭД ЛЭБ, и лишь какое-то время спустя спохватилась, что почти ничего не знаю об этой новой аудитории и о том, что могло бы оказаться для нее интересным. Поэтому я просто буду основываться на своем опыте. Используйте применительно к вашим условиям то, что вам подойдет, а ненужное отбросьте. Малая пресса везде так и работает. Каждый действует по ситуации и в зависимости от своих возможностей. Я называю это искусством пользоваться доступным.

Мысль об издании "Скейвенджерс ньюс-

letter" возникла у меня как результат пятнадцатилетнего опыта публикации в малой прессе моих рассказов в жанре фэнтези/хоррор. В те дни, как, впрочем, и сейчас, профессиональных журналов, печатающих такого рода литературу, было мало. Поэтому желающему увидеть в печати свой фэнтези/хоррор рассказ рано или поздно приходилось обращаться к издателям малой прессы.

Я заметила одно важное отличие изданий малой прессы от профессиональных: любительские журналы, как правило, возникали, росли, достигали расцвета и угасали в течение короткого времени. Так как легче всего продать рассказ журналу, который только-только начал выходить, писателю крайне необходима точная и оперативная информация. Обычно любительский журнал ограничен в средствах и на рекламу в профессиональных изданиях денег не имеет, так что авторы, которые могли бы обеспечить редакцию материалами, узнают о новом фэнзине уже после того как тот "умрет с голоду". Мало того, редакторы малой прессы не располагают недорогими и в то же время оперативными каналами обратной связи со своими сабмиттерами. Журнал может закрыться по причине нехватки средств, и редактору будет просто не на что разослать уведомления об этом грустном событии. Ни о чем не ведающим незадачливым контрибуторам только и останется, что терпеливо ждать, когда же их произведения будут напечатаны. Некоторые журналы публиковали информацию о положении дел на рынке рукописей, но либо она была уже

© Janet Fox, 1990

© Перевод на русский язык, Владимир В. Шелухин, 1990

устаревшей, либо сами эти издания закрывались после выхода нескольких номеров.

Работа на посту секретаря/казначея Смолл Пресс Райтерз Энд Артистс Организейши, а также редактирование их клубина натолкнули меня на мысль об издании своего собственного журнала. Сомнений, конечно, тоже было немало, так как мансов выжить у любительского журнала в обмен-то не густо. Я прекрасно понимала и то, что хотя издавать литературный журнал куда интереснее, малая пресса все же значительно больше нуждается в надежной и оперативной информационной бюллетене.

Когда местная публичная библиотека предложила читателям услуги по копированию материалов (2 цента копия), я решила проверить свой замысел в деле. Первый номер СКЕЙВа представлял собой сложенный вчетверо лист размером 20x34 см. Я отпечатаала 25 копий и разослала их тем, кого, по-моему, это издание могло бы заинтересовать, главным образом своим постоянным корреспондентам. Сегодня, пять лет спустя, СКЕЙВ имеет тираж 900 экземпляров и печатается на 32 страницах карманного формата. Реальность значительно превзошла все мои ожидания, очевидно, я просто недооценивала общественный интерес к малой прессе. Дело было не только в том, что этим занималось куда больше людей, чем я предполагала, и, следовательно, редакторов, готовых поставлять новости с рынка, тоже оказалось много. Компьютеры, позволяющие макетировать номер журнала на дисплее, репрографическое оборудование и невы-

сокие цены на типографские услуги - все эти обусловленные прогрессом технологии новшества сделали издания малой прессы доступными каждому желающему.

Со временем СКЕЙВ настолько подрос, что мне стало просто невозможно торчать в публичной библиотеке часами, размножая свой журнал. В конце концов я сама приобрела копировальную машину, полагая, что для меня она будет идеальным печатным станком. Вскоре, однако, журнал перерос и ксерокс, так что пришлось передать это дело в руки печатника. Пока еще были силы, я сэкономила на том, что сама брошюровала экземпляры, но в конце концов и брошюровку пришлось передоверить типографии.

В сущности, процветанию СКЕЙВа способствовал целый ряд причин. Частично это спрос на издания малой прессы, частично - тот опыт владения словом, который я успела приобрести, и частью - просто устная реклама. Выход в свет первых номеров СКЕЙВа вызвал множество откликов. Постепенно из поступающих материалов формировались рубрики и разделы: заметки, стихотворные и рисованные филлеры, колонка писем, но главное, чем всегда привлекал подписчиков СКЕЙВ, это информация о положении дел на рынке сабов. Я строго выдерживаю периодичность (один раз в месяц), что обеспечивает читателям своевременную информацию. Рынки малой прессы очень быстро меняются, так что выпускать ньюслеттер реже вряд ли имеет смысл. Подготовку номера в месячный срок трудно отнести к разряду забав, но не думаю, чтобы при более ма-

дядем. режиме мне удалось продавать свой журнал.

Каждый номер готовится в три этапа. В течение первой недели я набираю основную статью, колонку писем и несколько рецензий. Вторая неделя добавляет следующие двенадцать страниц: это вся информация о рынках, поступившая с момента закрытия предыдущего номера, и остальные рецензии. И наконец третья неделя — последние двенадцать страниц: свежайшие новости с рынков, редакционная статья, обложка и все те мелочи, которые тоже пойдут в номер. При таком расписании работы может случиться, что информация из одного раздела будет несколько расходиться с информацией из другого, более свежей, поэтому в таких случаях я обычно проставляю дату. Пока еще не было случая, чтобы один из номеров СКЕЙВа не вышел в свет или вышел с опозданием, хотя, учитывая, что журнал издается силами одного человека (обычное дело для малой прессы), такая вероятность в принципе не исключена.

Информируя о положении дел в малой прессе, я не упускаю случая напомнить читателям, что задержки с выходом очередных номеров и прочие накладки, немислимые для профессиональных изданий, здесь не редкость. Хотя редакторы, как правило, относятся к своему делу со всей серьезностью, часть журналов это скорее хобби, чем бизнес. Это не так уж плохо, поскольку позволяет попасть в печать материалу, который в других условиях просто не был бы принят. Теперь, когда число журналов растет, обнаруживается

все больше людей со склонностью к литературному или художественному творчеству получает возможность развивать собственные способности вместо того, чтобы пожизненно числить себя в любителях чужих произведений. Коммерческая пресса стремится втиснуть все в узкие жанровые рамки, и погоня за длинным долларом заставляет многих штамповать копии одного и того же надоевшего сюжета. Все же я всегда стараюсь помочь авторам осознать, что даже опубликовав в малой прессе множество рассказов, человек вовсе не становится звездой в глазах редакторов-профессионалов. И разбогатеть таким путем тоже не удастся. По сути, считайте, что вам повезло, если удалось вырваться за пределы малой прессы.

Теперь моя жизнь сильно облегчает приобретенный недавно компьютер, но в самом начале редакторской карьеры все необходимое приходилось печатать на машинке. Ее я впоследствии сменила на простой лексический процессор - пимую машинку с дисплеем, которая долго служила мне верой и правдой, но в конце концов сдала. Оказалось, что излучение катодно-лучевой трубки влияет на дисконд, из-за чего я теряла часть файлов. Пришлось сдать процессор в утиль и приобрести настоящий компьютер (впрочем, никаких операций кроме редактирования текста, я так и не освоила). Настоящего компьютерного макета номера я не делаю. Вместо этого распечатываю отдельные рубрики на принтере, уменьшая эти листы на ксероксе и составляю макет, расклеивая распечатки на картоне. Копирование

с уменьшением позволяет снизить почтовые расходы, но и увлекаться им не стоит, памятуя о том, что кому-то придется уменьшенный текст читать.

Под рубрикой "Scroungings" ("Паперть") я публикую адресованные авторам и художникам гайдлайны различных журналов, стараясь при этом разместить как можно больше из присланных мне листов. В тех случаях, когда гайдлайны чересчур объемисты и замысловаты, приходится ограничиваться их изложением или предлагать заинтересованным лицам заказать из редакции полный вариант.

В раздел "Slim Pickings" ("Объедки") поступают оперативные сводки с рынков, в виде сообщений о загрузке материалов, закрытии редакции или изменении гонорарных ставок. Во "Flea Market" ("Толкучка") попадают краткие сообщения о выходе из печати очередных номеров журналов, что помогает редакторам находить новых подписчиков, а читателей узнать, куда посылать заказ на пробный экземпляр. Увидев такое сообщение, тот, кого интересует данное издание, узнает, что журнал пребывает в добром здравии.

В каждой номере СКЕИВа можно найти несколько обзоров малой прессы, где мои обозреватели делятся впечатлениями от свежих номеров различных фэнзинов. С самого начала было решено, что я не оказываю никакого влияния на выбор рецензируемых изданий и содержание обзоров. Эти обзоры выражают личное мнение авторов, но благодаря им потенциальные покупатели и подписчики могут узнать, что думает об оформлении и содержании

данного фэнзина тот, кто держал его в руках.

Есть в журнале раздел "Random Numbers" ("Случайные цифры"), куда (на основании читательских писем) я включаю сведения о том, сколько в среднем дней или месяцев требуется редакции фэнзинов для ответа сабмиттеру. Цель этого раздела - не стремясь к особой точности, дать авторам представление о том, сколько им, возможно, придется ждать реакции на свои сабы.

"Junkmail" ("Джанкиэйл", то есть рекламный материал, представленный в виде письма в редакцию в надежде на публикацию без оплаты) представляет собой колонку писем, где читатели делятся друг с другом своими мыслями и мнениями. Мне поначалу казалось, что такая колонка вряд ли понадобится, но читательские письма были настолько интересны, что в конце концов я решила найти в журнале место и для них. Поскольку моя аудитория главным образом состоит из писателей и художников с одной стороны и редакторов/издателей - с другой, колонка писем приобретает довольно сложный характер, как только численный перевес выпадает на долю одной из этих групп. Во избежание чересчур затяжных конфликтов я, получив письмо с жалобой на какого-то редактора, посылаю ему копию, чтобы при желании он мог написать опровержение. В последнем случае, если мне кажется, что претензии не лишены оснований, я публикую письмо в одном номере с опровержением. Практика показала, что мои бывшие сомнения оказались безосновательными. Колонка писем

полюбилась читателям, поскольку вносит живую ноту в журнал, который без нее был бы пресным перечнем открытых рынков.

Когда я только собиралась выпустить первый номер своего ньюслеттера, меня одолевали сомнения: удастся ли мне здесь, в городке, где никто не имеет отношения к литературе, ежемесячно набирать материал для целого номера. СКЕЙВЕНДЖЕРС (от английского scavenge - выбирать что-либо из никому не нужного хлама) назван так, поскольку предполагалось, что каждый подписчик будет выискивать информацию о рынках и делиться ею со мной. Конечно, не всякий это делает, но задумано было так. Я предоставляю редакторам малой прессы немало места для споров об их проблемах, и они в ответ как правило снабжают меня подробной информацией о своих изданиях. Раньше мне и в голову не приходило, что столько редакторов станут моими подписчиками, зато теперь благодаря журналу я нахожусь с ними со всеми в непосредственном контакте.

Я никогда не имела больших доходов, и свой журнал с крохотным бюджетом всегда рассматривала как игрумечный бизнес. За принятый в номер материал я расплачиваюсь авторскими экземплярами - обычная практика для многих, но не для всех изданий малой прессы. То обстоятельство, что материал вполне приличного качества удается получать в обмен на такой пустяк как номер СКЕЙВа, какое-то время не переставало меня изумлять, хотя я сама уже пятнадцать лет снабжаю малую прессу своими рукописями.

Писатели и художники, работающие для малой прессы, по большей части либо стремятся впервые увидеть свое произведение в печати, либо ищут возможности познакомиться со своим творчеством других людей. Кроме тех случаев, когда материал специально готовился по заказу редакции, это произведение, как правило, автор уже пытался продать в профессиональный журнал — иначе зачем бы ему отдавать свою работу просто так, если за нее можно выручить деньги. Впрочем, случается, что художник или писатель обратились к малой прессе намеренно, заранее зная, что новаторские, нетрадиционные произведения, с готовностью принимаемые здесь, будут отвергнуты коммерческими журналами. В настоящее время я уже могу позволить себе выплачивать поощрительный гонорар, который ни в коей мере не считаю достойным вознаграждением за принятую работу, а рассматриваю как своего рода дань признательности писателю или художнику.

Многие редакторы с готовностью обмениваются друг с другом очередными номерами или подписками на свои издания. Это своего рода традиция. Впрочем, я достаточно быстро поняла, что постоянно расплачиваться своими журналами за чужие мне не удастся, так что пришлось ограничиваться однократными или периодическими обменами — последнее чаще всего, когда редактор готов поместить у себя мою рекламу на бартерной основе. Бартерная реклама еще один из фэнзионерских обычаев. Для меня это очень удобный способ сообщить о своем существовании, поскольку

ку мои отчисления на рекламные нужды очень невелики. Конечно, время от времени я также рассылаю рекламные материалы и по почте, основываясь на списке тех людей, кто либо прислал запрос, либо заказал пробный экземпляр. В этот список у меня попадает практически всякий, кто когда-либо написал мне в связи со СКЕЙВои. Составление такого списка требует известного упорства, однако именно таким путем мне удалось собрать имена и адреса многих потенциальных подписчиков.

Существует несколько способов распространения фэнзинов.

Некоторые издатели продают свои журналы на фэнвских конференциях, что избавляет от расходов на пересылку и позволяет предложить товар большому числу возможных покупателей одновременно. Для меня это не выход, потому что цена подписки на СКЕЙВ невелика, чего не скажешь о стоимости поездок и ценах в гостиницах.

Можно также попытаться счастья, обратившись к услугам специализированных магазинов, если, конечно, журнал выглядит достаточно профессионально, чтобы соперничать с другими на том же прилавке. Издателю в этом случае приходится лично договариваться с каждым книготорговцем и постоянно следить за состоянием дел.

Некоторые издатели малой прессы заключают договора с распространителями, чего я раньше не делала, ибо СКЕЙВ вполне оправдывает себя при личных контактах с читателями. Обычный договор о распространении требует предоставления пятидесятипроцентной скидки с цены по-

мера, что надежно гарантирует издателю отсутствие какой-либо прибыли. Распространитель обычно платит за принятый товар после получения партии, а у меня есть основания подозревать, что среди этой братии попадаются не вполне честные люди. Ошибка при выборе распространителя может обернуться катастрофой. Все же недавно я заключила контракт с человеком, который пообещал продать в порядке эксперимента десять номеров СКЕЙВа. Риск невелик, и я решила попробовать.

СКЕЙВ, хоть и действует наподобие коммерческого предприятия, не всегда строго придерживается всех необходимых формальностей. Как и большинство моих коллег по малой прессе, я не регистрирую свой знак охраны авторского права, что делать ежемесячно, при выходе каждого очередного номера, было бы для меня слишком дорого. Ограничиваюсь тем, что проставляю охранный знак на каждом номере и сопровождаю его сообщением, что все права возвращаются авторам. Это в какой-то степени уже является достаточной защитой. Регистрировать знак имеет смысл в том случае, если писатель или художник намерен отстаивать свое авторство в суде, но, как правило, обобщать автора малой прессы мало кому приходит в голову. Если бы это произведение стоило больших денег, то увидело бы свет в каком-нибудь издании с солидными гонорарами.

В соответствии с законодательством Соединенных Штатов авторское право возникает в момент создания писателем или

художником своего произведения. Автор может продавать различные виды "прав" на его использование. Отправляя свое произведение в редакцию, писатель в верхней правой части титульного листа указывает, какого именно рода права он желает продать. Каждый журнал обычно приобретает какой-то определенный вид прав, поэтому писателю неплохо знать это прежде, чем отправлять рукопись. Считается, что, присылая свою рукопись в редакцию, вы тем самым соглашаетесь с ее условиями. Чаще всего продается Первое Североамериканское Серийное Право (First North American Serial Rights), то есть право впервые опубликовать произведение на территории Северной Америки. Я приобретаю только разовое право, что означает, что мне достаточно опубликовать нечто один раз, независимо от того, было ли это опубликовано ранее.

Пока писатель не продаст все права на свое произведение, он с момента утраты ПССП может продавать права на переиздание. Предлагая такое произведение, он должен сообщить издателю, что работа была уже опубликована. Некоторые журналы таких произведений не принимают, о чем обычно ясно сообщают в гайдлайнах. Если редактору понравится опубликованное где-либо еще произведение, и он захочет его перепечатать, он может обратиться к автору с целью приобретения прав. В любом случае гонорарные ставки журнал устанавливает заранее и сообщает их размер в гайдлайнах. Если автору эти условия подходят, он направляет рукопись в эту редакцию. Гонорары в малой прессе

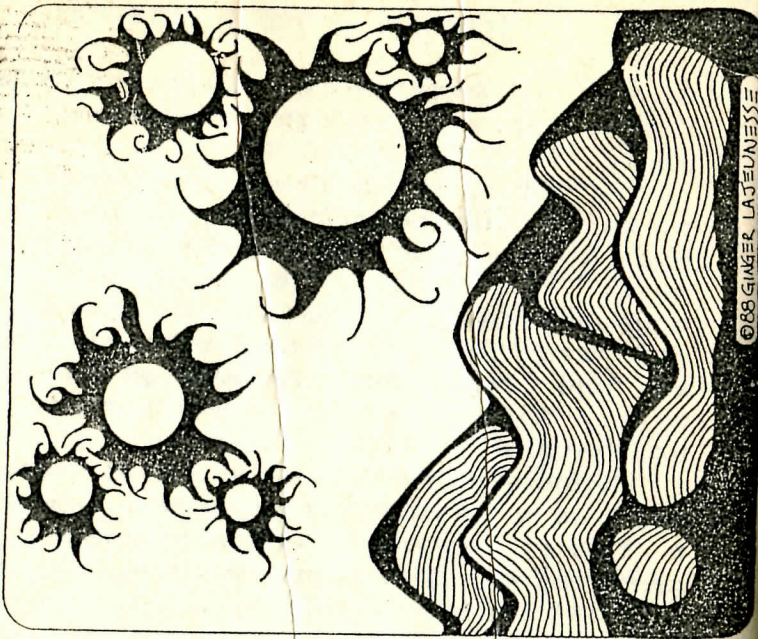
обычно колеблются от авторского эквивалента журнала до одного-двух центов за слово.

Не знаю, какие вопросы может вызвать у вас чтение этой статьи, но если таковые возникнут, я буду рада на них ответить. Возможно, что если вы решите попробовать себя в малой прессе, то выберете путь отличный от моего, и все же мне было бы интересно узнать, оказалась ли моя статья полезной вам в этом начинании.

Написав эту статью, я обнаружила, что мне так и не хватило смелости признаться в одной: какое бы новое решение мне ни приходилось принимать, я всегда боялась, что вот теперь-то СКЕЙВу придет конец. И эти страхи ни разу не оправдались: СКЕЙВ продолжает жить.

**НЕ ТОЛЬКО ДЖЕНЕТ,
НО И ДРУГИЕ НАШИ ЗАРУБЕЖ-
НЫЕ АВТОРЫ БУДУТ РАДЫ ПО-
ЛУЧИТЬ ОТКЛИК С ОЦЕНКОЙ
ИХ РАБОТ И С ГОТОВНОСТЬЮ
ОТВЕТАТ НА ВАШИ ВОПРОСЫ.
ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ 60-
-ТО СЛОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНВЕРТ СТАНУТ ВАШИМ ПЕР-
ВЫМ ВЫХОДОМ В БОЛЬШОЙ
ФЭНДОМ!**

Scavengers Newsletter

МЭД ЛЭБ#1 * ABC...ML *

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О СКЕЙВЕНДЖЕРС

Можно сказать, что с этого ньюслеттера начался МЭД ЛЭБ, так что мои тёплые чувства к нему вполне объяснимы. Впервые мне довелось держать в руках американский фэнзин. Получил я его из Канады от знакомого владельца комиссионного магазина фантастической литературы. Когда Джо узнал, что иностранная малая пресса недоступна гражданам СССР, он решил послать мне в первую очередь именно ньюслеттер Дженет и, как видите, не ошибся в выборе. Благодаря СКЕЙВу я, тогда ещё полный профан в делах малой прессы, за несколько дней узнал о ней столько, что мог давать консультации. Многие о ньюслеттерах вообще и о СКЕЙВЕНДЖЕРС в частности вы уже знаете из предыдущих статей, и мне остаётся лишь несколькими штрихами дополнить почти готовый портрет.

Журнал Дженет Фокс (сделаем поправку на её американское гражданство и природную скромность) — серьёзное маркетинговое издание, которое в то же время приятно и интересно читать. Каждый номер, выполненный сугубо деловой информацией о рынках, представляет собой что-то вроде очередного личного письма редактора тому, кто держит журнал в руках. Редактор постоянно помнит о Законе Стерджона, одним из следствий которого является колодное пренебрежение части

Janet Fox
Editor

No.69 Nov.89 ISSN 0894-2617

BULK RATE
U S POSTAGE
PAID
Permit Number
72
Osage City KS

A marketing co-op for sf/fantasy/horror writers/artists interested in small press. PRICES: \$10/yr (12), \$5/6 mo bulk mail, \$14, \$7, 1st class, \$18, \$9, 1st class plus up to 7 flyers, \$16, \$8, 1st class in envelopes, \$1.50 Sample. Canada \$12, \$6, 1st class. Overseas \$18, \$9 air mail. Cks payable to Janet Fox. Canadian/overseas orders must be in US funds, money order in US \$\$\$ or US stamps.

Open to all relevant market news. Deadline: 15th of ea month. Complimentary copies sent for Scrawlings listings, tearsheet for reviews, gratitude for short bits. No ads, but will enclose 650 of your flyers for \$10. Inquire with sample flyer, if possible. Or buy the SCAV mailing list, 600 names/\$15, \$30 on adhesive labels. Subscribers who do not want their names sold should contact me and you'll be deleted. No regular trades but will usually trade on a one-time, one (or two) for one basis, especially in connection with a reciprocal mention. SCAV operates month-to-month, but an overview of the field is avail in SCAVENER'S SCRAPBOOK, a twice yearly updated booklet of capsule listings based on SCAV info and a handy small press directory. \$2.50 ppd, \$5/yr US & Canada, \$1.50, \$7 overseas

SCAV supports SPWAO, Small Press Writers and Artists Organization. Contact Dan Van Mourik (Secretary) 1702 Belgic Ave, Charlotte NC 28203 2525. Editors send review copies to the reviewers for fastest results. Billy Wolfenbarger, 100 Hillcrest Dr, Eugene OR 97401. Jim Lee, 801 - 26th St, Minnetonka PA 15563. (Jim Lee reports that he is somewhat backlogged, so if you send something here, there may be a delay in seeing a review) Steve Sawicki, 8 - 10th St, Albany Ct 06018. Lance Brown (art commentary) 242 S Conant St, Spencerville Ct 43067. Reviewer t Winter-Damon is still swapped. Sending a copy doesn't guarantee a review, but we try. I'll still send review copies on, at my leisure.

Your sub expires next month

This is your last issue, please cancel

© Владимир В. Шелукин, 1990

профи к малой прессе. (Что ж, это знает и чувствует каждый, кто связан с ней, поэтому, столкнувшись с таким к себе отношением, фэнзинер обычно гордо пожимает плечами: сытый голодного не разумеет. Впрочем, задетый за живое, он иногда успешно контратакует — см., например, уже упоминавшийся ответ сыктывкарского ХАБАРА Станиславу Лему). Отсюда эпиграфические филистерские названия журнала и его рубрик. Редакционная статья здесь именуется Rat Alley — "Крысиной аллеей", потому что талисманом журнала стала огромная городская крыса, которая на разных картинках то гложет человеческий череп, то выглядывает из мусорного ящика. Тот, кто впервые читает СКЕЙВЕН-

ДЖЕРС, готовится и в редакционной статье увидеть что-то типа "ну, привет, каналы, сейчас мы с вами снова поковыряемся в кишках у этих проклятых цензоров!" — и обнаруживает, что ошибся. Будто получил почтовую карточку, где старая знакомая продолжает начатый много лет назад деловой разговор. Ни слова о комарах, крови и сверхъестественном, свободный от эпистолярных условностей, домашний, какой-то совсем не деловой язык. Но речь идет все же о работе. Вот так, например:

Ну и дела...

Два редактора прислали мне каждый по копии письма из своей почты. Первое, скорее всего, просто хохма, поскольку

требование прислать сто долларов за здорово живешь вряд ли можно принимать всерьез, хотя строго юридически это послание можно квалифицировать как вымогательство. Второе письмо, состоящее из бессвязных фраз, в которых можно угадать угрозу, написал человек, психически явно неуравновешенный. Начинающему редактору следует помнить, что по мере расширения контактов (а такая задача стоит перед каждым из нас) с такими типами рано или поздно сталкиваешься. Мой совет — просто игнорировать их. Если почта приносит саб, выдержанный в таком тоне, я сую его обратно в конверт вместе со стандартным отказом на бланке (вот вам еще одно полезное применение старым добрым стандартным отказным бланкам). Если этот человек попытается снова донимать вас тем же, то пусть он даже прислал КОА, его письмо ляжет в папку — и дело с концом. В таких случаях чем меньше пишут, тем лучше.

Жалобы...

Вообще-то я согласна с Барри Хоффманом и тоже считаю, что конфликтные ситуации лучше всего разрешать через Арбитра группы, к которой вы принадлежите. Но колонка писем всё же не закрыта и для жалоб, пусть довольно специфических, так как обеим сторонам позволено изложить здесь свой взгляд на суть проблемы. Все вы взрослые люди (по уму, если не по годам) и знаете, что такое слово, так что, надеюсь, помните, что по вашим словам, стоит им попасть в колонку писем, люди будут судить о вас самих.

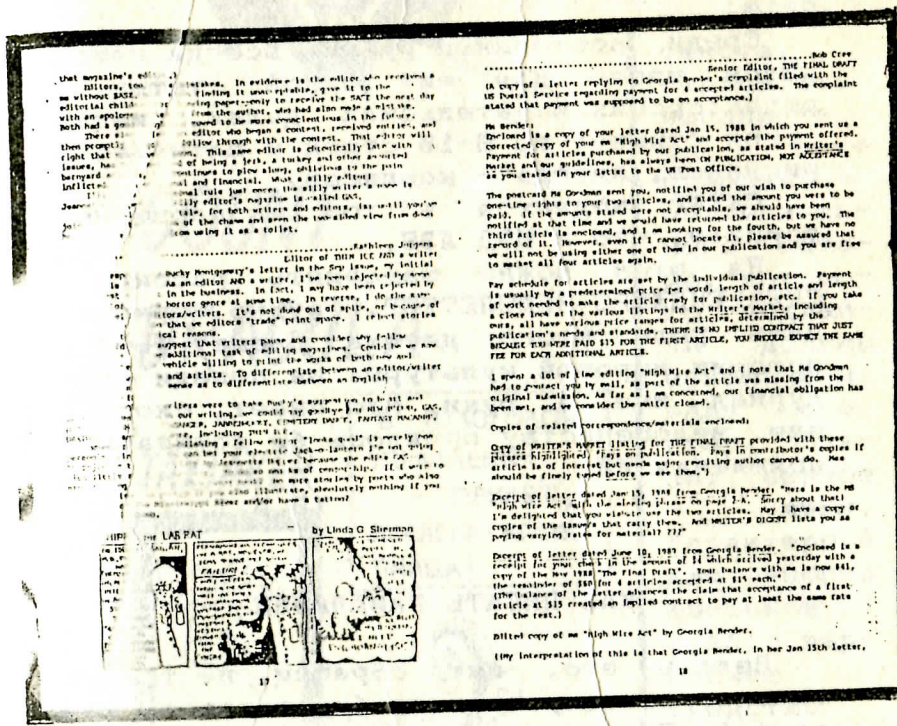
До скорого.

За редакционной следует основная статья номера, написанная одним из постоянных авторов. Тема ее - литературное творчество или проблемы малой прессы. Статьи в СКЕЙВе всегда короткие, не больше полутора страниц.

Далее - "Паперть" (занимающая 10-12 страниц), за ней - "Джанкмейл". Если первая, несмотря на отточенный язык гайдлайнов, всё же чисто функциональна, то читать письма из второй - истинное наслаждение. Понимаешь как огромна малая пресса и сколько думевой энергии вкладывают фэнзиныеры в своё дело. А какие тут вспыхивают баталии, как бурлит жизнь! Небольшая цитата:

Довольно я сидела и со стороны наблюдала за сварой, пора и мне вставить слово. Эта Джорджия Бендер просто с цепи сорвалась. <...> Раз уж мисс Бендер так вежёт в журналах с циркуляцией шестьдесят и двести пятьдесят тысяч, то зачем бы это ей стараться продать свои работы в малую прессу, "где публикуются лишь крошечные стишки, за которые автору положена символическая плата"? <...> Если бы не Крис Лейчер, я бы сегодня не писала в жанре хоррор. Когда я только начинала два года назад, именно Крис вернул мне рукопись с очень добрым и поучительным отказом, убеждая, что у меня всё же есть талант. С тех пор уже несколько моих рассказов опубликованы в его журнале, я была Хозяйкой в Нью БЛАД, основала группу критиков хоррор. Пусть меня слышат те, кто незнаком с Крисом: это отличный парень, и вовсе не заслужил обвинений, которые бросает ему Джорджия

Бендер".

Кроме названных и тех, которые перечислила Дженет в СКЕЙВе, есть рубрика Subway Artifacts ("Граффити в подземке", что ли - трудно дать точный перевод). Постоянный ведущий Т. Винтер-Деймон, рассказывая о содержании очередного артефакта (журнала, где представлены работы начинающих художников), пишет не просто на деловом сленге, но к тому же превращает буквально каждое слово в маленький ребус (прекрасный тест для продвинутого этапа в изучении языка): most beautiful artifacts I've uncovered to

date.

Среди постоянных рубрик всегда найдется место для ещё одной статьи о редакторских/издательских делах, шести-семи стишков по 8-10 строк и пяти-шести рисунков, иногда — комиксов.

СКЕЙВ издаётся в том же карманном формате, что и МЭД ЛЭБ.

На этом можно завершить рассказ о СКЕЙВЕНДЖЕРС НЬУСЛЕТТЕР. Трудно переоценить роль этого детса Дженет Фокс в истории мировой культуры: не попади этот журнал мне в руки, кто знает, сколько еще человечеству пришлось бы дожидаться появления ИЛ.

(В.М.)

КАК ПИСАТЬ ГАЙДЛАЙНЫ

Делать это, имея образец, не так уж сложно, поэтому заметка будет совсем короткой. Просто несколько советов.

Помните, что краткость — сестра таланта. Гайдлайны ИЛ раздулись только в силу специфики этого журнала, для отечественной культуры пока уникального. Пришлось объяснять цели, задачи, цитировать Парнова... К тому же по необходимости я вввалил на гайдлайны несвойственные им рекламные функции: в течение полугода требовалось сформировать редакционный портфель, а найти копировальную мамину удалось лишь в декабре.

Гайдлайны адресованы потенциальным контрибуторам и должны дать этим людям четкое представление о потребностях редакции.

Приступая к написанию текста, старайтесь взглянуть на него глазами потенциального автора, которого гайдлайны должны привлечь на вашу сторону. Значит, первое — язык. Характерный для многих фэнзинов стиль — вернейшее средство избавиться от необходимости иметь дело с короей прозой. Это как в программировании: мусор туда — мусор обратно. Даже если у вас есть охота имитировать

стиль РОКСИ, помните - в гайдлайнах речь идёт о деле. Укажите, какие материалы вам нужны, а какие вы рассматривать не намерены, определите максимальный объём рукописи. При этом важно дать понять, почему следует направить рукопись именно в вашу, а не в другую редакцию, ненавячиво растолковать, чем ваш фэнзин отличается от других.

Второй важный момент - условия сотрудничества. Сабмиттеру хочется заранее знать, как будут обращаться с рукописью, возвратят ли, в какой срок она будет рассмотрена и когда ждать решения её судьбы.

Особый вопрос - та часть гайдлайнов, которая обращена к художнику. Мне лично кажется, что это вымирающий вид фэна. Найти действительно хорошего художника, да ещё и уговорить его работать практически даром - исключительно сложно. Поэтому если у вас есть желание и возможность снабдить свой журнал иллюстрациями, позаботьтесь о том, чтобы начавшееся сотрудничество не прекратилось в результате недоразумения. Важно как можно более ясно и подробно изложить, какого рода иллюстрации вам нужны, что такое иллюстрация, камера-реди применительно к вашему изданию.

Каждому сабмиттеру, конечно же, хочется, чтобы с его творчеством познакомилось как можно большее число людей, и чтобы оно было представлено в возможно более привлекательном виде. Поэтому укажите характеристики вашего фэнзина: тип печати, периодичность, тираж, объём, формат, назовите издателя.

Напоследок имеет смысл перечислить темы ближайших нескольких номеров. Может случиться, что именно эта часть побудит кого-то взяться за перо.

Что ж, за дело! А как управитесь - пришлите экземпляр своих гайдлайнов в МЛ. Помните - реклама в #2 публикуется бесплатно.

(В.Ш.)

ГАЙДЛАЙНЫ МЭД ЛЭБ

Приглашаем на страницы нового литературно-критического журнала ЛИА "Оверсан"!

Большая часть МЛ будет отдана произведениям начинающих авторов и их критическому разбору, а также - в качестве Идеала, к которому следует стремиться - рассказам признанных мэтров фантастики. Остальные страницы отразят во всем ее многообразии жизнь советской и зарубежной фантастической малой прессы.

М Э Д Л Э Б — МЕЖДУНАРОДНЫЙ Ф Э Н З И Н !

Свои рукописи и иллюстрации нам присылают из США, Великобритании, ФРГ, Канады и других стран. К концу 1989 года редакцией получено более полусотни зарубежных пакетов с материалами - рассказами, рисунками, статьями, фэнзинами, прозинами, книгами. Николаевский филиал ЛИА "Оверсан" начал активный обмен материалами с зарубежными фэнзинерами. Наши международные контакты благодаря публикуемой в их журналах рекламе постоянно расширяются. Благодаря контактам в

издательской среде МЛ будет особенно интересен советским фэнзинерам, поскольку на его страницах мы будем регулярно публиковать материалы в помощь начинающему редактору и издателю.

Не случайно названием нашего журнала стал американский арготизм "mad lab", даже оригинальное написание сохранено наряду с кириллической транслитерацией. Во-первых, сразу видно, что МЛ - журнал с явным английским акцентом. Во-вторых, таким образом в пику Еремею Парнову редактор заявляет о своей давней и верной любви к фантастике, которую упомянутый культуртрегер и в 1982 вполне серьезно продолжал именовать "нечистой" (сборник НФ, вып. 26, с. 206 - 207): "это бульварщина, наполненная призраками, чудовищами, катастрофами, убийствами, порнографией", "литература (и соответственно кинематограф) ужасов и чудовищ", "литература сумасшедших ученых, на все лады воспевавшая маньяков, совершивших страшное научное открытие". Кто скажет, что все перечисленное его НЕ ИНТЕРЕСУЕТ, пусть не присылает заявок! Ведь в буквальном переводе "mad lab" означает "безумная лаборатория" - место, где разыгрывались кульминационные эпизоды бесчисленных американских фантастических фильмов, прародителем которых стал непревзойденный "Франкенштейн" (1931) Джеймса Уэйла. А в-третьих, новый журнал - действительно лаборатория, где начинающие авторы могут испытывать действие своих творений на ничем не защищенное воображение читателей, сами при этом рискуя стать жертвой критического раз-

бора. Все операции - кровавые и без анестезии! В МЛ не место "людям с формалином вместо крови и с глазами цвета йодной настойки" (Р. Бредбери). Мы не гоним их, мы просто предупреждаем: для факельщиков, истребителей книг, убийц летучих мышей и духовных цензоров наша лаборатория опаснее Дона Амеров, который в апреле 2005 построит на Марсе мистер Стендаль. Но если Вы автор фантастических рассказов и повестей - "искатель черного жемчуга, тот, кто предпочитает чудовищ морских глубин Зонтикам на пляже", как писал Набоков, - критик, художник, карикатурист, рисовальщик комиксов, независимый редактор или издатель, просто фэн или неофит - всякий, кому дороги Безумие и Мрак (или даже кто их яростно, соцреалистически ненавидит, спаси Господь его душу) - добро пожаловать в уютный Мир Смерти.

Международный характер МЛ ни в чем не ущемит соотечественников. Всякого, кому интересен наш замысел, мы приглашаем к сотрудничеству. Присылайте свои рассказы. Пишите нам письма, даже если вы совершенно случайно узнали о нашем журнале. Если сама идея издавать журнал с такой спецификой вам отвратительна - пишите, Вы нам интересны! Но - общение с МЛ требует мужества. Его редактор Владимир В. МЕЛУХИН - "критик с топазавком", человек странный, неприятный и весьма привередливый. Вам материал может быть опубликован с его комментарием и кто знает, успеют ли более милосердные коллеги вырвать из рук мефа окровавленное лезвие... Но Вы отважный чело-

век, не так ли? Тогда у ЛИА "Оверсан" к Вам деловое предложение: рискните отдать нам для публикации то лучшее, что Вы пока не обещали кому-либо другому.

Мы ждем от Вас рассказы, либо более крупные произведения (занимающие более 25 стандартных машинописных страниц будут печататься "с продолжением"). При этом не забывайте, что в редакции не терпят издевательств над родным языком, да еще и убеждены, что хорошая фантастика должна иметь крепкий сюжет, свою внутреннюю логику и заставлять читателя забыть о том, где он и что происходит с ним в реальной жизни. Особо благожелательным будет отношение к тем рукописям, авторы которых намереваются "оглушить" читателя, посеять страх и неверие в свои силы, в возможность предвидения и управления будущим" (Е. Парнов). Мы ценим тех, кто хорошо овладел ремеслом и знает, чего НА САМОМ ДЕЛЕ ждет от него читатель. Но если вы все еще верите в победу Разумного, Доброго, Вечного и мечты Вами светлы, не отчаивайтесь - мы помним, что тьма невозможна без света. Все зависит только от качества рукописи: самое кровавое, реакционное и пессимистическое чтиво будет отвергнуто, если автор безграмотен, лиме вкуса и способности к самокритике.

Редакция с готовностью рассмотрит статьи, заметки, эссе и письма о фантастической литературе и кино, о положении фантастики в СССР и в других странах, в особенности - о роли и месте фантастики ужасов и малой прессы фэнов в художественной культуре. Этим вопросам МЛ

всегда будет уделять самое пристальное внимание. Для редакторов и издателей независимой прессы страницы МЛ станут постояннодействующим семинаром, который наряду с сотрудниками редакции будут вести крупнейшие деятели зарубежной фантастической малой прессы. Расскажите нам о своих проблемах, если мы чего-то не знаем, на Ваше письмо ответят Ваши западные коллеги. Вы накопили полезный опыт, издавая фэнзин? Поделитесь им с другими, расскажите, какие трудности Вам пришлось преодолеть и как Вы с ними справились. Вы только что прочли новый номер другого фэнзина? Поделитесь своим мнением с нами. Имеете еще какой-то интересный материал - предлагайте! Ваше мнение может быть интересно многим.

Внутренний ньюслеттер - бюллетень, отражающий положение на рынке материалов и фэнзинов - поможет заинтересованным лицам быть в курсе событий и легко находить контакты с возможными партнерами. Материалы для соответствующих рубрик могут присылать как сами фэнзинеры, так и читатели фэн-прессы. Хотите поместить у нас свою рекламу или дать объявление? Ловите момент, они ПОКА публикуются бесплатно, хотя по этой причине редакция оставляет за собой право сократить или подправить текст, не нарушая смысла.

Авторов текстовых материалов мы просим придерживаться следующих правил оформления рукописей: белая бумага формата А4 (210x297), печать черного цвета через два интервала, 30 строк на страницу, 60 знаков в строке на одной стороне листа с

соблюдением правого и левого полей. Титульный лист: в левом верхнем углу ФИО и адрес автора, название посередине листа. Остальные листы должны иметь сквозную нумерацию и фамилию автора в левом верхнем углу. Желательны биографическая справка и фотография (в случае принятия рукописи публикуются). Правила не являются обязательными, но следование им отражает уровень культуры автора.

МЛ нуждается в хорошо выполненных черно-белых графических иллюстрациях (черные тушь, гуашь, темпера, акварель; карандаш "Негро") достаточно контрастных, чтобы выдержать копирование на отечественных ксероксах. Рисунки должны соответствовать тематической направленности журнала. Желательны безумные ученые в жутких лабораториях, соблазнительные красотки верхом на чудовищах или в их лапах, призраки, вампиры, оборотни, роботы-убийцы, агрессивные примельцы, живые мертвецы и т. д. (см. выше определение "нечистой" фантастики). Мы исходим из того гуманного соображения, что жестоко брать с читателя деньги за дежурное восхваление милого сердцу Парнова "человека-строителя, человека-творца". Как насчет Терминатора даночки, зловещих мертвецов и Фредди Крюгера?

Все графические работы - камера-реди. Размеры - проект обложки - 147x205 (вертикально), иллюстрация - 102x155 (вертикально) или 102x75-* (горизонтально), филлеры - 102x20-45.

Просим присылать образцы своих работ для редакционного портфеля и возможных

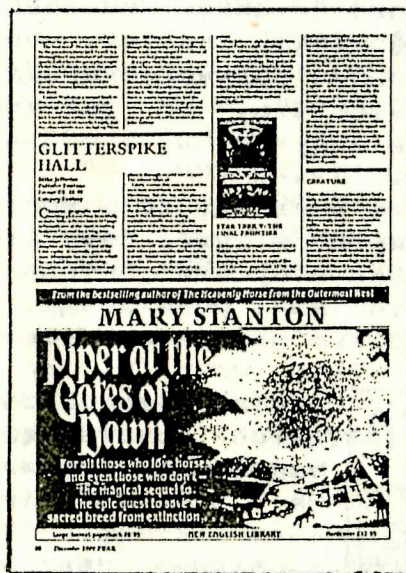
тематических заказов. Публикация в МЛ открывает возможность выхода на страницы иностранных фэнзинов, многие из которых платят гонорары в конвертируемой валюте (до 15-20\$!).

МЭД ЛЭБ приобретает права только на однократную публикацию, после чего все права на предоставленный журналу материал возвращаются к автору (только письма становятся собственностью редакции и могут быть подвергнуты сокращению и правке). Желательно, чтобы предлагаемая работа была либо оригинальной, либо не появлялась в других изданиях в течение года до и после публикации в МЛ. Гонорар - экземпляры соответствующих номеров: 2 за проект обложки или рукопись более 10 страниц, один за рукопись 4-10 страниц, 2 иллюстрации 102x155 или 4 иллюстрации 102x75-80, гранки + 50% скидка со стоимости номера за рукопись 1-4 страниц, искренняя благодарность за все остальное. Авторы наилучших материалов получают также призовой номер МЛ.

Отклик в течение 2 месяцев со дня поступления материалов. Принятые рукописи разбираются и оцениваются прямо на страницах МЛ, причины отказа излагаются в кратком комментарии, посылаемом автору. Редакция предлагает альтернативные рынки. В Н И М А Н И Е! Рукописи возвращаются лишь в том случае, когда к ним приложена карточка с обратным адресом для наклеивания на бандероль и марки на соответствующую сумму + 10 копеек, оплачиваемых редакцией за упаковку. (Это условие не касается заказанных рукописей). Если на рукописи сделана пометка

индекса. Внутри каждого тематического раздела такие сообщения даются в алфавитном порядке. Если их много (а иначе и не бывает), то ваше объявление читают лишь те, кто привык с карандашом в руках изучать такого рода разделы. Сегодня, конечно, фэнзины читаются от корки до корки, но как только информационный голод будет утолен, рекламодателю следует подунуть, стоит ли гоняться за дежевизной.

Несколько дороже обходится расширенный блок (expanded unit) систематизированного объявления. За дополнительную плату редакция объединяет его рамкой с присланной рекламодателем картинкой (камера-реди), благодаря чему оно резко выделяется на фоне текстовых реклам. Желательно пре-

обладание черного цвета и использование шрифтов жирного начертания, чтобы рисунок сразу бросался в глаза. Размеры рисунков стандартные. ML будет использовать два размера — 27x49 мм и 45x105 мм (в последнем случае цена вдвое выше).

МЭД ЛЭБ с #2 вводит следующие тематические разделы:

1. Редакция ищет, сообщает, предлага-

гает.

2. Предлагает автор.
3. Свежие фэнзины.
4. Толкучка (обмен, купля, продажа, поиск).
5. Конвенции.
6. Иму человека.
7. Прочее.

Тематическая реклама публикуется только во внутреннем ньюслеттере и в силу этого бьет мимо тех, кто не склонен к чтению рекламных объявлений.

Более дорогие виды рекламы включаются в текст журнала и являются для читателя неожиданностью, чем и привлекают его внимание. Умно и со знанием дела составленное рекламное сообщение и его хорошая графическая подача заставляют оторваться от чтения и переключить внимание на предложение рекламодателя. Многих это раздражает, что вызывает поток обвинительных писем, и это одна из причин более высоких цен рекламы этого рода.

За рекламное сообщение вне тематического раздела плата взимается не по слову, а за единицу журнальной площади. Стоимость последней колеблется в зависимости от того, на какой странице помещена реклама — внутри ли текста, между концом одного раздела и началом другого, в числе других реклам в конце журнала или другом специально выделенном месте, на одной из страниц обложки и т.д. Для того, чтобы издатель мог планировать номер, устанавливаются стандартные размеры рекламного материала (1 страница, 1/2 страницы, 1/4 и т.д.), причем необходимую ему площадь рекламодатель

резервирует заранее.

Под этот вид рекламы в #2 отводится пять страниц: предлагаются 2 формата 100x160, 3 формата 100x80, 4 формата 50x80 и 2 формата 100x40. Реклама, под которую зарезервировано место, должна быть, естественно, камера-реди и в точности соответствовать указанному в заявке формату (за дополнительную плату рекламодатель может прислать оригинал вдвое крупнее зарезервированного размера, если техника, на которой издается фэнзин, позволяет редакции оказывать и такую услугу. Рисовать и писать тексты при этом значительно удобнее, а поступивший в редакцию оригинал будет впоследствии уменьшен ровно в два раза). Заявки на резервацию места в #2 будут распространяться на "Аэлите-90".

К сказанному остается добавить, что хоть ответственность за содержание и качество рекламы в основном ложится на рекламодателя, сообщения пресные, серые или, наоборот, мутноватые в МЛ публиковаться не будут ни даром, ни за деньги. Хочется, чтобы МЛ был журналом серьезным и интересным. Какую бы репутацию мы ни заслужили, делать ее хуже не намерены.

КАМЕРА-РЕДИ

Речь пойдет об иллюстрациях и графической рекламе, которая, в сущности, является той же иллюстрацией. В отечественной малой прессе фэнзин может быть иллюстрирован, практически, лишь двумя способами: путем вклеивания или вшивания в блок фотографий или же электрофотокопированием всего макета или его

части. Первый способ крайне громоздок, дорог, трудоемок и отнимает много времени. Сейчас он используется только для получения плотных и блестящих обложек.

Фэнзины, включающие иллюстрации и рекламу, обычно размножаются на электрокопировальных машинах. Настроены эти аппараты почти всегда крайне скверно. Мы видим, как портит убогий РЭМ прекрасные иллюстрации И. Красулевского в ГЕЕ или СЕЛЕНЕ, а в разговоре об иллюстрировании таких фэнзинов как ХАБАР или Экзотический ФОРТ МЕЧ-ТЫ слово "качество" вообще не приходит на ум. Из-за чудовищно низкого качества печати, понимая, что подогнать готовую иллюстрацию к размерам макета ему не удастся, редактор вынужден отказываться от попыток привлечь к сотрудничеству художников из других городов или фэнзинов, не говоря уж о размещении на своих страницах графической рекламы.

Немного лучше положение и у тех, кто надел доступ к импортному копировальному оборудованию. Крайне низкая квалификация наладчиков и операторов вкупе с постоянным дефицитом запчастей и расходных материалов препятствует подгонке разнонасытабной графики к макету. Копия с копии чаще всего уже неразборчива, а о ступенчатом изменении насытаба копии мало кто даже слышал. (Для японских электрокопировальных машин изменение насытаба 50 - 150% с шагом в 1% - вполне заурядная операция). Иными словами, издатель малой прессы, даже иыскав возможность пользоваться услугами оператора ксерокса, РЭМа, ЭРА и других машин, не

может использовать ни слишком большой, ни слишком маленький в сравнении с макетом рисунок, как бы ему того не хотелось.

Единственный выход или, точнее, паллиатив - поставить в своих гайдлайнах четкое условие для рекламодателей и художников-сабмиттеров: все графические материалы должны быть камера-реди. Американский термин camera ready (готовый для копирования) означает, что данный материал не требует перед включением в номер дополнительной обработки - текст полностью выправлен и начисто отпечатан в формате издания, а иллюстрация является издательским оригиналом и сразу может быть вставлена в макет. Получив саб камера-реди, редактор может вставить его в номер без особого труда и, главное, он заранее знает, насколько изменится качество этого саба в тиражных копиях. В любом случае оно не может быть ниже качества всех остальных, приготовленных на месте материалов данного номера, так как копируется, как и они, только один раз.

Напомню, что для МЛ понятие камера-реди включает в себя насыщенный черный цвет штрихов и плоскостей (черная тень, темпера, акварель) без полутонов, при следующих размерах оригинала:

- * проект обложки - 147x205 (вертикально)
- * иллюстрация - 102x155 (вертикально)
102x75-80 (горизонтально)

Размеры графической рекламы указаны в предыдущей статье.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Нет правил без исключений. На ряде предприятий, особенно режимных, не только установлено импортное репрографическое оборудование последних лет выпуска, но и обслуживают его люди, которые знают, "как эта штука работает". На таких машинах можно получать копии, неотличимые от оригинала. Последние, конечно, тоже могут считаться камера-реди.

!	<	H	=
<p>ВАЖНЕЙШИЕ НОВОСТИ ФЭНДОМА- В РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОМ НЬЮСЛЕТТЕРЕ</p> <p>ОВЕРСАН-информ ГODOVAYА ПОДПИСКА - 1 РУБЛЬ ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ + 10 КОА: 325028, СЕВАС- ТОПОЛЬ, ГОС-28, А/Я 6В, ЛИА ОВЕРСАН</p>			

БИРЖА

ВОЛГА ★ КОМ-1991

МЕЖДУНАРОДНАЯ НФ ВСТРЕЧА НА ВОЛГЕ. 8-14 СЕНТЯБРЯ 1991 г.
г. ВОЛГОГРАД, ТЕЛ: 34-74-42, 34-74-44, 34-44-49, 34-46-18

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ «ВЕТЕР ВРЕМЕНИ» И МОЛОДЕЖНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ АТОМ ФАНТАСТИК О СОЗДАНИИ ОРГКОМИТЕТА ПО
ПРОВЕДЕНИЮ ВОЛГА-КОМ

Волга—кон это:

СЕМЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЕЙ, ПРОВЕДЕННЫХ НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

+

ВСТРЕЧА С НОВЫМИ И СТАРЫМИ ДРУЗЬЯМИ, БЕСЕДЫ С УТРА ДО НОЧИ
И С НОЧИ ДО УТРА!

+

«КИБЕРПАНКИ НА ВОЛГЕ»
«МОЛОДАЯ ВОЛНА В СОВЕТСКОЙ НФ»
«КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ НФ И ФЭНДОМА»
и другие встречи, дискуссии, доклады...

+

МИНИ-КОНВЕНЦИЯ КЛФ, РАБОТАЮЩИХ В ГОРОДАХ ПОВОЛЖЬЯ

+

КОНКУРСЫ ПОЭЗИИ, АВТОРСКОЙ ПЕСНИ, РАССКАЗОВ, ПОВЕСТЕЙ,
КРИТИКИ, АУКЦИОН, БАЛ-МАСКАРАД И БОЛЬШОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ
БАЛКЕТ В ДЕНЬ ЗАКРЫТИЯ КОНВЕНЦИИ

+

ПЛАНИРУЕМОЕ КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ — 300 ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ
И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН МИРА

+

МЫ ПРИГЛАШАЕМ ФЭНОВ, ПИСАТЕЛЕЙ, КРИТИКОВ, ХУДОЖНИКОВ,
ЖУРНАЛИСТОВ, РЕДАКТОРОВ, ИЗДАТЕЛЕЙ — КОРОЧЕ ВСЕХ ТЕХ,
КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ НФ

+

МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ВАШЕ УЧАСТИЕ ПОМОЖЕТ СДЕЛАТЬ
ВОЛГА-КОМ ЛУЧШЕ И ИНТЕРЕСНЕЕ

Шлите Ваши заявки по адресу: 400646, г. Волгоград-66,
Гимназия, До востребования
Земледелец В. А. «ВОЛГА-КОМ»

Почему "Биржа"? Мне показалось, что рекламные объявления это один из наиболее четких барометров, говорящих нам о погоде на рынке труда и материалов фэндома. Я уже имел случай заметить (в статье "К варягам на выучку"), что в нашей стране пока нет печатного органа, дающего информацию о том, кому и что требуется и по каким ценам. Перед вами, уважаемые читатели, обещанный в гайдайнах внутренний ньюслеттер МЭД ЛЭБ. В отличие от журнала Дженет Фокс, редакция пока не в состоянии выпускать по книжке ежемесячно — материала хватает, но чтобы его обработать, журналом надо заниматься профессионально, а не по вечерам после работы. В силу этого наш ньюслеттер особой оперативностью не отличается. Однако и это лучше, чем ничего, ведь существуют долговременные потребности (в рукописях, например), сообщать о которых никогда не поздно.

Итак, "Биржа". В Николаеве так когда-то именовали место сбора торговцев импортными пластинками, марками, календарями, монетами и прочим коллекционным добром. Там можно было что-то купить, что-то продать, просто поговорить со знакомыми и поинтересоваться, как идут дела у коллег, что у них нового. На бирже МЭД ЛЭБ можно встретить только тех, кто так или иначе вошел в контакт с нашим фэндомом. Что ж, добро пожаловать!

Еще раз напоминаю, что в первых двух

номерах материалы рекламно-информационного характера публикуются бесплатно. Похоже, не все это поняли или восприняли всерьез. Пора перестать удивляться тому, что малая пресса — это все же пресса, и, как таковая, требует хоть малых, но капиталовложений. Издание должно окупаться, это аксиома. Стоимость журнальной площади будет установлена, как только определится окончательная цена номера, то есть уже во втором номере вы увидите преискуронт на рекламу в третьем. Кто пока не понял ее значения или выгод публикации рекламы именно в МЭД ЛЭБ, тому Бог судья. Тем же, кто хочет попробовать, предлагаю — исключительно в рекламных же целях! — сделать это в #2 — ДАРОМ!

* * *

Зовут "Четвертое измерение"!

Заочный Клуб Молодых Авторы-Фантастов "Четвертое измерение", объединяющий молодых людей до 25 лет, которые отдадут свое свободное время и силы пера и кисти, начинающим критиков в том числе, желает установить контакты с ребятами той же возрастной группы с аналогичными интересами, как в СССР, так и за рубежом. Желающие могут стать членами ЗКМАФ.

Адрес "Четвертого измерения": 352510, г. Лабинск, Краснодарский край, проезд Красина, 22/1, ПОПОВУ Игорю.

*****

"След" имеет содействия

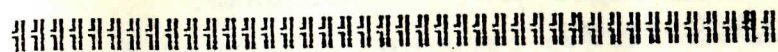
Клуб Любителей Фантастики и Детектива "След" готовит к изданию сборник мини-произведений фантастического и детективного жанра. Для работы КЛФД необходимы вырезки из газет и журналов с рассказами объемом в 1-2 страницы, карикатурами, анекдотами, афоризмами и другими материалами, связанными с фантастикой или детективным жанром.

Помимо этого в клубе ведется работа по составлению библиографического указателя, для чего требуется библиографическая информация по произведениям, написанным в жанре фантастического детектива (например, сборник ЗФ "Ночь, которая умирает").

Действующая при клубе секция "аномальных явлений" обращается ко всем свидетелям каких-либо необычных и необъяснимых происшествий с предложением изложить в письме свои наблюдения, указав место, продолжительность наблюдения, свои предположения и варианты объяснения случившегося. В самые таинственные и загадочные места будут направлены экспедиции для изучения аномальных явлений, состоящие из ученых и специалистов и снабженные необходимыми для таких исследований приборами и инструментами (биоранки, биоиндикаторы и т.д.)

Самостоятельным туристам им можно предложить схемы маршрутов по местам, связанным с посадкой НЛО. Такие поисковые группы в обмен на информацию о маршруте, эскизы биоранки и прочее должны взять на себя обязательство предо-

ставить КЛФД отчет о своем походе. Адрес: 249020, г. Обнинск Калужской области, ул. Аксенова, 13, кв. 64, Кутилову В.В.

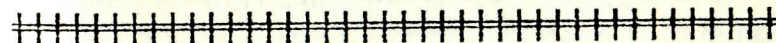

Х А Б А Р!

Сыктывкарский КЛФ "Цивилизация ГЕДМ" высылает наложенным платежом издаваемый им фэнзин "Хабар", 1989, #2-3 (ксерокс, формат А4, 40 страниц односторонней печати).

В номере - короткое интервью А. Стругацкого о религии, ответ редактора Станиславу Лему, история трех КЛФ - "Пронетей" (г. Уфа), "Дом скитальцев" (Силламяэ), "Звездный дракон" (Коми АССР), материалы о конвенциях, короткие рассказы и многое другое. Цена номера - 6 рублей.

Адрес для заказов: 167005, г. Сыктывкар, ул. Петрозаводская, 56, кв. 130. Таскаеву Михаилу Владимировичу.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Коллеги!

Приглашаем вас принять участие в Дальневосточной зональной научно-практической конференции по фантастике, которая состоится 19 - 21 октября 1990 в г. Южно-Сахалинске.

Предварительно намечена работа следующих секций:

- литературоведение;
- А.П. Чехов - фантастика - Сахалин

те в руках, создается сервисно-посредническая служба, готовая максимально облегчить согражданам из числа фэнзинеров, художников, а также писателей выход на страницы западной печати — главным образом фэнзинов США, Канады, ФРГ и ПНР. Поскольку многие фэнзины платят гонорары в твердой валюте, помимо просто известности и признания за рубежом, советский сабмиттер может также получить за свою работу достойную (для наших условий) оплату.

Начало деятельности сервисно-посреднической службы оттягивается из-за проблем, связанных с открытием банковских счетов в США и других странах. Тем не менее "Оверсан"-НФ весьма заинтересован в предварительной оценке спроса на предлагаемый вид услуг. В общих чертах деятельность службы будет выглядеть так: сабмиттер, заключивший договор о продвижении его сабов на иностранные рынки (по своему выбору), оплачивает почтовые расходы и, при необходимости, расходы на копирование его сабов при рекламном распространении сразу на несколько рынков. С каждой удачной сделки, завершившейся продажей саба, отчисления в пользу службы составляют 30% гонорара в твердой валюте (сюда включены действия по поддержанию контакта, первичное письмо, пользование информацией из архивов службы). Все почтовые расходы по продвижению саба на рынок оплачивает заказчик деизнаками СССР. Поступившие на иностранные счета службы деньги находятся на этих счетах до тех пор, пока заказчик, выехав за границу, не затре-

бует их для совершения покупок, либо пока сумма его гонорара не позволит открыть отдельный счет на его имя.

Служба готова также оказывать ограниченные услуги по поддержанию зарубежной переписки — перевод сложных писем на польский и английский языки или с этих языков на русский, составление гайдлайнов на этих языках и т.д.

Деловые люди, которых заинтересовала новая инициатива "Оверсан"-НФ, с предварительными заявками, предложениями и пожеланиями могут обращаться по адресу самого филиала: 327003, г. Николаев, ГОС-3, а/я 22. ЛИА "Оверсан"-НФ.

*****

Чтобы слова не повисали в воздухе, предлагаем вниманию потенциальных сабмиттеров чрезвычайно заманчивый рынок на Североамериканском континенте.

Канада — это не только кленовый лист, НКЛ, водка "Спирнофф" и Ниагарский водопад. Канада — неосвоенная целина для советских фэнзинеров, настоящий валютный рынок, истинный Клондайк для истосковавшихся по долларам творческих сердец.

Сервисно-посредническая служба ЛИА "Оверсан"-НФ и журнал МЭД ЛЭБ представляют вам одного из многообещающих канадских покупателей — журнал МАМПАНИ ХОРРОР. Если антуражем для мрачных и сверхъестественных событий является элегантная обстановка ушедшей старины, родовые имена и склепы, маппанское и розы, смокинги и канделябры, сатиновые рубашки и колеблющиеся пламя свечей,

тисненные визитные карточки и роскошные
рояли; если среди ваших героев встре-
чаются магнаты и жиголо, служанки и
моферы, в жизнь которых несомненно вкра-
дываются inferнальные силы, то вы —
желанный сабмиттер для наших заокеанских
коллег. Художественный редактор Рэнди
Наконемны и литредактор Кэти Бубурув
готовы предложить вам материалы канад-
ским и американским читателям. Предложив
свою рекламу нашему журналу, они наде-
ялись, что есть даже в СССР произ-
ведения, несущие печать холодящего
ужаса, мистических тайн, тронутые мерт-
вящим дыханием потустороннего и не
лишенные при этом психологизма (также
вполне допустим и даже приветствуется
налет изящного черного юмора. Редакция
ШАМПАНЬ ХОРРОР приобретает Первые Севе-
роамериканские права и выплачивает гонор-
ар в канадских долларах + авторский
экземпляр номера:

Рассказы (5-20\$):

300-600 слов (предпочтительно),

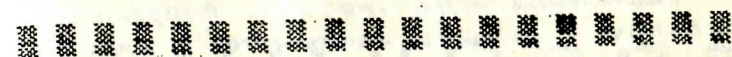
600-1000 (желательно),

1200 (в зависимости от качества)

Рисунки (5-40\$):

Филлеры и рисунки для обложек,
максимальный размер 8 1/2x11 дюймов,
(206x277 мм), только черно-белые. Редак-
ция может уменьшить, но не увеличить ва-
шу работу. Герои должны быть страшными и
красивыми одновременно. Впрочем, вы
вольны сами выбрать себе тему, но в духе
ШАМПАНЬ ХОРРОР.

Ко всем сабан обязательно прилагать
краткую творческо-биографическую справ-
ку.

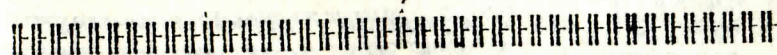
А вот рынок в США. Долларов он не
предлагает, зато может оказаться хорошей
стартовой площадкой. Ведь и получить из
Америки журнал, где опубликованы ваши
работы — тоже немало значит в глазах лю-
бимой девушки или лиц, принимающих реше-
ния (где им отличить фанзин от прози-
на!)

ВЭЛПЬЮЭРДЖИС НАЙТ

Журнал графики и поэзии в жанре "готик"
хоррор

Редактор ВН Луис Сандерс (г. Джексон,
Теннесси) ищет поэтические произведения
объемом не более 2 страниц и графические
работы, выдержанные в духе литературной
"готики" с уклоном в фантастику ужасов,
в том числе такие, авторов которых вдох-
новило творчество Г.Ф. Лавкрафта, Э.А.
По и других представителей этого
направления. Журнал также охотно публи-
кует стихи, героями которых являются
вампиры — подражания классике, совре-
менные вариации и те, что сочетают
вампиризм и эротику. Обилие крови (но в
меру) не пугает редактора, но рукописи и
рисунки явно порнографического или ос-
корбительного для вкуса характера будут
отвергнуты.

Гонорар — авторский экземпляр номера,
в котором опубликован саб. Журнал при-
обретает право на однократную публика-
цию.

ЕВРОКОН - 91

Краков, Польша, 9-12 мая 1991 года.

Почетные гости:
Пол Андерсон (СМА)
Джанфранко Вивиани
(Италия)

Почетные гости-фэны:
Рулоф Гудриан
(Голландия)
Борис Завгородний
(СССР)

Дорогие друзья!

Уже второй раз участники Еврокона встречаются в Польше. На первый польский Еврокон (1976, г. Познань) организаторы пригласили главным образом профессионалов - писателей, критиков, журналистов, даже научных работников. Горстка фэнов, которой удалось попасть на Еврокон-76, чувствовала себя излюбленной: нечего дилетантам путаться под ногами у серьезных людей.

Но ведь научная фантастика - дело не такое уж серьезное. Пимутся, конечно, научные работы, статьи, защищаются даже связанные с НФ диссертации, но все же, встречаясь на конвенциях, их авторы хохочут на очередном "серьезном научном докладе" Боба Моу или орут во все горло, отстаивая "своего" претендента на лучший

маскарадный костюм. Ведь конвенция - не конгресс, это время отдыха, возможность забыть на время о том, что ждет нас в понедельник (похмелье, несложившаяся жизнь или вовсе конец света).

Увы, забывать об этом все труднее. Вавельский дракон - существо совсем не страшное; угрожает нам вверь куда опаснее, имя которому - экологическая катастрофа. Она готова сжечь нас огнем космического и ультрафиолетового излучения, когда исчезнет озоновый слой атмосферы, стремится задумать нас углекислым газом, когда всю разойдется тепличный эффект, она хочет лишить нас чистой воды, зелени лесов, свежего воздуха.

И потому - давайте встретимся в 1991 году в Кракове, древнем городе, который больше других пострадал от безумного ременья политиков построить крупный металлургический комбинат почти у ворот Вавеля - средневекового дворца, объявленного ЮНЕСКО памятником мировой архитектуры, - и поговорим о том, как сделать, чтобы нашим детям довелось жить в мире не хуже, а лучше нашего.

А кроме этой серьезной части мы устроим все то, что так любят фэны: кинопрограмму, маскарад, книгообмен, аукцион, выставку живописи и рисунка и многое другое.

Вот основные сведения о предстоящем коне:

РЕГИСТРАЦИЯ:

Несколько лет назад Европейское Общество Научной Фантастики приняло решение об освобождении участников Еврокона из стран Центральной и Восточной Европы от

обязанности платить членские взносы из-за проблем с изысканием валютных средств. Чтобы ответить тем же, мы приглашаем всех желающих принять участие в Евроконе-91 бесплатно. Это не значит, что организаторы напали на золотую жилу и в состоянии обеспечить всех желающих номерами в гостинице и питанием. Но все, кто зарегистрируется до 31 декабря 1990 года, получают бесплатно памятную книжку, все рекламные материалы и бэдж - пропуск на мероприятия Еврокона. Кроме того, всем, кто пожелает, будет обеспечена возможность снять номер в отеле или койку в общежитии, а также приобрести талоны на питание в столовой. Впрочем, если у вас есть знакомые в Кракове, готовы предоставить уют и питание - прекрасно, вам повезло больше, чем остальным. Даже те, кто зарегистрируется после 31 декабря, смогут получить бэдж участника, но ни материалов, ни зарезервированного места в отеле для них уже не будет. Поэтому советуем поскорее заполнить прилагаемый регистрационный бланк и выслать его по указанному адресу.

Приглашения.

Оргкомитет не в состоянии обеспечить всех желающих **ЧАСТНЫМИ ВЫЗОВАМИ**, необходимыми для выезда граждан СССР. Возможно, некоторые польские фэны согласятся пригласить Вас на Еврокон, обеспечив питанием и жильем, в обмен на аналогичное приглашение на советскую конвенцию. Но это - на основе личных договоренностей. Оргкомитет может выслать только официальное приглашение на бланке

Еврокона.

Размещение.

Не будем скрывать, что проживание в польской гостинице обходится куда дороже, чем в советской. Многим это не по карману, поэтому мы предлагаем ряд вариантов (указана плата за сутки):

- [1] гостиницы "Орбис":
    - 85-110 руб. за одноместный номер;
    - 135-160 руб. за двухместный номер;
  - [2] гостиницы "Вавель-турист":
    - 33-70 руб. за одноместный номер;
    - 55-160 руб. за двухместный номер;
  - [3] туристское общежитие:
    - кровать в восьмиместном номере - 6 руб.;
    - 35 руб. двухместный номер;
  - [4] молодежная база:
    - кровать в большом номере 3-6 руб.
- Решение нужно принять до 31 декабря 1990 года.

Как попасть в Краков?

В Краков из СССР можно попасть прямым поездом. Но если кто-то едет транзитом через Варшаву, то просим обратить внимание, что скорые поезда на Краков отправляются утром и вечером, в них нужны плацкарты. Оргкомитет предлагает свои услуги в приобретении билетов на поезда 8 мая (около 17.00) и 9 мая (около 6.00). Заказы на билеты принимаются до 28 февраля 1991 года.

Банкет.

Призы Еврокона будут вручаться на торжественном банкете вечером 11 мая. Билеты будут продаваться во время конвенции, но их можно заказать и воспользоваться регистрационным бланком.

ЕВРОКОМ-91
Регистрационный бланк.

Фамилия.....
 Имя.....
 Отчество.....
 Домашний адрес.....
 Почтовый адрес.....
 Телефон..... доп..... служ.....
 Мой выбор (нужное подчеркните):
 Проживание [1] [2] [3] [4]
 Талоны в столовую [ ] [ ] [ ] [ ]
 Билет на поезд Варшава-Краков [ ] [ ] [ ] [ ]
 Официальное приглашение [ ] [ ] [ ] [ ]
 Хочу участвовать (поставьте крестик):
 Художественная выставка [ ] [ ]
 Выставка книг и фэнзинов [ ] [ ]
 Книгообмен [ ] [ ]
 Маскарад [ ] [ ]
 Банкет [ ] [ ]
 Конкурс авторской песни [ ] [ ]
 Сверх того нужны (прому сообщить):
 .....
 .....
 .....
 Бланк должен вернуться в Оргкомитет не
 позднее 31 декабря 1990 года (учтите
 возможную предпраздничную перегрузку
 почты) по адресу:
 WIKTOR BUKATO
 skr.poczt.983
 00-950 Warszawa
 Polska
 Виктор БУКАТО
 а/я 983
 00-950 Варшава
 Польша

ХУДОЖНИКИ ЭТОГО НОМЕРА.

Редакция выражает величайшую благодарность тем, кто участвовал в иллюстрировании номера. Худо-бедно, а нам удалось собрать интернациональный экипаж. Знакомьтесь:

Кэти Бубуруз (Канада) - литредактор канадского фэнзина **МАНПАНЬ ХОРРОР**, художница, прозаик. [с.132]

Всеволод Ю.Нартыненко (СССР) - редактор фэнзина **БОЙЦОВЫЙ КОТ** и фэн-газеты **АНДРОМЕДА**, художник, прозаик, пробует себя в поэзии и критике. [с.24, 176, 4-я страница обложки]

Татьяна А.Нилевская (СССР) - художница. В ряды фэндома влилась недавно, рисунки и иллюстрации для ИЛ - ее дебют в малой прессе. [с.50, 55, 87, 168]

Чарльз Дугерти (США) - художник. Присланные им рисунки уже публиковались в США в полупрозыне **ТВАЙЛАЙТ ЗОУН**. [с.4, 42, 138]

Кевин Данкан и Алберт Нанакино (США) - работающие в паре писатель и художник. Как видно по рисункам, оба любят и ценят черный юмор. [с.59, 60, 81, 147]

Сергей П.Корсаков (СССР) - художник, работает в сфере рекламы. Проект первой страницы обложки и иллюстрация на с.44 - его дебют в малой прессе.

Клас Вандерсповл (Голландия) - художник-карикатурист. Узнал о МЭД ЛЭВ из переписки с Сергеем. Два рисунка из серии о графе Дракуле свидетельствуют, что и в жанре фантастики ужасов смех - не чужеродное тело. [с.156, 187]

Анна Сулова (СССР) - начинающая художница. Иллюстрация по заказу редакции

- ее дебют в малой прессе. [с.70]

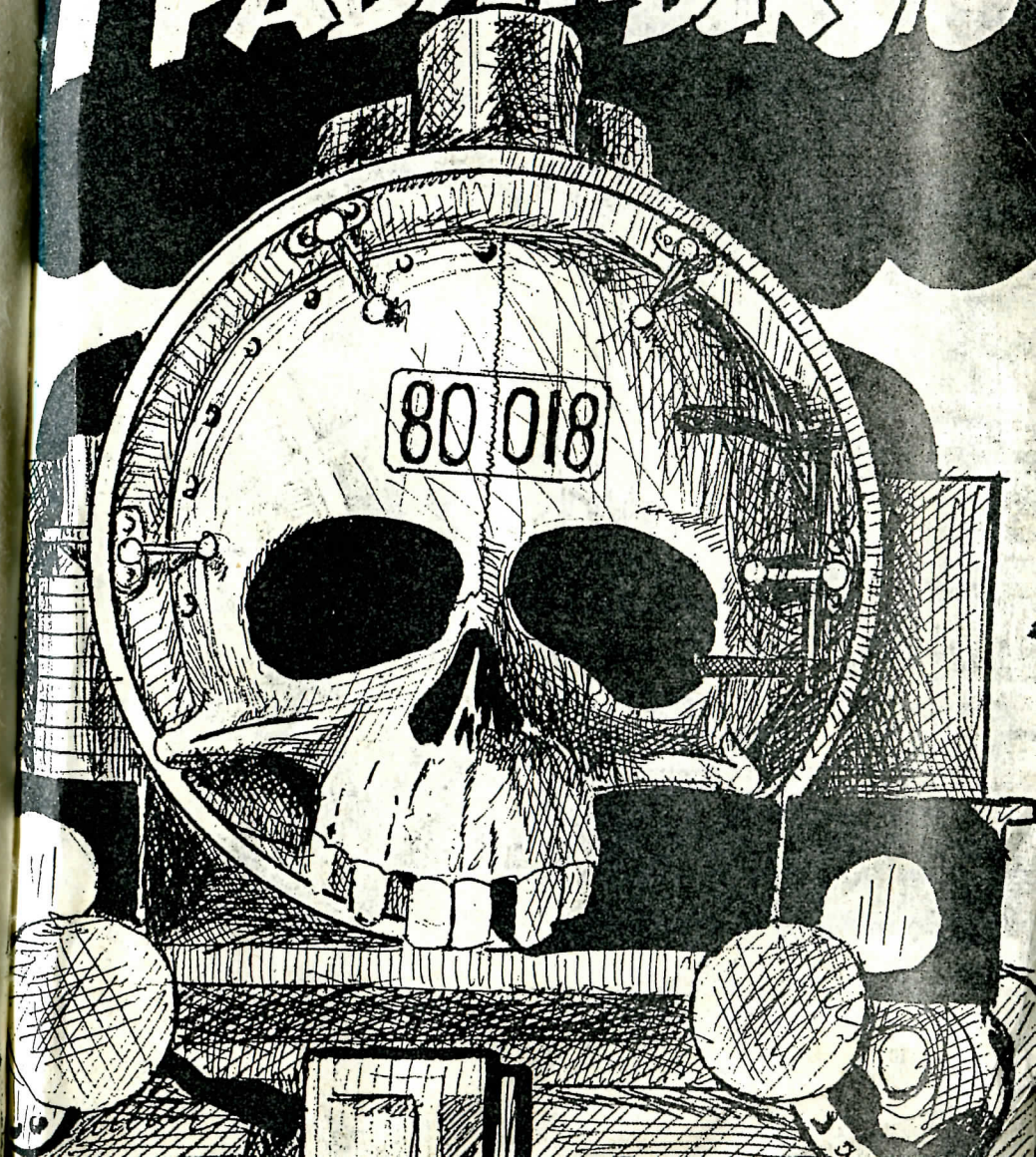
Андрей Р. Лагомяк (СССР) - свободный
фэн, переводчик с английского и соредак-
тор МЛ. Опыт работы художником-оформи-
телем позволил ему выполнить иллюстрацию
к рассказу Хока, помещенную на первой
странице обложки.

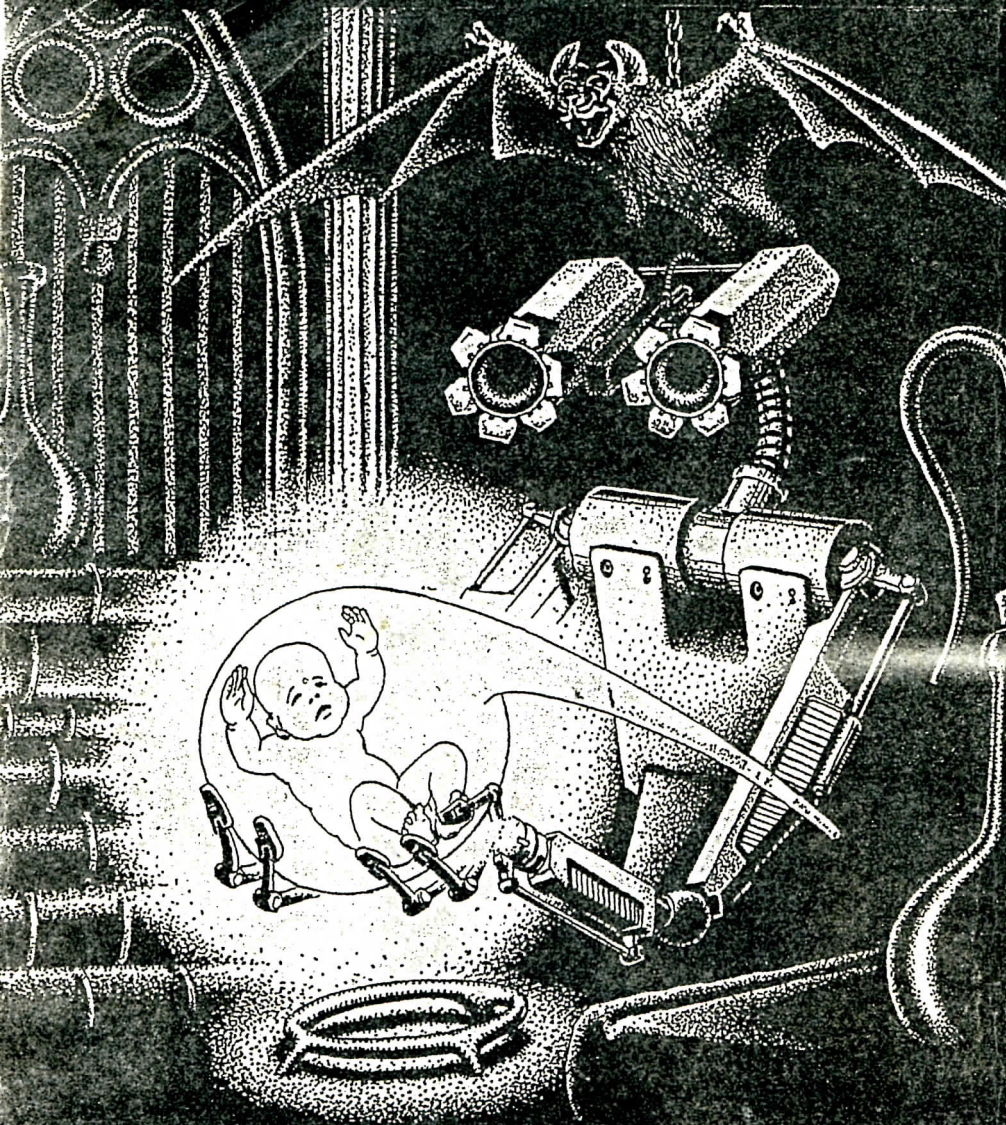
Из коллекции
Е.В. Харитонова

Сдано в набор 06.12.89. Подписано в
печать 25.01.90. Печать макета завершена
10.03.90. Формат 143x198. Гарнитура
DRAFT и SANS SERIF - EPSON FX-850.
Печать (макет) - матричный принтер.
Редакция ежеквартальника ИЭД ЛЭБ,
327003, г. Николаев, ГОС-3, а/я 22.

№80006598

#2: РАССКАЗЫ СТЕФАНА ГРАБИНЬСКОГО

Макет набран и отредактирован на ПП ЭВМ
"Искра 1030.11" по программе R1 и
отпечатан на принтере Epson FX-850.